
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

MONOGRAPH SERIES

«Issues Of Japanology = Вопросы японоведения» №6

**ЯПОНИЯ:
мир—традиция—перемены**

к 110-летию со дня рождения А.А.Холодовича
(1906-1977)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2016

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

ЯПОНИЯ:

мир—традиция—перемены

к 110-летию со дня рождения А.А.Холодовича
(1906-1977)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2016

УДК 008+94+821.521+811.521+292/299
ББК 63+70/79+81/83+85+86 (5Япо)

*Печатается по рекомендации
Научной комиссии Восточного факультета СПбГУ*

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ И СОСТАВИТЕЛИ:

А.В.Филиппов, Н.А.Самойлов, Е.М.Османов

РЕЦЕНЗЕНТЫ: канд. ист. наук Сеницын А.Ю. (МАЭ РАН, Кунсткамера),
канд. ист. наук Ковригин Н.Е. (СПбГУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

докт. ист. наук Филиппов А.В., докт. ист. наук Самойлов Н.А.,
канд. ист. наук Османов Е.М., канд. ист. наук Щепкин В.В.,
канд. ист. наук Сеницын А.Ю., канд. ист. наук Маранджян К.Г.

ДИЗАЙН И ОРИГИНАЛ-МАКЕТ: В.В.Щепкин, А.В.Филиппов

Печатается в авторской редакции

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

ЯПОНИЯ: мир–традиция–перемены. Материалы российских и зарубежных исследователей, представленные в рамках мероприятий, посвящённых 110-летию А.А.Холодовича [«Issues Of Japanology = Вопросы японоведения» №6]. – СПб. – Изд-во ЛЕМА, 2016. – 351 с.

Подготовленная авторским коллективом монография, приуроченная к 110-летию со дня рождения А.А. Холодовича (1906-1977), посвящена различным сторонам жизни традиционной и современной Японии. В подготовке издания задействован широкий круг японоведов, в числе которых, помимо известных российских исследователей, активное участие приняли зарубежные ученые.

Комплексный подход, являющийся характерной чертой востоковедения, в полной мере нашел свое отражение на страницах данной работы. Изучение широкого круга вопросов (язык и литература, история и культура, политика и экономика), глубокий анализ, оценка и интерпретация исследуемых проблем, в полной мере позволяющая составить целостный образ Японии.

Монография представляет несомненный интерес не только для специалистов-востоковедов, но и может быть рекомендована студентам, аспирантам, специалистам в области международных отношений и права, а также широкому кругу читателей, интересующихся различными аспектами прошлого и настоящего Японии. Материал приводится на русском, японском и английском языках.

ISBN 978-5-00105-004-9

© Авторский коллектив, 2016
© Восточный факультет СПбГУ, 2016
Все права защищены

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ЯПОНИЯ: ТРАДИЦИЯ ПЕРЕМЕН

Данная коллективная монография, выходящая в ставшей уже достаточно известной серии «Вопросы японоведения», носит символическое название: «Япония: мир — традиция — перемены». Эти выстроенные в линию слова очень ёмко выражают всю суть проделанной авторами работы по скрупулезному сбору различных материалов и выстраиванию их в соответствии с предложенной в заглавии иерархией: мир — традиция — перемены, ибо восприятие японцами окружающего мира, равно как и взаимодействие самой Японии с окружающим ее мировым пространством, предполагает взаимодействие, взаимосвязь и взаимозависимость таких констант, как «традиция» и «перемены» во временном континууме развития социума.

Ученые уже давно обратили внимание на то, с какой кажущейся легкостью (в отличие от многих других азиатских народов) японцы в разные периоды своей истории заимствовали, усваивали, перерабатывали и адаптировали многие элементы чужих культур, соединяя их с собственной национальной традицией. И все получалось очень естественно и целесообразно. Конфуцианство и буддизм, иероглифическая письменность и архитектура Киото, промышленность периода Мэйдзи и современные компьютерные технологии — все это появилось извне и стало неотъемлемой частью культурной, социальной и экономической жизни Японии, превратившись в элементы повседневной действительности.

Традиция заимствования и вытекающая из нее традиция перемен превратились в характерную черту всего исторического развития японского социума, став неотъемлемой частью культурного сознания и мировосприятия японцев. При этом в Японии никогда остро не ставился вопрос о насильственном вытеснении национальных традиций иноземными инновациями. Всё приходившее извне в большей или меньшей степени трансформировалось на японской почве и приспособлялось к уже существующему таким образом, что очень скоро в сознании основной массы населения оно становилось в полном смысле слова своим. А если и были попытки резкого, почти «революционного» внедрения чего-то нового и «чужого», как в первые годы «реформ Мэйдзи», они быстро затухали, уступая место плавному дрейфу в сторону спокойных и взвешенных перемен.

Таким образом, культура Япония остается поистине уникальной, будучи, с одной стороны, необычайно устойчивой и сохраняющей собственный культурный стержень, а с другой стороны, проявляя в нужный момент склонность к заимствованиям, синтезу и полифоничности.

Однако все это не исключает и того, что в определенные периоды истории в среде представителей японской общественной мысли могут раздаваться голоса, отстаивающие тезис о превосходстве Японии или концепции ее уникальности. В этом контексте можно вспомнить как рассуждения Мотоори Норинага о превосходстве всего японского над китайским, так и идеи национальной исключительности, появившиеся в XX в.

Стремление к сохранению традиции и в то же время готовность к переменам стали для японцев неотъемлемой частью социокультурного развития на протяжении

практически всей истории, а способность перенимать и генетически перерабатывать разнородные компоненты иных культур во всем мире считается специфической чертой японского национального характера. Таким образом, кажущееся противоречие между устойчивостью и изменчивостью в японской культуре становится фактором, цементирующим ее духовное единство, ее «самость».

В этой связи стоит напомнить слова Владислава Никаноровича Горегляда, который рассматривая особенности развития культуры Японии, высказал мысль о том, что «уровень отношений в культурных традициях проявляется в том, в частности, что, допуская проникновение генетически чуждых компонентов, он помогает выстроить их в порядке, свойственном элементам данной культуры, и постепенно преобразует эти компоненты по стандартам местной культуры. На такую переработку требуется время, поэтому периоды массового заимствования в сочетании со сменявшимися их эпохами относительной замкнутости принимают вид культурно-исторических циклов»¹.

Современные ученые уже не рассматривают «традиции» лишь как некое косное или даже отмирающее явление, которое должно исчезнуть под воздействием перемен. Традиция — это неотъемлемая часть любой культуры, своеобразный механизм ее функционирования. И в таком случае перемены эволюционного характера, происходящие в обществе, оказываются направленными не на слом и уничтожение традиций, а на сохранение их глубинной сути, их структурообразующего стержня.

¹ Горегляд В. Н. Некоторые тенденции развития японской культуры // Япония: идеология, культура, литература. М.: Наука, ГРВА, 1989. С. 8.

«Любая традиция — это бывшая инновация, и любая инновация — в потенции будущая традиция»¹. Япония может служить одним из наиболее удачных примеров соединения глубоких традиций, уходящих своими корнями в далекое прошлое, и ярчайших инноваций, устремленных в будущее.

Существование прошлого и настоящего в рамках единой культурной традиции, стремление или, по крайней мере, спокойное рациональное отношение социума к переменам способствуют стабильному функционированию общества и его движению во временном континууме, примером чего на протяжении длительного исторического периода является японский социум. Традиция перемен стала неотъемлемым элементом социокультурного развития Японии и определяет ее специфику на протяжении длительного исторического периода.

¹ Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1999. С. 244.

А. А. ХОЛОДОВИЧ:
ВОСТОКОВЕД, ЛИНГВИСТ-ТЕОРЕТИК

Александр Алексеевич Холодович в настоящее время известен главным образом как лингвист-теоретик, основатель школы типологического изучения языков, существующей уже более полувека и хорошо известной в отечественной и мировой лингвистике. Вместе с тем не следует забывать, что Александр Алексеевич был прежде всего исследователем японского языка и что он внес большой вклад как в изучение японского и корейского языков, так и в подготовку кадров по этим специальностям на нашем факультете. В недавно опубликованных воспоминаниях А. Ф. Троцевич, в прошлом ученицы А. А. Холодовича, очень живо и интересно рассказывается о том, с каким вниманием и азартом он вел занятия со студентами на основанной им кафедре (ныне Центре и отделении) корейской филологии нашего факультета, о его тщательной работе по редактированию диссертаций, статей и книг своих учеников.¹ Там же сказано о его прекрасном владении материалом не только корейской, но и китайской классической литературы. Подготовка изданий корейской литературы и трудов по ее истории А. А. Холодович уделял внимание всю жизнь. В содружестве с Анной Ахматовой был подготовлен сборник переводов корейской классической поэзии.

¹ Троцевич А. Ф. Мой Учитель Александр Алексеевич Холодович // Вестник Центра корейского языка и культуры. Выпуск №16. СПб: СПбГУ, 2014. То же см. <http://koryo-saram.ru/a-f-trotsevich-moj-uchitel-aleksandr-alekseevich-holodovich-2/>

Авторами этих строк написано несколько статей о научной биографии А. А. Холодовича и о работах основанной им Группы структурно-типологического изучения языков Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР (ныне Лаборатория типологического изучения языков Института лингвистических исследований РАН, далее ЛТИЯ). В настоящем докладе мы повторим часть сказанного нами ранее о личных качествах и индивидуальной судьбе А. А. Холодовича в контексте истории отечественной науки.

Научная деятельность Александра Алексеевича охватывает время около полувека с рубежа 1930-х по конец 1970-х годов. По японскому языку он защитил обе свои диссертации в 1938 и 1949 гг. и опубликовал более 20 статей. С 1930-х гг. он занялся корейским языком, ввел его в университетское преподавание и основал кафедру по корееведению, упомянутую выше. Ему принадлежат грамматика корейского языка 1954 г. и корейско-русский словарь на 60 тыс. слов 1951 г., переиздавался дважды). Он написал также очерк айнского языка. В дальнейшем он – соавтор и редактор многих статей по разным языкам в коллективных монографиях.

Мы не говорим о том, насколько выдержали проверку временем принадлежащие А. А. Холодовичу описания японского, корейского, айнского языков. Во всяком случае его заслуги в этих областях не забыты. Его столетию была посвящена корееведческая секция юбилейной сессии Восточного факультета СПбГУ весной 2006 г., в августе того же года был прочитан доклад Р. В. Пазухина о А. А. Холодовиче на польско-корейской конференции в Польше. Новейшая публикация из его научного наследия появилась два года назад в «Вопросах языкознания» и

посвящена вопросу о принципиальном представлении морфологии в виде исчисления логических возможностей словообразования в любом языке.¹

Важнейшие теоретические работы А. А. Холодович собраны в сборнике «Проблемы грамматической теории».² Сборник содержит незаконченную монографию о японском глаголе, до того не публиковавшуюся, и ряд статей 1940-1970-х гг. В нашей лингвистике популярность в свое время приобрела статья 1960 г. «Опыт теории подклассов слов». В ней были предложены критерии и методы анализа глагольных конструкций с помощью понятий глагольного ядра и его окружения, классификации конструкций по составу, операций над конструкциями, позволяющими идентифицировать подклассы глагола. Интересную дискуссию вызвала статья о типологии речи 1967 г.

Каковы характерные черты теоретического подхода А. А. Холодович к конкретным вопросам? Сильнейшей чертой его при изучении и описании конкретных языков было выяснение того, как устроена грамматика, с четкими, в математическом духе, определениями понятий, обязательным соблюдением логики и последовательности рассуждений. Любая тема грамматики, фонологии, социолингвистики интересовала его в первую очередь в плане некоторой рационально и логично организованной системы языковых единиц и правил. В свою очередь, этот подход проистекает из его мировоззрения, доверия к

¹ *Оглоблин А. К., Храковский В. С.* А. А. Холодович. Лекции о морфологии как исчислении. Публикация текста, примечания // Вопросы языкознания. 2014. № 4. С. 114–132.

² *Холодович А. А.* Проблемы грамматической теории. Отв. ред. В. С. Храковский. Л., 1979.

возможности рациональных объяснений в науке и жизни, интереса к математике и философии. Страдая серьезной болезнью сердца, от которой он и умер на 71-м году жизни, он и ее старался проанализировать и объяснить. Его исследовательский подход в сочетании с педагогическим мастерством, темпераментом, полемическим остроумием, вкусом к художественному слову породил ряд произведений, в которых изложение конкретных вопросов того или иного языка до сих пор представляет увлекательное чтение для лингвистов разных специальностей.

Надо ли в наше время напоминать о таких вещах, как точное определение используемых понятий, однозначность применяемой терминологии, четко и недвусмысленно формулируемое грамматическое правило, о том, что в описании языка не должно быть логических противоречий, или все это уже стало общим местом в лингвистике? Повидимому, этот идеал еще не достигнут, а иногда он и вообще не считается таковым.

Теоретическая лингвистика была очень слабой стороной русского востоковедения. Можно предположить, с какими трудностями мог столкнуться А. А. Холодович во время обучения в университете по профилю японской филологии, хотя его учителями были прекрасные специалисты и знатоки японского языка и культуры. Он окончил университет в 1927 г. в возрасте 21 года. В студенческое время и позже А. А. Холодович пришлось удовлетворять свой главный интерес чтением научной литературы, самообразованием.

Как развивалось языкознание в этот период? В XIX в. наука была вообще пронизана духом историзма, — вспомним Дарвина и Маркса с Энгельсом (чьи учения

продолжил и советский марксизм-ленинизм уже в XX в.). Таким, сравнительно-историческим, было и языкознание XIX в. своих основных достижениях. Лишь к концу XIX — началу XX вв. языковеды обратили пристальное внимание на системность языка в синхронии. От вопроса «какие звуки, слова, грамматические окончания в языке были и какие стали?» интерес переместился к вопросу «как устроен язык?», то есть в первую очередь к отношениям между составляющими языка как системы. В России это течение представляли И. А. Бодуэн де Куртенэ, Н. В. Крушевский, Ф. Ф. Фортунатов, А. М. Пешковский, позже Л. В. Щерба и его ученики. К началу 20-х годов минувшего века наши лингвисты ознакомились с курсом лекций Ф. де Соссюра и увидели в нем многое, что было уже им известно от своих учителей — теоретиков языка. В этот же период параллельно с лингвистикой в нашей науке развивался системный подход и в смежных областях. — вспомним ОПОЯЗ (русский формализм), теории стиха, морфологию сказки В. Я. Проппа.

Эта общая тенденция, несомненно, повлияла на круг чтения А. А. Холодовича. Он внимательно изучал и продумывал русскую грамматическую традицию, включая малоизвестные работы. Он часто ссылался на труды А. А. Потебни, Л. В. Щербы, А. М. Пешковского. А. А. Холодовичу принадлежит статья об истории и теории вопроса о второстепенных членах предложения в русском языке (вышла в 1959 г.). В свой аспирантский период А. А. Холодович был увлечен идеями и, вероятно, необыкновенной харизмой своего руководителя Н. Я. Марра, но уже в 1930-х гг. отошел от него, а в 1947 г. выступил с обоснованной критикой некоторых положений марризма, вызвав жесткую реакцию его последователей.

В 1930-х гг. мимо него, конечно, не прошли ставшие доступными русские переводы Соссюра, Э. Сепира, Ж. Вандриеса. В 1960-70-х гг. А. А. Холодович редактировал перевод «Принципов истории языка» Г. Пауля, сам перевел с немецкого «Основы фонологии» Н. С. Трубецкого. Ему принадлежит и перевод работы Р. Якобсона 1932 г. о структуре русского глагола, напечатанный в 1985 г. А. А. Холодович подготовил новое расширенное издание трудов Соссюра, написав к нему замечательное предисловие.

То новое, что было сделано отечественными лингвистами в 1960-70-х гг. (труды А. А. Зализняка, И. А. Мельчука, Ю. Д. Апресяна), вызывало у него живейший интерес и поддержку. Вообще внимание, с одной стороны, к традиции, а с другой, к новому в языкознании не оставляло его всю жизнь

Поскольку он не занимался сравнительно-историческим языкознанием, его реабилитация в 1950 г. не кем иным как И. В. Сталиным, с энтузиазмом воспринятая историками языков, вероятно, не вызывала у него больших эмоций, а сталинские рассуждения о языке в духе здравого смысла, скорее всего, казались ему, искушенному лингвисту, простецкими. По воспоминаниям Юрия Рытхэу, бывшего студентом филфака, на экзамене по общему языкознанию 1950 г. А. А. Холодович всем задавал один и тот же вопрос «С чем товарищ Сталин сравнивает грамматику?» Надо было ответить «С геометрией» и получить пятерку.

С середины 1950-х гг., после разгрома марризма, к счастью, без арестов и казней, а затем кампании борьбы с культом личности произошло смягчение атмосферы в науке, включая языкознание. Укрепились связи с западной наукой,

возрос интерес к языкам Азии и Африки, с народами которых руководство СССР рассчитывало сблизиться в совместной борьбе с колониализмом и империализмом. Было разрешено создавать проблемные группы в Академии Наук. Именно в это время у А. А. Холодовича созрело решение перейти из Университета в Академию и сосредоточиться на разработке теоретической грамматики и типологии языков (заметим, что типология развивалась у нас и в период господства марризма, в большей или меньшей степени в стремлении обнаружить подтверждение марровским положениям о стадиях, скрещении языков и пр.).

В докладной записке руководству Академии Наук с предложением создать проблемную группу он писал о том, что в советском языкознании до сих пор не создано общей теории языка, иначе теории «внутренней лингвистики», — такой, которую можно было бы сопоставить с предложениями лингвистов Запада — Романа Jakobsona, Ежи Куриловича, американских дескриптивистов. Структурализм в языкознании, писал он, у нас научились не столько преодолевать, сколько отбрасывать с порога, а недавняя (прошедшая незадолго до того) дискуссия о фонеме показала, что советская теория языка застряла на уровне XIX в.

В опубликованном нами докладе сказано о нескольких теоретических аспектах работ А. А. Холодовича¹:

¹ Оглоблин А. К., Храковский В. С. А. А. Холодович: теоретические основы творчества // Проблемы типологии и общей лингвистики. Междунар. конференция, посвященная 100-летию со дня рождения проф. А. А. Холодовича. Материалы. СПб: «Нестор-История», 2006. С. 94–102.

- о внимательном и бережном отношении к традиции, стремлении не отбрасывать ее, а подвести под нее рациональную основу и, в то же время, о чуткой и заинтересованной положительной реакции на новые идеи в науке.

- об уже упомянутой нами обязательности теоретических основ любого описания.

- об относительности гипотез, признании возможности сосуществования в рамках одной системы понятий различных взаимоисключающих равно адекватных и экономных интерпретаций одних и тех же фактов. <...> С ограниченностью наших знаний, пусть даже обширных, связана возможность различных, но равновероятных объяснений («выбрать что остроумнее» — А. А. Холодович устно).

Кроме того, надо отметить умение А. А. Холодовича выстроить иерархию проблем, отбрасывая несущественное на данном этапе работы. Он не стремился описывать все сразу, а стремился проследить, по его выражению, «чистые линии» исследования, довести до конца определенное положение, не боясь возникающих на этом пути парадоксов, которым следует искать дальнейшее объяснение (собственно, давно известный принцип Ф. Бэкона, провозвестника объективного метода в науке: «ошибка скорее возникает из-за неопределенности понятий»).

Далее, он считал о необходимым для типологии привлекать языки разного строя. В работах по японскому языку мы находим ссылки на чукотский и древнегреческий, русский и древнеисландский, термин грузинской грамматики «кцева». Основав группу структурно-типологического изучения языков в 1961 г., А. А. Холодович

был исключительно заинтересован в привлечении материала языков разного строя и происхождения.

В 1961 г. А. А. Холодович организовал и возглавил коллективную работу по типологии глагольных категорий в связи с синтаксисом, проходившую в основанной им Группе по типологии языков. Создавая эту группу и формируя ее научную программу, проф. А. А. Холодович опирался на щербовское понимание грамматики, согласно которому «вся грамматика в целом фактически со всеми ее разделами мыслится <...> не как учение о формах, а как сложная система соответствий между смыслами, составляющими содержание речи, и внешними формами выражения этих смыслов, их (смыслов) формальными показателями»¹. Вслед за А. В. Щербой он различал активную и пассивную грамматику. Активная — описание от смыслов к формам, пассивная, более традиционная — от форм к значениям этих форм и далее к смыслу высказывания. В традиционной грамматике определение значения тесно связано с формой, и поскольку формы в языках разные, то языки лишь слабо поддаются сопоставлению на уровне значений их форм. Для построения типологии языков надо исходить из их общей смысловой основы, которая сохраняется при переводе с языка на язык и при передаче одного и того же смысла синонимичными высказываниями.

Разделяя щербовское понимание грамматики А. А. Холодович был к тому же, вслед за А. А. Дмитриевским и А. Теньером, последовательным вербоцентристом, опиравшимся на гипотезу о доминирующей роли глагола и

¹ Зиндер А. Р., Маслов Ю. С. А. В. Щерба — лингвист-теоретик и педагог. Л., 1982. С. 69.

его категорий в структуре предложения. В своих синтаксических построениях он использовал синтаксическую концепцию Люсьена Теньера. Если учитывать оба названных обстоятельства, а именно понимание А. А. Холодовичем грамматики как соответствия между смыслами и формами и его представление о ведущей роли глагола и его категорий в структуре предложения, то из них естественно вытекает научная программа, которая заключается в типологическом исследовании содержательных грамматических категорий, связанных с синтаксисом предложения.

Выбор в качестве объекта исследования глагола, глагольных категорий и соответственно глагольных конструкций, связанных трансформационными и деривационными отношениями, по существу и определил круг вопросов, на которые следовало получить ответы в процессе конкретных исследований. Вот их примерный и далеко не полный перечень. Какие типы категориальных значений реализуются в синтаксических оппозициях глагольных конструкций? Можно ли составить каталог таких значений? Будет ли этот каталог включать только универсальные значения или также значения, специфичные для языков различного строя, или, может быть, разной генетической принадлежности? Можно ли выявить закономерности формальной организации конструкций, выражающих определенное грамматическое значение, и установить типологию формальных средств, используемых для его выражения?

По гипотезе А. А. Холодовича, содержательные грамматические категории глагола, если абстрагироваться от выражающих их форм, представляют собой семантические признаки, состоящие из ряда однородных

значений. Такие семантические признаки, как любил говорить А. А. Холодович, образуют библиотеку универсальных смыслов, создание которой и составляет сверхзадачу исследования. Вместе с тем, с его точки зрения, было важно учитывать все возможные формальные средства, используемые для выражения определенного смысла, а также все морфолого-синтаксические средства, маркирующие переход от семантически исходной конструкции, к семантически производной. Таким образом, можно говорить о двух составляющих тех исследований, которые проводились и проводятся в ЛТИЯ. Одна составляющая — универсальная: ее ведению подлежат семантические признаки и их значения, другая составляющая — типологическая: ее ведению подлежат все те средства, посредством которых как в различных языках, так и в одном и том же языке маркируются значения исследуемых семантических признаков.

В работах А. А. Холодович обнаруживается признание разных уровней семантического анализа и семантического устройства языка. Один из них тесно связан с морфологией и синтаксисом, а второй проявляется в сопоставлении языков, и в переводе с языка на язык и в установлении общего смысла синонимичных предложений (перифразировании, т. е. «внутриязыковом переводе»). Один из уровней семантики, более поверхностный, применим главным образом в описании грамматики языка как системы категорий, а второй, более глубокий, — в грамматической типологии.

Первый уровень семантики обусловлен интересом А. А. Холодовича к грамматическим категориям (в особенности категориям глагола), с одной стороны, и к синтаксису, с другой. В отзыве 1965 г. на диссертацию

А. А. Зализняка он называет важнейшей заслугой автора открытие новой грамматической категории¹.

Термин *категория* в разное время понимался им в разных смыслах. В незаконченной монографии по японскому глаголу дано такое определение категории: «это совокупность или множество взаимоисключающих однородных грамматических значений, или грамем»². Соответственно категория понимается как база оппозиций в морфологии глагола и оппозиций синтаксических конструкций. Рассматриваются категории каузатива, залога, учтивости (этикетности) и др. Морфологическим показателям в составе словоформ и дериватов глагола приписываются значения тех или иных грамем. Здесь проявляется классический структурный подход в его европейском варианте (Фортунатов, Соссюр, Трубецкой, Якобсон).

С другой стороны, в той же работе о японском глаголе применяется совершенно другой метод, а именно метод межъязыкового сопоставления. В японских каузативных глаголах формально не различаются разные виды каузативности, и поэтому А. А. Холодович называет японский каузатив «глобальным». Но на основании сопоставления с другими языками (к тому времени уже была издана под его редакцией «Типология каузативных конструкций», 1969), а также на основании перевода (в данном случае на русский язык) различаются три вида каузативных значений: фактитивное ('заставлять'),

¹ Холодович А. А. Ученому совету Института славяноведения Академии Наук СССР. Краткое заявление // Проблемы типологии и общей лингвистики. Междунар. конференция.... С. 189–191.

² Холодович А. А. Проблемы... С. 60.

пермиссивное (‘позволять’) и ассистивное (‘помогать’)¹. Т.е. в одном языке каузатив может быть грамматически более дифференцирован, чем в другом, но это не мешает их сопоставлению на определенном уровне семантики.

Важнейшим инструментом исследования являются, согласно, А. А. Холодовичу, исчисляющие классификации, или исчисления. Особенность исчислений состоит в том, что их базу составляют диагностические семантические признаки, комбинаторика значений которых исчерпывает все теоретические реализации изучаемой категории. Указанные признаки, и это надо подчеркнуть, отбирает сам исследователь, анализируя имеющиеся описания и эмпирические данные различных языков. Тем самым от его лингвистической интуиции зависит адекватность предлагаемых исчислений.

Исчисления моделируют потенциальные характеристики языковой системы, тогда как в конкретных языках обычно реализуется лишь часть логических возможностей, предусмотренных исчислением. Иными словами, исчисления объясняют и наблюдаемые факты, и факты, которых в данном языке или вообще в языках нет, но в принципе могли бы быть. Исчисления важны как для типологического, так и для конкретно-языкового описания категорий, поскольку некоторые логические возможности, предусмотренные исчислением, могут не обнаруживаться в формальных парадигматических системах конкретного языка и потому не учитываться в традиционном описании. Лекции о морфологии, упомянутые выше, как раз

¹ Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив / Отв.ред. А. А. Холодович. Л. С. 111

представляют попытку построить теорию морфологии в виде исчисления.

Эти вопросы составляют анкету, в соответствии с которой в ЛТИЯ были проанализированы каузатив, залог (актив/пассив), рефлексив, реципрок, результатив, глагольная множественность (мультипликатив/дистрибутив/ итератив), императив, а также значения так называемых функторных глаголов (модальные, таксисные, каузативные, пассивные, бенефактивные, аспектуальные, темпоральные, отрицательные), которые функционально сближаются с содержательными грамматическими категориями знаменательных глаголов. К этому перечню следует добавить условные и уступительные конструкции и, кроме того, таксисные конструкции (заглавия этих книг обычно фигурирует «типология *таких-то* конструкций»).

Работа ЛТИЯ продолжается и поныне, уже более 45 лет под руководством В. С. Храковского. ЛТИЯ является ядром Петербургской типологической школы, иначе Школы Холодовича. Ее публикации — монографии коллективные и индивидуальные, статьи и доклады — выходят на русском и английском языках и хорошо известны в нашей стране и за рубежом. Введенные понятия диатезы как базы категории залога, конструкций с предикатными актантами вошли в широкий обиход наших лингвистов. Среднестатистический возраст научной школы, как полагают, составляет около 30 лет, между тем Школа Холодовича отмечает в этом году 55 лет. Будем надеяться, что эта работа успешно продолжится.

ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК: АНАЛИЗ, ЭВОЛЮЦИЯ И ОПЫТ ПРЕПОДАВАНИЯ

ЧТО ТАКОЕ «ЯКУВАРИГО»

役割語とは何か

役割語とは、特定の人物像を想起させる特徴ある言葉遣いの中で、2000年に金水敏によってはじめて提起された用語である¹。この役割語の定義について、金水は2003年に次のようにまとめている。「ある特定の言葉遣い(語彙・語法・言い回し・イントネーション等)を聞くと特定の人物像(年齢、性別、職業、階層、時代、容姿・風貌、性格等)を思い浮かべることができる時、あるいはある特定の人物像を提示されると、その人物がいかに使用しそうな言葉遣いを思い浮かべることができる時、その言葉遣いを『役割語』と呼ぶ²。また、金水は役割語を英語で「role language」として、英語では役割語の定義を下記のように訳している。「Role language ("yakuwarigo"): a set of spoken language features (such as vocabulary, grammar and phonetic characteristics) that can be psychologically associated with a particular character type. (Character's attributes include age, gender, occupation, social status, appearance and personality.)³。ロシアにおける日本語研究では、2015年ノボシビルスクの教師グループが金水の研

¹ 金水 敏「役割語探求の提案」佐藤喜代治(編)『国語史の新視点』国語論究、第8集、2000年。P. 311-351。

² 金水 敏『ヴァーチャル日本語 役割語の謎』2003年、pp. 205。

³ *Teshigawara, Mihoko and Kinsui, Satoshi*. "Modern Japanese 'Role Language' (Yakuwarigo): fictionalised orality in Japanese literature and popular culture," *Sociolinguistic Studies*, 5-1, 2011. P. 37-58.

究をもとにロシア語で論文を発表しており、この論文中で役割語は「ролевые выражения」「ролевая речь」または「ролевая лексика」とされている。「Известный лингвист, профессор университета Осака, Сатоси Кинсуй впервые сформулировал понятие ролевой речи – якувариго 役割語 для анализа проблемы стереотипизации образа говорящего по его речевым особенностям. Согласно Кинсуй, такая стереотипизация имеет в своей основе восприятие собеседника через его манеру речи, обусловленную использованием характерных для него ролевых выражений якувариго¹。

では、実際に役割ごとはどのようなものなのであろうか。金水の例を下記にとりあげる。

- a. そうよ、あたしが知ってるわ
- b. そうじゃ、わしが知っておる
- c. そや、わてが知っとるでえ
- d. 左様、拙者が存じておる
- e. そうですわよ、わたくしが存じておりますわ
- f. そうあるよ、わたしが知ってるあるよ
- g. そうだよ、ぼくが知ってるのさ
- h. んだ、おら知ってるだ²

それぞれ(普通の)女性 a、男性の老人 b、関西人 c、武士 d、上品な女性 e、中国人 f、(若い)男性 g、田舎物 h とい

¹ Сюкури Ю., Пурик И.В., Калюжнова М.В., Миронова Л.О., Новикова О.С. Исследовательский проект «ролевая лексика в системе обучения японскому языку» контекст проблемы и перспективы исследования //Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания. Выпуск 13. Материалы научно-методической конференции «Методика преподавания японского языка»

²金水 敏『ヴァーチャル日本語 役割語の謎』2003年、pp.v

った人物像が想像できる。発話内容はまったく同一であるが、語彙・語法の組み合わせによって、まったく異なる話し手の人物像が指し示されるのである。

2014 年に出版された『〈役割語〉小辞典』では、このような役割語が何種類あるのかという問いに答えるのは難しい¹としながら、〈男ことば〉〈女ことば〉〈老人語〉〈武士ことば〉など 53 種類²に分類し、マンガや歌舞伎、脚本、小説、滑稽本、テレビ番組などからの引用でその用法を説明している。

しかし、現実の老人は上の b のような話し方をするわけではないし、d のように 話す武士は現代の社会には存在しない。つまり、現実の体験や教育の中で学ばれるものとは考えにくいのである。それなのに、なぜ役割語の知識が共有されるのであろうか。金水(二〇〇三)によれば、役割語形成には歴史的背景があり、「博士語」は一八世紀後半から一九世紀初頭ごろの江戸の老人語³、「お嬢様語」は明治～大正時代の女学校で広まった言葉づかい⁴であるが、このような歴史的段階を経て生き残ったスピーチスタイルが言語的ステレオタイプとして定着し役割語が形成され、多くの日本語話者が子供の頃から接している

¹金水 敏(編)(2014)『〈役割語〉小辞典』2014年、pp.viii

² アリマスことば、アルヨことば、田舎ことば、宇宙人語、江戸ことば、演説ことば、王様・貴族語、大阪弁、大阪弁・関西弁、沖縄ことば、奥様ことば、おじさん語、お嬢様ことば、男ことば、おネエことば、お婆さん語、お姫様ことば、尾張ことば、女ことば、片言、上方ことば、神様語、ギャル語、九州弁、京ことば、公家ことば、軍隊語、芸人ことば、権力者語、じい語、下町ことば、執事ことば、上司語、少年語、女学生ことば、書生語、スケバン語、相撲取りことば、中国人語、町人ことば、土佐弁、名古屋弁、忍者ことば、博士語、ピジン、武士ことば、舞妓ことば、メイドことば、やくざことば、遊女ことば、幽霊ことば、老人語、若者ことば

³金水 敏『ヴァーチャル日本語 役割語の謎』2003年、pp.13-28

⁴金水 敏『ヴァーチャル日本語 役割語の謎』2003年、pp.129-173

ポピュラーカルチャー作品を通じて、媒介、拡散されているからだと考えられる。日本ではこのようにある一定の人物像とその言葉づかいの関係がステレオタイプとして今の社会に広く浸透している。

では、もし私個人の語彙の選択が特徴的で、言葉遣いや口癖で友人たちが私という「人物像」をイメージできるとしたら、私が使う言葉遣いは役割語となりえるのだろうか。その特徴的な言葉遣いが、私 1 人ではなくある一定の話者グループを形成できるような「人物像」になっていたら、どうだろうか。

定延は、言葉遣いから想像できる「人物像」について「発話キャラクタ」という概念を用い論を展開する¹。金水、定延、両者共に言語的ステレオタイプに注目していることは共通しているが、「役割語」の定義をめぐっての認識の違いが存在する。両社の違いは、金水のように「共同体に由来するキャラクタ」「社会的共有」を重視しステレオタイプとして役割語を捉えるのか、定延のように「いい人」「ツンデレ」「デブキャラ」「眼鏡キャラ」など個々の性格や容姿などの特徴を想起させるコミュニケーションの特徴も役割語と捉えるのか、というところにあるようである²³。

定延は、発話キャラクタの言語を役割語と同一視し「すべてのことばはとりあえず役割語である」⁴といているが、金水は、これに対し、社会的グループと結びつけられた話し方のパ

¹定延利之『日本語社会のぞきキャラくり 顔つき・カラダつき・ことばつき』2011年、208P.

²金水 敏「コミュニケーションから見た役割語・キャラクター」2013.1『コミュニケーションの自然誌』研究会、口頭発表資料 <http://skinsui.cocolog-nifty.com/sklab/files/character20130121.pdf>(2016年3月15日)

³金水敏「役割語研究の10年」『台湾日本語文学報』33号、2013年、pp.30

⁴定延利之『日本語社会のぞきキャラくり 顔つき・カラダつき・ことばつき』2011年、pp.81

タンを役割語というのであって、性別、年齢・世代、社会的階層や 職業、居住あるいは出身地域などは役割語を持ちうるが、「いい人」「ツンデレ」など社会的な共同体とはみとめられない話者グループは、そこに特定の話し方があったとしても、その話し方を役割語とは考えず、「キャラクターの性格的属性などの人物の部分的な属性をしめす言語表現を『属性表現』¹であるとする西田の考えに賛成している。これに対し、定延は「最近の金水氏のご講演(たとえば「キャラクター言語から役割語へ」2015年2月17日、於大阪大学)では、金水氏は「役割語」の定義を変更され、これまで「役割語」であったものの一部を、「役割語」ではなく西田隆政氏の「属性表現」(人物の全体像ではなく部分的な側面の表現)とされている」と、金水の役割語の定義が変化したのだとし、自身も金水の役割語の認識とは異なる見解であることを明らかにしている²。このように、この十数年の間に、「役割語」という概念は多くの研究者によってさまざまな角度から研究検証されることにより、現在「役割語」という概念はより詳細な定義が確立されている。

Список использованной литературы 参考文献

1. 金水 敏「役割語探求の提案」佐藤喜代治(編)『国語史の新視点』国語論究第8集、2000年、pp. 311-351

¹西田隆政「「属性表現」をめぐって—ツンデレ表現と役割語との相違点を中心に—」『甲南女子大学 研究紀要』第46号文学・文化編 2013年 pp. 8

²定延 利之「日本語社会 のぞきキャラくり 補遺第99回「役割語」について」三省堂 WEB ページ 2015年11月22日 <http://dictionary.sanseido-publ.co.jp/wp/2015/11/22/%E3%82%AD%E3%83%A3%E3%83%A9%E3%81%8F%E3%82%8A%E8%A3%9C%E9%81%BA99-%E3%80%8C%E5%BD%B9%E5%89%B2%E8%AA%9E%E3%80%8D%E3%81%AB%E3%81%A4%E3%81%84%E3%81%A6/> (2016年3月15日)

2. 金水 敏『ヴァーチャル日本語 役割語の謎』2003年、225P.
3. 金水 敏『〈役割語〉小辞典』2014年、245P.
4. 金水敏「役割語研究の10年」『台湾日本語文学報』33号、2013年、pp.25-44
5. 金水 敏「コミュニケーションから見た役割語・キャラクター」2013『コミュニケーションの自然誌』研究会、講演資料 <http://skinsui.cocolog-nifty.com/sklab/files/character20130121.pdf> (2016年3月15日)
6. 金水 敏「『役割語』研究と社会言語学の接点」2007、社会言語学会第19回大会、講演資料 http://skinsui.cocolog-nifty.com/sklab/files/JASS19kinsui_paper.pdf (2016年3月15日)
7. 定延利之『日本語社会のぞきキャラくり 顔つき・カラダつき・ことばつき』2011年、208P.
8. 定延 利之「日本語社会のぞきキャラくり 補遺第99回「役割語」について」三省堂 WEB ページ 2015年11月22日
<http://dictionary.sanseido-publ.co.jp/wp/2015/11/22/%E3%82%AD%E3%83%A3%E3%83%A9%E3%81%8F%E3%82%8A%E8%A3%9C%E9%81%BA99-%E3%80%8C%E5%BD%B9%E5%89%B2%E8%AA%9E%E3%80%8D%E3%81%AB%E3%81%A4%E3%81%84%E3%81%A6/>
(2016年3月15日)
9. Teshigawara, Mihoko and Kinsui, Satoshi (2011) "Modern Japanese 'Role Language' (Yakuwarigo): fictionalised orality in Japanese literature and popular culture," *Sociolinguistic Studies*, 5-1: 37-58

10. Сюкури Ю., Пурик И.В., Калюжнова М.В., Миронова Л.О., Новикова О.С. Исследовательский проект «ролевая лексика в системе обучения японскому языку» контекст проблемы и перспективы исследования //Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания. Выпуск 13. Материалы научно-методической конференции «Методика преподавания японского языка»
11. 西田隆政「『属性表現』をめぐって—ツンデレ表現と役割語との相違点を中心に—」『甲南女子大学 研究紀要』第 46号文学・文化編 2013年 pp.1-11
12. 西田隆政「『ボク少女』の言語表現:常用性のある『属性表現』と役割語との接点」『甲南女子大学 研究紀要』第 48号, 文学・文化編, pp.13-22

БЕНЕФАКТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ -ТЭ/-ДЭ КУДАСАРУ И -ТЭ/-ДЭ КУРЭРУ В СОВРЕМЕННОМ ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Бенефактивной называют конструкцию, обозначающую действие в интересах некоторого лица [Подлеская, 2008, с. 336]. Статья посвящена анализу особенностей двух японских бенефактивных конструкций, образованных по моделям: деепричастная форма глагола -тэ/-дэ + служебный глагол кудасару, деепричастная форма глагола -тэ/-дэ + служебный глагол курэру. Традиционно считают, что эти конструкции обозначают действие, направленное от 2-го или 3-го лица к 1-му, от 2-го или 3-го лица к 3-му, от 3-го лица ко 2-му [Холодович, 1946, с. 177], [Лаврентьев, 1998, с. 176].

Эти конструкции Н. И. Конрад назвал социальным спряжением [Конрад, 1937, с. 77–78]. Сущность различия между ними А. А. Холодович определил следующим образом: «если лицо с «большим номером» оказывается в каком-либо отношении выше лица с «меньшим номером», то выбирается служебный глагол кудасару; если, наоборот, лицо с «большим номером» оказывается в каком-либо отношении равным или ниже лица с меньшим номером, то выбирается служебный глагол курэру [Холодович, 1952, с. 186]».

Указанная трактовка значения этих конструкций в общих чертах объясняет их употребление в японском языке, но нуждается в уточнении подклассов глаголов, от которых они образуются (их список не ограничивается глаголами действия), а также в анализе особенностей и разнообразных способов выражения бенефицианта, т. е. «положительно затронутого участника» ситуации [Плунгян, 2011, с. 163], обозначенной глаголом в бенефактивной

конструкции и его окружением. Обычно бенефициантом считают актанта в синтаксической функции дополнения. Для нас принципиально важна более широкая трактовка бенефицианта как такого члена данного предложения или предшествующего ему, который выполняет семантическую роль «положительно затронутого участника» ситуации, обозначенной глаголом в бенефактивной конструкции, независимо от его синтаксической функции. Далее будет показано, что роль бенефицианта могут выполнять не только актанты в синтаксической функции дополнения при глаголе в бенефактивной конструкции, но и члены данного или соседних предложений в иных синтаксических функциях (например, подлежащего придаточного предложения, местоименного или именного определения и т. д.).

В нашем материале выделяются следующие подклассы глаголов, способных образовывать бенефактивные конструкции -тэ/-дэ кудасару, -тэ/-дэ курэру. В статье используются названия семантических подклассов глаголов, предложенные для русского языка в [Золотова, 2004, с. 59–80].

I Акциональные глаголы

1. Донативные глаголы, выражающие действие, направленное на заинтересованного участника ситуации и имеющее для него позитивные последствия: тасукэру 'помогать', атаэру 'давать', мимамору 'защищать', сукуу 'спасать', касу 'давать в долг', мэгуму 'оказывать благодеяние'.

Пример 1: ...кэйдзайтэкини коматтэита токи но ватаси о тасукэтэ кудасатта. [Ц.с. 216] '(Сэнсэй) ... помогал мне, когда были финансовые трудности.'

2. Глаголы речевого действия: оссяру 'говорить', йу 'говорить', ханасу 'рассказывать', цуаэру 'передавать', 'сообщать', котаэру 'отвечать'.

Пример 2: Сэнсэй то тити то но кайва ва ватаси ни ва сашари вакаранай ханаси датта га, сэнсэй ва ватаси га вакару ёни ханаситэ кудасатта кото мо атта. [В. с. 237] 'Беседы учителя с отцом были мне совершенно непонятны, но иногда учитель говорил так, чтобы я понимал (его беседу с отцом)'.

3. Глаголы ментального действия: кангаэру 'думать', ёму 'читать', вакару 'понимать', колгисуру 'читать лекцию'.

Пример 3: ...бунгаку сукино моно ни ва «бунгэйгаку» о ёндэ кудасаттари мо симасита.[О. с. 176] '...тем, кто интересуется литературой, (учитель) также читал (книгу) по литературоведению'.

4. Глаголы эмоционального действия: нагусамэру 'утешать', осиму 'жалеть'.

Пример 4: ...Кадома-сан ва накунатта. Окуда сэнсэй га кокоро кара осиндэ кудасатта. [Х. с. 125] '...Кадома умер. Окуда сэнсэй жалел от всего сердца'.

5. Глаголы восприятия: миру 'смотреть', кикү 'слышать', кикииру 'вслушиваться'.

Пример 5: Окуда сэнсэй ва... ватаси но ханаси ни кикииттэ кудасатта. [К. с. 103] 'Окуда сэнсэй вслушивался в мой рассказ...'.

6. Глаголы интерпретирующие: хомэру 'хвалить', сикару 'ругать'.

Пример 6: Ёку, дзё:дзу да то хомэтэ кудасатта. [Я. с. 232]. '(Учитель) часто хвалил, (говоря): «Хорошо»'.

7. Глаголы intersубъектных действий: цукиау 'общаться', цукисоу 'сопровождать', ау 'встречаться', аннайсуру 'проводить'.

Пример 7: ...дзинан га ватаси ни цукисоттэ курэмасита. [М. с. 108] '...меня сопровождал второй сын'.

8. Глаголы движения: куру 'приходить', 'приезжать', каэру 'возвращаться', тадзунэру 'посещать', оикакэру 'гнаться'.

Пример 8: ...майнити курума дэ Такао эки ни мукаэ ни китэ курэта но дэс. [М. с. 109] '...(муж) каждый день приезжал на машине встречать (меня) на станцию Такао'.

9. Глаголы деятельности: цукуру 'делать', 'создавать', 'изготавливать'.

Пример 9: Сёкудзи но танто: но катагата ва сэнсэй но го-кайфуку га хаямару ё:ни то, кокоро о кудайтэ, сёкудзи о цукуттэ кудасаимасита. [Су. с. 185-186] 'Те, кто отвечал за приготовление еды, готовили её, прилагая все силы для скорейшего выздоровления учителя.'

10. Глаголы физиологических действий: табэру 'есть', 'питаться', мэсиагару 'кушать', куу 'питаться'.

Пример 10: Мата, Окуда сэнсэй ва Окинавано моно о ёрокондэ мэсиагаттэ кудасатта. [Ка. с. 219]. 'Кроме того, Окуда сэнсэй с радостью ел окинавскую еду'.

II Неакциональные глаголы

1. Глаголы состояния или статуальные: обэру 'помнить', мацу 'ждать', куро:суру 'переживать', 'беспокоиться', кангэкисуру 'быть глубоко тронутым', ёрокобу 'радоваться', кандзиру 'ощущать', 'чувствовать'.

Пример 11: ...ватаситати ни сукоси дэмо дээнсинтэкина сигото га дэжитари суру то сэнсэй ва, карада о фурувасэру ё:ни ситэ, ёрокондэ кудасаимасита. [Кат. с. 10]

‘...когда нам удавалось добиваться хотя бы небольших успехов, учитель радовался до глубины души’ .

2. Глаголы посессивные: иру ‘иметься’ , ‘находиться’ , моцу ‘иметь’ .

Пример 12: ...сэнсэй ва тикакуни итэ кудасару. [Су. с. 188] ‘...учитель находится рядом’ .

3. Глаголы фазисные: нару ‘становиться’ .

Пример 13: ...Ватанабэ Ёсио сэнсэй га ... ватаситати но тикара ни наттэ кудасаимасита. [Ми. с. 28] ‘...Ватанабэ Ёсио сэнсэй ... стал нашей силой. (Благодаря Ватанабэ Ёсиосэнсэй мы стали сильными)’ .

Переходим к рассмотрению типов бенефициантов и особенностей тех членов, которые им соответствуют в предложении, содержащем бенефактивную конструкцию или в ближайшем к этому предложению окружении. Основным признаком для классификации типов бенефициантов считаем наличие или отсутствие в предложении, содержащем бенефактивную конструкцию или ближайшем окружении, члена, который соответствует бенефицианту. В случае наличия такого члена будем называть бенефициант открытым, в случае отсутствия (за исключением эллипсиса) — скрытым.

Мы выделили несколько видов открытых бенефициантов:

1) Прямой бенефициант, представляющий собой прямое указание на бенефицианта, выраженного существительным или местоимением. Член предложения, соответствующий прямому бенефицианту, может выполнять различные синтаксические функции:

а) Дополнение в окружении глагола в бенефактивной конструкции. Например, актант с синтаксической ролью дополнения в роли бенефицианта входит в обязательное

окружение донативных глаголов (пример 1), глаголов интерсубъектных действий (пример 7).

б) Именное или местоименное определение к актанту в окружении глагола в бенефактивной конструкции (пример 5: (ватаси но ханаси 'мой рассказ'), или другого глагола в том же предложении (пример 9: сэнсэй но го-кайфуку 'выздоровление учителя').

с) Подлежащее

1) в главном предложении (пример 22: ватаси ва 'я');

2) в придаточном предложении (пример 2: ватаси га вакару ё:ни 'так, чтобы я понимал').

Второй вид открытого бенефицианта — имплицативный бенефициант. В этом случае в окружении глагола в бенефактивной конструкции содержится член, обозначающий название места, учреждение, мероприятие, к которым имеет отношение заинтересованный участник ситуации, т. е. бенефициант.

Пример 14: ...сэнсэй ва нандомо Окинава ни аси о хакондэ кудасатта [Ко.с.166]. '...учитель неоднократно ездил на Окинаву' .

В ситуации, которая описана в данном предложении, учитель ездил на Окинаву к своим ученикам, которые и являются бенефициантами.

Пример 15: ...Окуда сэнсэй га доё: но кай ни санкаситэ кудасаттэ... [Оно. с.150]. '...Окуда сэнсэй участвовал в субботних заседаниях (лингвистического) общества...'

В данном случае бенефициантами являются говорящий и другие члены лингвистического общества, имплицированные в лексеме кай 'общество' , 'заседание' .

Третий вид открытого бенефицианта — ассоциативный бенефициант. Ассоциативы описывают совместные действия, в которых выделяется «лидер» и

«группа сопровождения» [Плунгян, 2011, с. 282]. Ассоциативный бенефициант входит в «группу сопровождения», а субъект в функции подлежащего является лидером, в действии которого заинтересован бенефициант. При этом указание на бенефициант и «лидера» может отсутствовать (оба восстанавливаются из контекста), а имеется лишь указание на совместность их действий.

Пример 16: Сюппансарэта бакари но, Хородовити кансю: «Укэми кодзо: но руйкэйгаку» о иссэни ёндэ кудасатта кото мо ару. [С. с. 181] 'Вместе, бывало, читали только что опубликованную под редакцией Холодовича (книгу) «Типология пассивных конструкций». ' Из контекста восстанавливаем, что сэнсэй читал книгу вместе с нами.

Особенность всех перечисленных выше видов открытых бенефициантов (прямого, имплицитного, ассоциативного) состоит в том, что в непосредственном окружении глагола в бенефактивной конструкции или за пределами этого окружения, но, как правило, в том же предложении обязательно или факультативно, эксплицитно или имплицитно содержится член, соответствующий бенефицианту.

В отличие от открытого типа скрытый бенефициант не имеет таких соответствий. Он восстанавливается на базе широкого контекста, как правило, выходящего за рамки предложения с глаголом в бенефактивной конструкции (пример 10). В этом примере глагол мэсиагару 'кушать' не имеет актанта со значением «положительно затронутого участника» ситуации. Из контекста, выходящего за рамки данного предложения, и анализа тех лиц, которые могут быть претендентами на роль бенефицианта, заключаем, что

бенефициантом или бенефициантами являются ученики профессора Окуда, живущие на Окинаве и глубоко почитающие своего учителя, для которого приготовили окинавскую еду.

Необходимо подчеркнуть, что в случаях имплицативного, ассоциативного и особенно скрытого бенефицианта для выявления лица (или лиц), выступающего в роли заинтересованного участника ситуации, всегда необходим анализ широкого контекста, ситуации, знание истории отношений, социального статуса субъекта и указанных в контексте лиц, одно из которых (или группа, или все) является бенефициантом.

Обращает на себя внимание тот факт, что примеры, иллюстрирующие разные типы и виды бенефициантов, свидетельствуют о тесной связи последних с семантическим подклассом глаголов, в окружение которых входит соответствующий им член предложения. Так, скрытый бенефициант невозможен в окружении донативных глаголов, и напротив — для глаголов физиологических действий не типичен открытый бенефициант. Вопрос о связи типа бенефицианта с семантикой глагола в бенефактивной конструкции требует дальнейших исследований.

Выше рассматривались особенности членов предложения в семантической роли бенефицианта. Необходимо внести некоторые уточнения относительно актанта в роли субъекта – подлежащего в предложении с глаголом в бенефактивной конструкции -тэ/-дэ кудасару или -тэ/-дэ курэру. Место актанта в синтаксической роли подлежащего заполняется здесь именами, входящими в подкласс лиц, или местоимениями. Однако А. А. Холодович отмечал, что «в ряде случаев в сферу направленного

действия вовлекается некоторый круг «предметов», которые в той или иной мере поддаются персонификации (горе, беда, счастье и т.п.), или являются неотъемлемой частью личности как психологическое состояние (настроение, волнение, переживание и т.п.)» [Холодович, 1952, с. 194]. В этих случаях употребляется, как правило, вариант -тэ/-дэ курэру. В нашем материале имена в функции подлежащего, не относящиеся к подклассу лиц, были представлены различными подклассами: имена, обозначающие период времени (дзидай 'эпоха', тоси 'год'), результат интеллектуальной деятельности (котоба 'слово', тэгами 'письмо', сасиэ 'иллюстрация', гакумон 'наука'), черту характера (кибисиса 'строгость'), животное (ума 'лошадь'), планету (тайё: 'солнце'), абстрактное имя (моно 'вещь', 'нечто') и т.д.

Пример 17: ...со:сакурёку ва кими о тасукэтэ курэру [Код. с. 235]. '...творческая сила тебе помогает'.

Пример 18: 1961 нэн (сё:ва 36 нэн) ва, хонто: но кэнкю: то ва нани ка, о ватаситати ни кидзукасэтэ курэта тоси дэсита [Си. с. 137]. '1961 год (36 год Сёва) был годом, который дал нам возможность понять, что такое настоящее исследование'.

Пример 19: Хонто: но гакумон тою: но ва хито о сукуттэ курэру моно нано да тою: кото о омоимас [Ку. с. 15]. '(Я) думаю, что истинная наука спасает человека'.

Как отмечалось выше, если субъект — нелицо, преобладает вариант -тэ/-дэ курэру. Однако имеются и исключения. В тех случаях, когда подлежащим является имя со значением ментального воздействия или имя, указывающее на род деятельности уважаемого бенефициантом лица, употребляется вариант -тэ/-дэ кудасару.

Пример 20: Окуда сэнсэй но осие то митибики ва, ... хиторихиторини хокори о моттэ сигото о суру дзисин о мотасэтэ кудасатта [Ц. с. 216]. 'Наставления и руководство Окуда сэнсэй... каждому придавали уверенность делать работу с гордостью' .

Интересен тот факт, что в отношении одного и того же субъекта в роли подлежащего, представляющего собой лицо, автор или говорящий может в некоторых случаях употреблять глаголы в форме -тэ/-дэ курэру и -тэ/-дэ кудасару.

Пример 21: Ару самуй фую но ёру но кото, дзибун но кэнкю:сицу дэ сирабэмоно о ситэ ита токи, ...Ватанабэ Сингосэнсэй га сасоттэ курэта [Т. с. 100]. 'Однажды холодным зимним вечером, когда (я) занимался в своём кабинете, Ватанабэ Синго сэнсэй пригласил (меня зайти к нему).'

И далее:

Пример 22: Сингосэнсэй ва ... сасоттэ кудасатта но да то, ватаси ва има дэмо каняситэ иру. Синго сэнсэй ва ватаси ни тоттэ има ни итару мадэ но дайdzина сэмпей дэ ару [Т. с. 101]. 'Я и сейчас благодарен, что Синго сэнсэй ... пригласил (меня зайти к нему). Синго сэнсэй для меня до сих пор является уважаемым старшим коллегой' .

По нашим наблюдениям, такая мена объясняется тем, что -тэ курэру сначала фиксирует действие субъекта в более молодом возрасте. Употребление в дальнейшем -тэ кудасару отражает более уважительное отношение автора (говорящего) к субъекту действия, который с течением времени приобрёл более высокий социальный статус.

Далее рассмотрим зафиксированные в нашем материале разнообразные лексические средства выражения положительной эмотивности бенефактивной ситуации, т.е.

позитивного отношения затронутого ситуацией участника к действию, бытийности субъекта в роли подлежащего:

1. Прилагательные, наречия, имена, глаголы, положительно характеризующие ситуацию в целом и её отдельные детали.

Пример 23: Сонна коро кара сэнсэй ва боку ни дайdziна кото о такусан оситэ кудасатта но да то омоу. [В. с. 237] 'С тех пор думаю, что сэнсэй научил меня многим важным вещам' .

Пример 24: Окуда сэнсэй ва... ватаситати о атакаэй хикари дэ тэрасицузукэтэ кудасару кото дэсё. [Код. с. 237] 'Окуда сэнсэй, наверное, продолжает освещать нас тёплым светом' .

2. Общий позитивный смысл высказывания

Пример 25: Сэнсэй ва табитаби «Вакаранай котова най ка?» «Мудзукасий кото ва най ка?» то тадзунэтэ кудасаимасита. [О. с. 176] 'Сэнсэй часто спрашивал (нас): «Нет ли чего-то непонятного?» «Нет ли чего-то трудного?»'

3. Лексические средства выражения благодарности субъекту, находящиеся в предложении с глаголом в бенефактивной конструкции (пример 22) или следующим за ним:

Пример 26: ... тикагоро ни наттэ, сэнсэй га симмини наттэ сикаттэ кудасаттэ ита но да то кидзукимасита. Сикарарэру кото ва аригатай кото то тэкусэцу сэнсэй ни мо:сиагэтакатта. [Ир. с. 187–188] '... в последнее время я замечала, что сэнсэй ругал (меня) по-отечески. Я хотела сказать самому учителю, что благодарна за то, что он (меня) ругает' .

Таким образом, можно утверждать, что исследуемые бенефактивные конструкции указывают не только на действие, статуальность, посессивность и т.д. субъекта в

интересах другого лица, но и на позитивное отношение этого лица к проявлениям субъекта, зафиксированным глаголом в бенефактивной конструкции и его окружением.

Если же в бенефактивной конструкции место со значением субъекта в функции подлежащего заполняется неодушевлёнными именами или именами, обозначающими животных (и те, и другие не могут осуществлять сознательное, контролируемое действие, направленное на «положительно затронутого участника» ситуации), значение позитивной эмотивности для этих конструкций выходит на первый план. Продемонстрируем это на переводах предложений из романа «Анна Каренина» (переводчик Накамура Тору), в которых субъектом — подлежащим является неодушевлённое имя или одушевлённое, обозначающее животных.

Пример 27: ...солнце... придавало крепость и упорство в работе... [АК. с. 250] ‘...тайё: мо, ... сигото ни гамбари то конки о соэтэ курэта [АК1. с. 34]’ .

Пример 28: Дороги не лучше и не могут быть лучше; лошади мои везут меня и по дурным [АК. с. 244]. ‘До:ро ва ёку най си, ёку нару хадзу мо аримасэн. Дага, боку но ума ва акуро дэмо, тянто боку о цурэтэ иттэ курэмас [АК1. с. 20–21]’

Пример 29: ...ясный и холодный августовский день ... освежал его... лицо и шею. [АК. с. 310]. ‘...хатигацу но хияритосита, харэта хи соно моно мадэ га, ...као я кубисудзи о сугасугасику ситэ курэта [АК1. с. 144]’

Пример 30: И вот письмо это... давало ей то, чего она желала [АК, с. 289]. ‘Соситэ, коно тэгами ва, ... канодзё но нодзومي до:ри но моно о атаэтэ курэтэ ита’ [АК1. с. 104]

Пример 31: ...это свидание...спасёт её. [АК.с.312] ‘Коно дэто га... дзибун о сукуттэ курэру ка мо сирэнай...[АК1. с. 147]’

Как нам представляется, во всех перечисленных примерах конструкция -тэ/-дэ курэру подчеркивает позитивное отношение бенефициантов (в примерах 27, 28 — Левина, 29 — Вронского, 30, 31 — Анны) к проявлениям субъектов в роли подлежащего (солнце, день, лошадь, письмо, свидание), а не сознательную направленность их действий в интересах бенефициантов.

Далее коротко остановимся на вариантах использования конструкций -тэ/-дэ курэру и -тэ/-дэ кудасару в рамках одного предложения, если один и тот же субъект характеризуется различными глаголами. Возможны 2 варианта:

1. Употребление бенефактивной конструкции при всех глаголах, относящихся к субъекту — подлежащему.

Пример 32: Соно ко но кэкконсика ни ва гиригатаку То:яма мадэ китэ курэ иваттэ курэмасита. [Ис. с. 251]‘(Он) из чувства долга приехал на свадьбу сына в Тояма и поздравил.’

2. Употребление бенефактивной конструкции при некоторых глаголах, характеризующих субъект — подлежащее.

Пример 33: Сэнсэй ва кибисику сикаттэ кудасару кото мо атта га, цунэни кокуго-кё:ику но кото о кангаэ, гэмба но кё:си но кото о кангаэтэ кудасаттэ ита. [На. с. 156] ‘Случалось, сэнсэй строго ругал (нас), но обычно (он) думал о преподавании родного языка, думал о наших преподавателях’ .

Вопрос о том, чем руководствуется автор, выбирая из нескольких глаголов тот, который оформляется

бенефактивной конструкцией, остаётся открытым и требует теоретического обоснования и эксперимента с информантами.

В заключение считаем необходимым подчеркнуть, что категорию направленности действия, к которой относятся исследуемые конструкции, необходимо изучать как категорию лингвистики текста и исследовать её на базе широкого контекста, на основе тщательного анализа истории отношений и социального статуса персонажей, выступающих в качестве субъекта и бенефицианта бенефактивной конструкции.

Список сокращённых наименований источников

АК Толстой Л.Н. Анна Каренина. — М.; Л.: Гослитиздат, 1950. — 838 с.

АК1 Торусутои (Толстой Л.Н.) Анна Карэнина (тю:// Пер. Накамура То:ру. — Токио: Изд-во Иванами сётэн, 1989. — 580 с.

В Ватанабэ Кэнта. Дэкай вафуку но одзисан/Цуйто: Окуда Ясуо // Токио: Изд-во Муги сёбо:, 2003. — С.237–239.

Ир Ирокава Кэйко. Окуда сэнсэй э / Цуйто: Окуда Ясуо // Токио: Изд-во Муги сёбо:, 2003. — С. 187–188.

Ис Исидзава Тосико. Накиани о синондэ / Цуйто: Окуда Ясуо // Токио: Изд-во Муги сёбо:, 2003. — С. 250–251.

К Като Тоёхиро. Итиго итиэ / Цуйто: Окуда Ясуо // Токио: Изд-во Муги сёбо:, 2003. — С.103.

Ка Каримата Сигэхиса. Окуда сэнсэй о оикакэтэ/ Цуйто: Окуда Ясуо // Токио: Изд-во Муги сёбо:, 2003. — С.217–220.

Кат Като Мицудзо. Тёдзи / Цуйто: Окуда Ясуо // Токио: Изд-во Муги сёбо, 2003. — С. 9–11.

Ко Коти Хадзимэ. Манабу «кокородзаси» о васурэдзунитай / Цуйто: Окуда Ясуо // Токио: Изд-во Муги сёбо, 2003. — С. 166–167.

Код Кодака Ай. Мураками гассюкудзё дэ но дэкигото / Цуйто: Окуда Ясуо // Токио: Изд-во Муги сёбо, 2003. — С. 235–237.

Ку Кудо Маюми. «Синобу кай» дэ но о-ханаси / Цуйто: Окуда Ясуо // Токио: Изд-во Муги сёбо, 2003. — С. 15–16.

М Матида Масако. Сэнсэй кара осоватта кото / Цуйто: Окуда Ясуо // Токио: Изд-во Муги сёбо, 2003. — С. 108–110.

Ми Мидорикава Масако. Окуда Ясуо сэнсэй но омоидэ / Цуйто: Окуда Ясуо // Токио: Изд-во Муги сёбо, 2003. — С. 27–28.

На Наканиси Ёси. Окаяма-кокуго-букай но аюми но нака дэ / Цуйто: Окуда Ясуо // Токио: Изд-во Муги сёбо, 2003. — С. 153–156.

О Оцуки Хироко. Сакура но коро о синондэ / Цуйто: Окуда Ясуо // Токио: Изд-во Муги сёбо, 2003. — С. 175–178.

Оно Оно Тэцуо. Имада, бака ни нарикирэдзунитас / Цуйто: Окуда Ясуо // Токио: Изд-во Муги сёбо, 2003. — С. 148–152.

Си Симояма Тосикацу. Окуда Ясуо сэнсэй то бун но сидо: / Цуйто: Окуда Ясуо // Токио: Изд-во Муги сёбо, 2003. — С. 137–141.

Су Сугавара Ацуко. Коссэцунасатта сэнсэй / Цуйто: Окуда Ясуо // Токио: Изд-во Муги сёбо, 2003. — С. 185–186.

Т Такахаси Такасукэ. Нуномура сэнсэй но омоидэ / Цуйто: Окуда Ясуо // Токио: Изд-во Муги сёбо, 2003. — С. 100–102.

Х Хага Масако. «Акаси» о мэдзаситэ аруита хиби / Цуйто: Окуда Ясуо // Токио: Изд-во Муги сёбо, 2003. — С. 121–126.

Ц Цубако Тосико. Окуда Ясуо сэнсэй то Окинава то но какавари / Цуйто: Окуда Ясуо // Токио: Изд-во Муги сёбо, 2003. — С. 212–216.

Я Ямаки Мити. Окуда сэнсэй ни митибикарэта «Росиаго но сэкай» / Цуйто: Окуда Ясуо // Токио: Изд-во Муги сёбо, 2003. — С. 232–235.

Литература

1. Подлесская В. И. Бенефактивные вспомогательные глаголы // Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлесская В. И. Теоретическая грамматика японского языка. Кн.1. — М.: Изд-во «Наталис», 2008. — С. 336–354.
2. Холодович А. А. Очерки по японскому языку. «Социальное спряжение» глаголов в японском языке // Учёные записки ЛГУ № 69. Серия филологических наук, вып.10, 1946. — С. 173–197.
3. Лаврентьев Б. П. Практическая грамматика японского языка. — М.: Живой язык, 1998. — 352 с.

4. Конрад Н. И. Синтаксис японского национального литературного языка. — М.: Издательское товарищество иностр. рабочих в СССР, 1937. — 375 с.
5. Холодович А. А. Действие и субъект речи в японском языке // Учёные записки ЛГУ № 128. Серия востоковедческих наук, вып.3, 1952. — С. 177–198.
6. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. — М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. — 670 с.
7. Золотова Г. А. Онипенко Н. К. Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — М.: Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН, 2004. — 541 с.

МОДНЫЕ СЛОВА И СОВРЕМЕННЫЕ ЯПОНЦЫ

«Глуп тот, кто в моде видит только моду»

Оноре де Бальзак

Как известно, японцы ежегодно выбирают не только иероглиф года, но и независимо от этого публикуют список из десяти слов, которые объявляются модными. Создается впечатление, что некоторые из названных модными не просто сиюминутные, обреченные на скорое забвение словечки¹, но лексика, надолго остающаяся в активном словаре. Более того — некоторые из слов, отнесенных когда-то числу модных, со временем превращаются в концепты языковой картины мира японцев.

В языке как в своеобразном зеркале отражаются изменения, происходящие в социокультурной среде его распространения. Сильное влияние западной культуры, особенно в её американском варианте, изменение норм поведения и отношений между людьми в семье и вне её — все это и многое другое не могло не отразиться прежде всего на наиболее восприимчивом и чутком ярусе языка, а именно, на его лексике. Не случайно, что последние годы постоянно в очередном списке модных слов всегда имеют место заимствованные слова — *гайрайго* 外来語 — и японские «новообразования» на их основе.

Прежде, чем говорить о модных словах в японском языке, необходимо представить сущность такого социокультурного феномена как мода. В конце XX в.

¹ Именно так случается с большинством модных слов, которые, в основном, характерны только для молодежного слэнга в русском языке.

исследователи описали различные функции моды¹ и пришли к общему выводу о том, что основной является **социально-позиционирующая функция**. Немецкий философ и экономист Элизабет Ноэль-Нойман пишет: «Человека волнует ощущение того, что он движется в одном направлении с другими, это воодушевляет его, это — чувство общности, корни которого в историческом племенном прошлом, или состояние безопасности, или способность противостоять, действовать; освобожден ли индивид — хотя бы на какое-то время — от страха перед изоляцией?»². Мода всегда позволяла и сейчас позволяет человеку обозначить свою принадлежность к определенной группе людей. Это можно сказать и о моде на одежду³, и о моде на слова и выражения. Надо ли говорить, что для коллективистского японского общества, где принадлежность к группе является самодостаточной ценностью, следование самым различным, в частности языковым, стандартам просто необходимо для интеграции в социум.

В настоящее время, когда все уже ощущают серьезную тревогу за неумение людей общаться между собой без посредства различных электронных гаджетов, модные слова всё больше выступают и в семиотической функции, как знаки, помогающие говорящим осуществлять

¹ Гофман А.Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. М., 1994; Топалов М.Н. Социальные аспекты моды: мода и цивилизация. М., 1991. и др.

² Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М., 1996. С. 166.

³ Недаром во многих странах, в том числе и в Японии, в своё время существовала жесткая регламентация цвета и стиля одежды для разных сословий.

коммуникацию. Модные, как и все прочие, слова — «одежка» не только речи, но и человека, это знак, позволяющий считать человека «своим», возможность предполагать успех речевой коммуникации.

Следует обратить внимание на то, что слова, ставшие модными¹, обычно называют то, что японцами, пусть даже пока лишь только в молодежной среде, начинает восприниматься как определенная ценность. Будь то выбор иероглифа года или обсуждение списка, из которого выбираются десять модных слов, — всегда на первый план выходит их актуальность, по крайней мере, в данном году для японского общества². Некоторые слова и иероглифы неоднократно в течение последних двадцати лет с начала проведения этого своеобразного конкурса фигурируют в списке претендентов на максимальную популярность, но так и не попадают в число «самых», некоторые снова и снова называются в числе победителей.

Иероглифом 2015 года был назван 安, как знак, наиболее полно передающий размышления и чувства японцев, связанные с этим годом. 安 — иероглиф, имеющий достаточно обширную область значений, связанных с идеей мира, спокойствия, удовлетворения, лёгкости (как отсутствия необходимости усилий для достижения цели) и дешевизны. Среди причин, в

¹ В контексте данной статьи определения «модный» и «популярный» являются синонимичными.

² В отличие от самых популярных слов года, которые отбираются состоящей из семи человек комиссией издательства «Дзюю Кокуминся», иероглиф года выбирают всеяпонским голосованием, организованным через Интернет, а также с помощью почтовых открыток и установленных по всей стране специальных урн «иероглиф года».

наименовании которых входит этот иероглиф помимо прочих были названы:

законопроекты о «защите безопасности» *андзэн хосё*
安全保障;

«мирная жизнь» *хэйва сэйкацу* или *хэйан* 平安,
которую уже 70 лет ведут японцы;

«беспокойство» *фуан* 不安 — в связи безопасностью
пищевых продуктов, с изменениями климата,
террористическими актами в Париже и убийством
японских заложников в Сирии.

Этот же иероглиф входит в состав слова
«спокойствие» — *ансин* 安心 — из ставшего модным в
2015 году выражения в комическом шоу *ансин ситэ*
кюдасай (*хайтэмасу ё*) 安心してください穿いてますよ —
«Не беспокойтесь (я надел трусы)», о котором речь пойдет
ниже.

Рассматривая списки слов, претендующих называться
самыми популярными, мы можем заметить не только
отражение идей и событий, которые взволновали японцев и
оказали на них достаточно серьезное влияние в прошедшем
году, но и знаковые изменения в самом японском языке и,
прежде всего, в его лексическом составе. Если лет двадцать-
тридцать тому назад употребление слов из европейских
языков ограничивалось определенными сферами —
реклама, мода, спорт, область IT, современная музыка и т.п.,
то в последние годы лавина новых заимствований буквально
захлестнула практически все области использования языка.

Особо хотелось бы отметить активный процесс
фразеологизации, происходящий в современном японском
языке. Процесс переосмысления, при помощи которого в
японском языке на основе заимствований и слов родного

языка создаются новые лексические единицы, интересен не только в гносеологическом аспекте и с точки зрения потенциальных возможностей языка вообще, но также является весьма показательным для понимания семантических различий между исконно японскими словами — 和語 *ваго*, китаизмами — 漢語 *канго* и заимствованиями — 外来語 *гайрайго*.

Обращает на себя внимание увеличивающееся год от года количество заимствований — *гайрайго* 外来語 и в вошедших в список «победивших» десяти популярных слов, и среди полного списка из пятидесяти слов, претендовавших на это звание.

В 2002 г. газета «Майнити»¹ поместила с объяснениями значений подборку из 36 слов и словосочетаний *катаканаго*², в употреблении которых японцы часто допускают ошибки. Этот материал был подан в виде интересного теста, в комментарии к которому пояснялось, что люди, правильно понимающие хотя бы 2/3 из помещенных в списке слов, вполне современны, могут и газеты читать, и интернетом пользоваться, тогда как те, кто понимает меньше 1/3 этих слов явно отстали от жизни, им, да и остальным тоже, необходимо активнее осваивать лексику современного японского языка³. Уже через двенадцать лет, в 2014 г., *гайрайго* и выражения их содержащие, стали составлять больше половины номинантов на звание «популярные слова года» в

¹ Майнити симбун. 12.06.2002.

² Катаканаго — слова, записанные азбукой катакана. Как правило, это заимствования — *гайрайго* или слова-гибриды, состоящие из японского и заимствованного слов (или их частей).

³ Гуревич Т. М. Язык поколения глобализации // Ежегодник «Япония» 2002–2003. М., 2003. С. 171–183.

первоначальном (расширенном) списке, а среди десяти победителей они представлены шестью словами.

Популярные слова способствуют постепенному размыванию традиций (и не только языковых), модные отклонения от правил грамматики шаг за шагом вытесняют устоявшиеся формы. Что-то из модных слов и грамматических нарушений становится привычным, со временем начинает считаться традиционным и устоявшимся, а затем в свою очередь вытесняется следующими нововведениями. Исследователи¹ обращают внимание на все чаще встречающиеся не только в разговорной речи, что отмечалось всегда, но и в письменных материалах случаи нарушения грамматических норм японского языка.

Интересно, что наряду с включением в списки модных слов лексики, имеющей отношение к политической, экономической и социальным сферам жизни японского общества, можно заметить, что последние годы становится все больше выражений, связанных со спортом или являющихся продуктом шоу-бизнеса. Именно в последних имеет место максимум нарушений не только языковых, но и поведенческих норм. Достаточно вспомнить вошедшее в десятку популярных выражение, которое действительно сейчас можно услышать (и не только от юных!) повсюду в Японии: *ансин ситэ кудасай хаитэмасу ё* 安心してください 穿いてますよ — «Не беспокойтесь я надел (трусы)» — так комментирует своё шоу комик Ясумура. Перед тем, как произнести эти слова, актер принимает такие позы, при которых кажется совершенно обнажённым.

¹ Иноуэ Ф., Яримидзу К., Атарасий нихонго дзитэн (Словарь нового японского языка). — Токио, 2002.

Какие-то слова, из некогда относившихся к модным, со временем включаются и в концептосферу национального языка, становятся неотъемлемой частью японской культуры. К таким словам можно, пожалуй, отнести ставшее нарицательным имя героини популярного сериала «Осин». В 1984 г. слово *осиндору:му* — «синдром Осин¹» стало первым в десятке популярных слов. От этого женского имени образовалась целая группа слов и понятий: *осиндзоку* おしん族 — «подобные Осин»; *осинсуру* おしんする — «жить в нужде», «терпеть бедность и страдания»; *осингэнсё:* おしん現象 — «феномен Осин».

Анализируя списки популярных слов того или иного года, можно получить представление о проблемах, занимавших в этом году умы японцев. Например, становится ясно, что в 2014 г. часто обсуждаемой в стране проблемой было гендерное неравенство. Вот выражения, вошедшие в топ-десять этого года:

Дамэ ё — *дамэ дамэ* ダメよ〜ダメダメ — «Нельзя, нет, нельзя!». Это фраза из комической сценки, в которой робот-андроид, отбивается от амурных притязаний своего владельца, пожилого мужчины.

Кабэ дон 壁ドン — «Стук в стену» — распространённый визуальный троп в современных японских комиксах — мужчина кладёт руку на стену рядом с девушкой, чтобы удержать её на месте, пока он с ней флиртует.

Матахара マタハラ — «домогательство через материнство», (англ. «Maternity harassment») Выражение

¹ Нельзя не отметить специфический (опущение одного слога) способ образования слова с использованием заимствования *syndrome*: Осин + *синдору:му* = *осиндору:му*

стало актуальным в связи с курсом на восстановление японской экономики за счёт ущемления прав женщин.

Даже в этой выборке отражаются характерные черты слов и выражений, входящих в списки популярных, а именно:

- социокультурная актуальность;
- наличие заимствований из английского языка;
- комиксы и комические шоу как источник появления популярного выражения;
- визуальный образ.

Размышляя над проблемой популярных слов и иероглифов года, можно заметить, что если в лексической системе довольно явно наблюдаются признаки влияния европейской культуры в её американской интерпретации, признаки размывания японской традиционной системы ценностей, то иероглифика, наоборот, скорее служит поддержанию традиций. В этом контексте обращает на себя внимание, например, признание в 2006 г. иероглифом года знака *иноти* 命 — «жизнь», а в 2011 г. знака *кидзуна* 絆 — «связь», «узы» — понятий, традиционно считающихся базовыми концептами японской культуры. Впрочем, справедливости ради, надо отметить, что в выборе японцами иероглифа года тоже просматривается нарастающее влияние главенствующих тенденций общества потребления. Недаром дважды — в 2000 и в 2012 гг. иероглифом года стал знак *канэ* 金 — «деньги», а в 2014 г. — *мицуги* 税 — «налог».

Подводя итог рассмотрению модных слов в современном японском языке, ничего не остается, кроме как согласиться со словами поэта о том, что «мы говорим словами теми, что нам продиктовало время», и попытаться

понять, что происходит в обществе и с обществом, в котором такие слова становятся популярными.

Библиография

Гофман А.Б. *Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения.* М., 1994;

Гуревич Т.М. *Язык поколения глобализации // Ежегодник «Япония» 2002-2003.* М., 2003 . с. 171-183

Иноуэ Ф., Яримидзу К. *Атарасий нихонго дзитэн (Словарь нового японского языка).* Токио, 2002

Килошенко М.И. *Психология моды.* М., 2006.

Корчагина Т. М. *Современные тенденции развития японской лексики // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания,* вып. 12, М., 2015. С.56–68.

Ноэль-Нойман Э. *Общественное мнение. Открытие спирали молчания.* М., 1996.

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ КАК РАЗДЕЛ ПРЕПОДАВАНИЯ АСПЕКТА “ЯПОНСКАЯ ПРЕССА”

Изучение языка современных СМИ, а также создание новых методов преподавания аспекта «Японская пресса» осуществляется в рамках проекта «Лингвистическая эволюция в контексте развития ИКТ», реализуемого на кафедре японоведения СПбГУ при поддержке компании JTB стремительно развивающемся мире изменения в политической, экономической, научно-технической ситуации происходят постоянно.

Печатная пресса является одним из первых средств сбора и распространения информации, одним из первых средств изменения реальности в сознании обывателя. «Каждый день звучат сотни тысяч слов, случаются десятки событий. Пресса и другие медиа-источники выполняют нелегкую задачу приоритизации тех или иных слов или событий. И эта возможность (расстановки приоритетов) представляет собой гораздо более грозную силу, нежели простая редакция новостей» [3; 6]. Иными словами, пресса обладает возможностями игнорировать или, наоборот, выделять происходящие события, таким образом формируя общественное мнение. С другой стороны, пресса можно считать, пусть и не совсем корректным, но зеркалом политической, экономической, культурной и научно-технической жизни общества.

Особенно это утверждение верно для японской прессы, поскольку на протяжении всего XX–XXI вв. существовала традиция определять иероглифы года, а также исследовать и создавать словари так называемых «модных

слов» 流行語 [рю:кото]. Исследование подобных списков «модных слов» в диахронии позволяет составить представление об изменениях в общественной и политической жизни в Японии на протяжении более века, а иероглифы года дают возможность определить основной тренд общественного мнения.

Именно поэтому анализ новостного и публицистического контента в японских СМИ дает ключ к пониманию актуальной ситуации в японском обществе. Вместе с тем, как уже отмечалось, контент этот стремительно меняется вместе с ситуацией, и преподавание данного аспекта японского языка сопряжено с невозможностью полностью полагаться на какие-то определенные учебные пособия, поскольку они очень быстро теряют свою актуальность. Основным источником оперативной и актуальной информации на современном этапе становятся электронные СМИ и информация в интернете. В связи с этим перед преподавателями японского языка, в частности, перед теми, кто преподает аспект «Чтение прессы» встает задача научить обучающихся правильно работать с текстами электронных СМИ и использовать все возможности интернета (поисковики, видео-контент) для анализа информации и работы с лексикой как в японоязычном, так и в русскоязычном интернете.

В данной статье мы приводим результаты небольшого экспресс-исследования сайтов ведущих японских и российских СМИ, которые могут быть рекомендованы в качестве источника материала для занятий по японской прессе. Были проанализированы основные темы, которые освещались и теми, и другими в 2015 г.

Таким образом, актуальные темы в российских и японских СМИ в 2015 г. в разбивке по информационным агентствам следующие.

Российские информационные агентства:

- РИА Новости: Война в Сирии, крушение МН17, ситуация в Донбассе, разворот на Восток (различные аспекты сотрудничества России, Китая и стран ЮВА, ВЭФ);
- РосБизнесКонсалтинг: Война в Сирии, банкротство Трансаэро, нефтяные войны;
- Интерфакс: война в Сирии, ИГИЛ (запрещенная в России террористическая организация), банкротство Трансаэро, ПРО в Европе, ситуация на Украине (Донбасс, Крым);
- ИТАР-ТАСС: мировые цены на нефть, кризис в Сирии, ИГИЛ (запрещенная в России террористическая организация), кризис на Украине, миграционный кризис в Европе, ситуация вокруг Мистралей, газовая дипломатия, антикризисный план правительства;
- Regnum: война в Сирии, кризис на Украине, ИГИЛ (запрещенная в России террористическая организация);
- Newsru.com: ИГИЛ (запрещенная в России террористическая организация), война в Сирии, кризис на Украине, отношения Россия-Евросоюз (размещение ПРО, миграционный кризис);
- Росбалт: кризис в России, Россия-Украина, война в Сирии, ИГИЛ (запрещенная в России террористическая организация).

Японские информационные агентства, телерадиовещательные корпорации, крупные газеты — члены JNPC (Japan National Press Club):

- ИА Кёдо цусин 共同通信社 (<http://www.47news.jp>): ТРР(ТЭП), 日米韓 防衛協力 (японо-американо-южнокорейское сотрудничество в сфере обороны), 日中関係 (японо-китайские отношения), シリア(Сирия), ウクライナ危機 (кризис на Украине), マレーシア航空機撃墜 (крушение самолета Малазийских авиалиний), 普天間移設 (перенос военной базы в Футэмма);
- ИА Дзидзи цусин 時事通信社: シリア巡り米露会談 (американо-российские встречи по сирийской проблеме), 日中関係 (南シナ海防衛) (японо-китайские отношения (вопросы обороны в Южно-Китайском море), 日韓関係 (отношения Японии с Южной Кореей);
- 日本放送局 (NHK): ウクライナ危機 (кризис на Украине), シリア巡り米露会談 (американо-российские встречи по сирийской проблеме), 日中関係 (南シナ海防衛) (японо-китайские отношения (вопросы обороны в Южно-Китайском море), 日韓関係 (отношения Японии с Южной Кореей);
- Майнити симбунся/хо:со: 毎日新聞社/毎日放送: シリア (Сирия), イラク (Ирак), イラン (Иран), 北朝鮮 (Северная Корея), 難民問題 (миграционный кризис в Европе), НАТО 速攻部隊展開 (развертывание войск быстрого реагирования НАТО), ТРР (ТЭП);
- Асахи симбунся/хо:со: 朝日新聞社/朝日放送: ТРР (ТЭП), シリア (Сирия), アフガン (Афганистан), 難民問題 (миграционный кризис в Европе), 日中関係・尖閣問題 (японо-китайские отношения/ территориальный спор вокруг островов Сэнкаку), 北朝鮮 (Северная Корея), 韓国 (Южная Корея), 普天間移設 (перенос американской военной базы в Футэмма);

- Ёмиури симбунся / тэрэби хо:со: 読売新聞社 / 読売テレビ放送: シリア難民支援 (помощь сирийским беженцам), 英の原発への中国投資 (китайские инвестиции в ядерную энергетику Великобритании), ТРР (ТЭП), 南シナ海情勢 (ситуация в Южно-Китайском море);
- Японская экономическая газета 日本経済新聞社: 中国経済 (экономика Китая), 欧州の難民問題 (миграционный кризис в Европе), 日米韓軍事協力 (японо-американо-южнокорейское сотрудничество в сфере обороны), 南シナ海問題 (проблемы в Южно-Китайском море), ТРР (ТЭП), 中東危機 (ближневосточный кризис);
- Промышленно-экономическая газета Санкэй симбунся 産経新聞社: 日中核兵器論争 (японо-китайские разногласия по вопросу ядерного оружия), 朝鮮半島ニュース (новости из Северной Кореи), シリア情勢 (ситуация в Сирии), ТРР (ТЭП), 移民ショック (миграционный шок), イラン核合意 (ядерное соглашение с Ираном).

В результате проведенного анализа тематик российских и японских СМИ, стала очевидна следующая ситуация:

- несмотря на то, что для СМИ каждой страны характерен фокус на региональных проблемах, как то: ТРР, отношения (территориальные споры) с Китаем, ситуация на Корейском полуострове, договор об обеспечении безопасности с США, перенос американской военной базы — **для Японии**; антикризисный правительственный план, банкротство Трансаэро, антикоррупционная программа — **для России**;
- тем не менее ряд проблем и связанных с ними информационных поводов являются общими для

информационных агентств обеих стран: ситуация в Сирии, ситуация на Ближнем Востоке, миграционный кризис в Европе, отношения США-Россия, ТЭП (баланс сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе).

Таким образом, в качестве основного и наиболее предпочтительного с точки зрения актуальности метода работы с переводами общественно-политических текстов, на наш взгляд, необходимо использовать метод сопоставления текстов японских и российских СМИ по одним и тем же информационным поводам. Это позволяет расширить языковую компетенцию и сформировать у обучающихся актуальную терминологическую базу в рамках заданной темы.

Следующим этапом в изучении языка японских СМИ является лексико-семантический и грамматический анализ отдельных фрагментов текста для составления тематических глоссариев. При этом целью составления учебных глоссариев является не столько сам глоссарий, сколько процесс работы с лексикой, в результате которого обучающиеся не просто поверхностно запоминают отдельные лексические единицы, но начинают понимать контекстуальные связи между лексическими единицами, ассоциировать их с определенными семантическими полями, вычленивать синонимические ряды.

Возьмем для примера фрагмент подобной студенческой работы для словосочетания, которое практически не выходит из списка наиболее употребительных в СМИ последние два десятилетия: «кризис» и «экономический кризис». Цифра в скобках указывает количество ответов в поисковике и позволяет сравнить частотность употребления синонимичных слов и словосочетаний.

За основу взято слово 危機 ([кики] «кризис») (24 400 000). Синонимический ряд для словосочетания «экономический кризис» следующий: 不景氣 [фукэйки], (780 000), 不況 (768 000) [фукё:], 停滞 [тэйтай] (7 850 000), 恐慌 [кё:ко:] (12 400), リーマンショック [риман сёкку] «кризис 2008 года» (1 510 000), 景気が悪い [кэйки-га варуй] (679 000). В семантическое поле входят такие слова и словосочетания, как 經濟危機 [кэйдзай кики] экономический кризис (14 500 000), 經濟低迷 экономический спад [кэйдзай тэймэй] (1 260 000), 經濟停滞 [кэйдзай тэйтай] экономическая стагнация (780 000), 經濟不況 [кэйдзай фукё:] экономическая депрессия (622 000), 經濟恐慌 [кэйдзай кё:ко:] экономические потрясения (534 000), 金融危機 [кинъю: кики] денежный кризис (796 000), 財政危機 [дзайсэй кики] финансовый кризис (791 000), 政治危機 [сэйдзи кики] (8 980 000) vs. 政治的危機 [сэйдзитэки кики] политический кризис (796 000), 社会危機 [сякай кики] (18 100 000) vs. 社会的危機 [сякайтэки кики] социальный кризис (1 130 000). Далее рассматривается сочетаемость перечисленных выражений с глаголами также с указанием частотности употребления каждого глагола на основе количества ответов в поисковике. В процессе работы обучающийся усваивает большое количество смежной лексики, начинает ориентироваться в контекстах употребления того или иного словосочетания, приобретает навыки понятийного перевода: так, например, словосочетание リーマンショック [риман сёкку] уже будет переводиться не дословно, а как «кризис 2008 года». Для закрепления пройденной темы используются контрольные

письменные переводы и аудирование с японского языка на русский и в обратную сторону.

Таким образом, мы предлагаем использовать описанные методы работы с лексическим материалом при преподавании аспекта «Чтение прессы на японском языке». В качестве дальнейших задач изучение и систематизация грамматики общественно-политического текста на японском языке.

- определение круга используемых грамматических конструкций
- определение частотности употребления той или иной конструкции в зависимости от стиля и вида текста: передовицы, общественно-политические блоги, новостные блоки

Разумеется, общие положения, уже неоднократно изложены в учебных пособиях по языку японских СМИ Н. В. Раздорской, А. Г. Фесюна, но можно предположить, что с употреблением определенных грамматических конструкций происходит то же явление, что и с лексическими единицами (идиомами, фразеологизмами, входящими и, наоборот, выходящими из моды). В дальнейшем, предполагается предлагать обучающимся работать с грамматическими конструкциями по той же схеме, что и с лексическими единицами, то есть:

- определять и классифицировать грамматические конструкции, характерные именно для общественно-политических текстов;
- определять частотность употребления той или иной конструкции в зависимости от стиля и вида текста: передовицы, общественно-политические блоги, новостные блоки;

- анализировать диахронические изменения, происходящие с употреблением той или иной конструкции.

Список литературы:

1. Раздорская Н. В. Читаем и переводим японскую газету: пособие по работе с японскими газетными текстами общественно-политической тематики. М.: Восток-Запад, 2006. 245 с.
2. Фесюн А. Г. Язык японских СМИ. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. 216 с.
3. James L. Huffman Creating a public: People and press in Meiji Japan. University of Hawaii Press, 1997. 573p.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ПЕРЕХОДНОСТИ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЯПОНСКОГО МИРОВИДЕНИЯ

Известно, что во многих языках существует разделение на переходные глаголы, отображающие активное действие, совершаемое субъектом в отношении объекта, и непереходные глаголы, описывающие характеристики состояния субъекта или результата совершенного над ним действия, при этом не требующие прямого дополнения, то есть объекта переноса действия. При изучении японского языка русскими учащимися данная грамматическая категория переходности требует особого внимания, несмотря на наличие ее в родном языке, что могло бы предположить легкость в ее овладении. Структурная схожесть данной языковой конструкции в обоих языках, тем не менее, не дает полного понимания особенностей функционирования этой конструкции с точки зрения когнитивного фона высказываний с использованием переходных и непереходных глаголов. В данной статье будут проанализированы особенности употребления таких глаголов в японском и русском языках с учетом специфики национального мировидения.

Прежде всего, рассмотрим, как анализируется данная категория у отечественных и японских лингвистов. В рамках теоретической грамматики японского языка, представленной отечественными авторами [1, 2], при описании переходности акцент часто ставится на противопоставлении сознательного намерения совершить что-либо или на обозначении положения дел, наступившего «как бы помимо воли субъекта» [2, с. 72]; или, например, на необходимости переходности глагола в случае образования

бенефактивных конструкций, предполагающих совершение действия в пользу объекта [1, с. 351]. В японском языкознании также обнаруживается противопоставление самостоятельности действия и необходимости объекта для обозначения направленности действия: так, М. Киэда непереходным обозначает такой глагол, когда «действие или явление, обозначаемое этим глаголом, замыкается в самом носителе или субъекте, в котором оно возникает, и, кроме этого носителя, субъекта, ни на какие предметы не воздействует», а переходным — такой глагол, когда «действие, явление, выражаемое этим глаголом, не замыкается в вызывающем его носителе, в субъекте, а требует слова, обозначающего, предмет, который испытывает на себе это действие или явление» [5, с. 208]. Таким образом, с точки зрения структурного описания языка в отечественной и японской лингвистической науке обнаруживается схожесть функционирования данной грамматической конструкции.

Ранее [8, 9, 10] мы анализировали данное противопоставление с точки зрения структурного подхода к описанию языковых явлений, когда в результате действия в соответствии с намерением говорящего перемещается акцент: подчеркивается или активное описание данного действия, или результат изменений, произошедших в результате такого действия. А далее выдвигалось предположение, что такая языковая конструкция, а вернее, ее когнитивный фон репрезентируют в японском языке особенности японского взгляда на мир: «необходимость принятия окружающей реальности в существующем виде, а также сознательном отказе от активных действий по ее изменению» [8, с. 119].

Данное предположение было сделано на основе анализа трудов японских лингвистов (Андо С., Икэгами Ё., Канаэ Т., Морита Ё., Мория М. и др.), в которых высказываются положения о том, что согласно лингвокогнитивным нормам японского языка в таких высказываниях характерно смещение акцента с описания действия и поведения действующих лиц на описание состояния. Возьмем пример из художественного дискурса: текст произведения Х. Мураками «К югу от границы, на запад от солнца» и его перевод на русский и английский языки, и проследим, как изменяется степень переходности в описании одного и того же действия — от японского непереходного глагола мадзиру «быть смешанным», описывающего состояние коллекции и не имеющего прямого дополнения, к активному глаголу to include smth в английском языке, при котором есть деятель «коллекция» и объект воздействия «записи»:

クラシック音楽の他に、島本さんの家のレコード棚にはナット・キング・コールとビング・クロスビーのレコードが混じっていた。

The collection in her house included one record each by Nat King Cole and Bing Crosby.

Вместе с классикой на полке у Симамото стояли Нат Кинг Коул и Бинг Кросби.

Действительно, выбор соответствующего глагола указывает нам на когнитивные процессы отбора языковой единицы, происходящие в сознании говорящего: описать действие или состояние. Результаты такого выбора у носителя языка и у иностранца могут сильно отличаться, что и придает иноязычному высказыванию некоторую неестественность, которую необходимо изучать и

нивелировать для естественности звучания переводных конструкций.

Таким образом, описанная проблема актуальна и для лингвистических, и для лингводидактических исследований. Например, у Ё. Морита вопросу о восприятии иностранными учащимися категории переходности в японском языке посвящена отдельная глава книги [6, с. 195–233], в которой последовательно разбираются несколько примеров ошибочного употребления — таким способом автор показывает, как восприятие иностранцами грамматической категории переходности в японском языке помогает осознать когнитивный фон функционирования данной конструкции с точки зрения особенностей японского мировосприятия. Например, подчеркивается, что «при кажущейся простоте использования переходных и непереходных глаголов (в силу прозрачности их семантики) изучающие японский язык склонны полагать, что здесь практически невозможно ошибиться» [6, с. 196] и в доказательство приводится ошибочное употребление глагола *うたかた* «преодолеть» в следующем предложении:

誤: 困難をうちかたなければならない。

Необходимо преодолеть трудности.

正: 困難に打ち勝たなければならない。

*Необходимо преодолеть трудностям (?)

Семантика данного глагола действительно предполагает объект, на который должно быть направлено действие: «преодолеть кого? что?», и понять, почему при глаголе такой семантики необходим дативный показатель -ни, бывает затруднительно. Для понимания данной конструкции здесь, возможно, будет эффективным подобрать в языке перевода глагол, похожий по

семантическому наполнению, но имеющий другую сочетаемость с дополнением, например, «противостоять» — тогда устойчивые конструкции японского языка 敵に打ちかつ «противостоять врагу», 苦しみに打ちかつ «противостоять страданиям», 欲望に打ちかつ «противостоять желаниям», 睡魔に打ちかつ «противостоять дремоте»; 自分に打ちかつ «противостоять самому себе» приходят в единообразии с репрезентацией сходной семантики в русском языке. Не преодолеваем, а противостояю — т. е., степень переходности снижается, что более соответствует японским представлениям об окружающей действительности — не бороться, наседая (высокая степень переходности действия), а противостоять, отстаивая свою позицию (низкая степень переходности действия). В результате видно, что в языке можно найти отражение мыслительных, или когнитивных процессов носителей языка (подробнее о культурно-философском обосновании существующих в японском языке грамматических явлений, а именно: о возможном соотношении японской религиозной традиции с особенностями языкового выражения японских культурных установок см. Стрижак 2015): «доминирование в японском языке грамматической категории непереходности также подчеркивает склонность японского менталитета подчиняться естественному ходу развития событий» [9, с. 146].

Итак, категория переходности может быть обозначена как мыслительная категория [11], в которой репрезентированы особенности национальной языковой картины мира. В указанной статье описывается, как семантика активного действия, преобразующая объект,

может служить маркером мыслительных процессов носителей русского языка: вариативность безличных предложений, преобладание непереходных глаголов, легкость образования возвратных (т. е., непереходных) глаголов демонстрирует нам неподконтрольность окружающей действительности субъекту в российском когнитивном пространстве. В результате в языке констатируется такой взгляд на мир, в котором преобладают описания состояния, признаков, характеристик субъектов. В то же время, тенденция к образованию в языке новых переходных глаголов с нарушением грамматических норм (улыбнуть кого-либо; уйти кого-либо и др.) может свидетельствовать о возрастающей доле переходных глаголов в русском языке в результате повышения интенсивности межъязыковых коммуникаций [11].

В японском языке сами термины, обозначающие переходные и непереходные глаголы — тадоси 他動詞 и дзидоси 自動詞 — несут в себе скрытую семантику волеизъявления переходных глаголов (деятель совершает действие в отношении 「他」, «другого») и семантику самостоятельности непереходных глаголов (само 「自」 осуществляется). И выбор соответствующего глагола из пары «переходный-непереходный» не случаен; он демонстрирует нам когнитивный фон высказывания, а именно: намерения, волю, мотивы говорящего — хочет ли он подчеркнуть наличие и роль деятеля в предложении или сфокусировать внимание на результате действия, при этом деятель целенаправленно исключается из высказывания (см. подробнее в Стрижак 2013). Об этом говорят многие японские лингвисты. Например, Т. Каная объясняет

преимущественное использование непереходных глаголов в японском языке так: «сама структура непереходной конструкции позволяет свободно удалить деятеля из японского высказывания; и мы, носители такого родного языка, стараемся и в жизни не предпринимать активных действий, а принимать ситуацию такой, какая она есть» [4, с. 161]. Похожее утверждение находим и у Ё. Икэгами о противопоставлении глаголов миру «видеть» / миэру «смотреть» и кикю «слушать» / кикоэру «слышаться» [3, с. 169–171], когда первый вариант «дает ощущение намеренного привлечения внимания к действию как таковому» [3, с. 170], что противоречит исконно японскому когнитивному стремлению «изобразить деятеля как можно незаметнее» [3, с. 175]. Подтверждение такому разному пониманию роли деятеля в русском и японском языках мы находим во многих переводах с/на японский язык художественных произведений японских, русских и англоязычных писателей, например:

空を見上げると、とんびがゆつくりと綺麗な門を描いているのが見えた。

Подняв голову, я увидел кружившего в небе коршуна.
«К югу от границы, на запад от солнца» Х. Мураками
(в переводе И. и С. Логачевых)

Или:

Он услышал слово.

言葉が耳に聞こえた。

«Мастер и Маргарита» М.А. Булгаков (в переводе Т. Мидзуно)

Изучение таких расхождений в области мировосприятия/мировидения абсолютно необходимо для корректного выбора адекватных единиц в языке перевода и

построения иноязычного высказывания, близкого к естественному. Непонимание когнитивного фона языковых явлений вообще и категории переходности в частности может привести к коммуникативной неудаче, т.е., к ошибкам в коммуникации. Примеры таких ошибок с анализом, сделанным японскими лингводидактами, можно найти в словаре ошибочного употребления японских языковых конструкций [7, с. 212, 338]. Авторы комментированного словаря поясняют, что, помимо частотных структурных ошибок, совершаемых в процессе выстраивания конструкции, например:

誤: 電車のドアが閉めてないうちに、急いで電車に乗ろう。

正: 電車のドアが閉まらないうちに、急いで電車に乗ろう。

где неправильно соотнесен глагол с номинативным показателем, часто совершаются ошибки когнитивного плана [7, с. 341]. Например:

誤: このビンのふたは固くて、なかなか開けない。

正: このビンのふたは固くて、なかなか開かない。

В этом примере когнитивные нормы японского языка предписывают нам фокусировать внимание не на совершающем действии (что, в общем-то, естественно для носителей иной лингвокультуры — если я открываю (=совершаю действие над крышкой), то и глагол переходный), а на состоянии и результате изменений объекта, над которым совершается действие, что выглядит логичным с точки зрения носителя японского языка.

Еще более интересными могут быть сопоставительные исследования, в которых задействован материал нескольких разносистемных языков. Далее мы приведем результаты, полученные нами в ходе работы с оригинальным текстом на

английском языке — произведением «Над пропастью во ржи» Дж. Сэлинджера и его параллельными переводами на русский и японский языки. Известно, что в английском языке разделение на переходные и непереходные глаголы оформлено не так четко, как в русском и японском языках — большое количество глаголов могут иметь одновременно статус как переходного, так и непереходного глагола, что увеличивает потенциальную долю переходных конструкций. Более того, неодушевленный субъект при акциональном предикате является нормой для английского языка при определенных (часто — стилистических) ограничениях на такое употребление в русском языке и практически полной недопустимости такового в японском языке. Тем интереснее будет сравнить варианты передачи семантики английских глаголов в переводах на русский и японский языки.

Анализ примеров показывает, что, действительно, английский язык тяготеет скорее к описанию активного действия. На материале первых трех глав произведения обнаружили следующие варианты передачи оригинального английского текста на русский и японский языки. Русский вариант (b) приводится в переводе Р. Райт-Ковалевой 1991 г.; японские два варианта перевода приводятся в переводах Т. Нодзаки 1984 г. (c) и Х. Мураками 2006 г. (d).

1a. That staff bores me.

1b. Во-первых, скучно.

1c. そういったことは僕には退屈だし、...

1d. ところであくびが出る。

2a. He wrote this terrific book of short stories.

2b. Он написал мировую книжку рассказов.

- 2c. すごい短編集があるよ。
- 2d. 短編集を出していた。
- 3a. It killed me.
- 3b. С ума сойти, какой рассказ.
- 3c. これには参ったね。
- 3d. これにはもう参っちまったね。
- 4a. The visiting team hardly ever brought many people with them.
- 4b. У приезжей команды народу всегда маловато.
- 4c. 遠征するほうじゃ、大勢の生徒を引っぱってくるわけにいかんだろう。
- 4d. ビジター・チームについてくる応援団の数なんてしれたもんだからさ。
- 5a. Where you can see a few girls around once in a while ...
- 5b. ... где вертятся девчонки.
- 5c. 女の子の姿がちらちら見える。
- 5d. 女の子の姿が見える。
- 6a. She wasn' t exactly the type that drove you mad with desire.
- 6b. Не такая это девчонка, чтобы по ней с ума сходить.
- 6c. こっちが燃えてどうにかなっちゃうっていうタイプじゃないんだな。
- 6d. 見ているだけで欲望にめらめらと火がつくとか、そういうタイプじゃまったくないんだ。
- 7a. They kicked me out.
- 7b. Меня вытурили из школы.
- 7c. 僕は退学になったんだよ。
- 7d. 僕は退学処分をくらったんだよ。

8a. They gave me frequent warning to ...

8b. Меня сто раз предупреждали ...

8c. ~という注意はよいよい受けていた。

8d. ~という警告をさんざん僕は受けていた。

9a. As soon as I got my breath back, ...

9b. Как только я отдышался, ...

9c. 息苦しいのがなおると, ...

9d. 息を整えると, ...

10a. That knocked him out.

10b. Сам себя рассмешил.

10c. 自分のセリフが気に入った。

10d. 自分の冗談に自分で大受けした。

11a. That' s something that drives me crazy.

11b. Меня злит, когда...

11c. これをやられると、僕は、頭に来ちゃうんだな。

11d. そういうのって頭がぐらぐらしちゃうんだよね。

12a. You can' t stop a teacher when they want to do something.

12b. Уж если преподаватель решил что-нибудь сделать, его не остановишь.

12c. 先生ってものは、こうしようと思ったら、もう止められるもんじゃないからな。

12d. 教師ってのが一度何かをしようと思えば心に決めたら、それを阻止する手だてはないんだ。

13a. You mean about my flunking out of Pencey ...

13b. Насчет того, что меня вытүрили ...

13c. ペンシーからおっぼり出されたこと ...

13d. ペンシーを退学になることについて...

14a. I can' t stand this staff.

14b. Не выношу я этого.

14c. こういうのはたまんないね。

14d. そんなのを見ていたら、頭がどうにかなちまう。

15a. It hasn' t really hit me yet.

15b. До меня еще не дошло.

15c. まだピンと来ないんだと思うんです。

15d. まだ実感が湧いてこないんだと思います。

16a. It made me feel sad as hell, though ...

16b. Мне почему-то сделалось ужасно грустно.

16c. 僕は、すごく淋しくなちやった。

16d. おかげで僕はひたすら哀しい気分になった。

17a. If on my way somebody asks me ...

17b. Если меня вдруг спросят, куда ...

17c. 誰かにどこへ行くんだってきかれると ...

17d. 誰かに「どこに行くんだい？」と訪ねられたら、...

18a. That killed me.

18b. Я чуть не сдох.

18c. これには参ったね。

18d. いやはや参ちやうじやないか。

19a. They don' t knock me out too much.

19b. Они меня не очень увлекают.

19c. こういうのはあまり感動しない。

19d. その手の小説でノックアウトされるかという、そんなことはあんまりないな。

20a. He hated everybody' s guts.

20b. Он почти всех ненавидел.

20c. 誰でも男のことはきらっていた。

20d. たいていの人間はこの男の気に入らないんだ。

21a. It drove him mad when ...

21b. Он бесился, когда ...

21c. 頭に来ちゃう。

21d. 頭に来ちゃう。

22a. When you asked him to ...

22b. Если его попросить – он нарочно не отойдет.

22c. 頼まれると、...

22d. 頼んだりすると、...

23a. That way, I couldn' t see a goddam thing.

23b. Я так ни черта не мог видеть.

23c. だから、何も見えなくなった。

23d. そうすると、まったく何も見えなくなる。

При анализе категории переходности в данном произведении мы изначально выбирали те случаи, когда переходность оригинального английского глагола хотя бы в одном варианте перевода не была сохранена; примеры расположены в хронологическом порядке появления их в тексте. Результаты анализа показывают, что помимо замены переходных глаголов (видеть, просить, увлекать, убивать, останавливать, выгонять и др.) непереходными (приходить, выходить, иметься, улучшиться и др.), в отдельную заметную группу выделяются такие способы передачи на японский язык английской переходности, как использование конструкций со словом нару «становиться» (т. е., действие с субъектом произошло само по себе, само так получилось — шесть случаев) и страдательного залога (объект переходит на позицию субъекта, действие само совершается с ним, а не над ним — шесть случаев). Кроме

того, в четырех случаях мы замечаем уже проанализированные нами способы перевода с помощью непереходного глагола миэру «виднеться». В целом можно сделать вывод, что в случае отказа от грамматической эквивалентности и функциональной замены конструкции в языке оригинала наблюдается снижение степени переходности и усиление акцента на описание состояния, что соответствует японскому взгляду на мир — следовать сложившемуся порядку вещей и не осуществлять активных действий по его преобразению.

Итак, в данной работе была проанализирована грамматическая категория переходности в рамках лингвокогнитивного подхода к изучению языковых явлений, а именно: анализа языковых явлений как средств материализации языкового сознания с точки зрения репрезентации ими особенностей национального мировосприятия. Такие работы, посвященные репрезентации в языке особенностей менталитета представителей определенной лингвокультуры, на наш взгляд, вносят вклад как в теорию языка, так и в методику преподавания иностранных языков, и могут служить отправной точкой для дальнейших исследований в сфере междисциплинарных исследований о проблеме соотношения языка и мышления.

Литература

1. Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлесская В.И. Теоретическая грамматика японского языка. [В 2-х кн. Кн. 1]. М.: Наталис, 2008. 559 с.
2. Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлесская В.И. Теоретическая грамматика японского языка. [В 2-х кн. Кн. 2]. М.: Наталис, 2008. 448 с.

3. Икэгами Ё. Эйго но канкаку / нихонго но канкаку [Чувство английского языка, чувство японского языка]. Токио: NHK books, 2007. 249 с.
4. Канае Т. Нихонго но бумпо но надзо о току [Разгадывающая загадки японского языка]. Токио: Тикума синсё, 2009. 189 с.
5. Киэда М. Грамматика японского языка. Пер. с яп. / Общ. ред., предисл., коммент. и прил. Н. И. Фельдман. М.: Едиториал УРСС, 2002. Т. 1 655 с.
6. Морита Ё. Гайкокудзин но гоё кара вакару нихонго но мондай [Проблемные вопросы японского языка: взгляд сквозь призму ошибок иностранцев в японском языке]. Токио: Мэйдзи, 2006.
7. Нихонго гоё дзитэн [Словарь ошибочных употреблений конструкций японского языка]. Токио: Суриэ, 2010. 778 с.
8. Стрижак У. П. Лингвокогнитивные основы обучения японскому языку: формирование японской языковой картины мира // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания. Вып.9.: Сб. науч. тр. М.: Ключ-С, 2013. С.116–122.
9. Стрижак У. П. Синтоистская традиция как основа японского мировосприятия и обучения // Asiatica: Труды по философии и культурам Востока. Вып.9. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2015. С. 143–148.
10. Стрижак У. П. Сопоставление японской и русской языковых картин мира в процессе обучения японскому языку // Вестник МГПУ. 2013. №1. С. 56–64.
11. Эпштейн М. О творческом потенциале русского языка // Знамя. №3, 2007.

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ПОВСЕДНЕВНОМ ЭЛЕКТРОННОМ ОБЩЕНИИ МОЛОДЫХ ЯПОНЦЕВ¹

Вопросы, связанные с функционированием 外来語 *гайрайго* — заимствований из иностранных языков в японском языке, — сегодня являются весьма актуальными. Интерес к *гайрайго* и англоязычным сокращениям — особенно в электронном общении — не ослабевает у исследователей уже давно в связи с развитием информационно-коммуникационных технологий, а также по причине того, что японский лексикон постоянно пополняется новыми заимствованиями². В. М. Алпатов отмечает появление такого понятия, как 和製英語 *васэй эйго* — «английская лексика японского производства»; это лексика, изобретённая непосредственно в Японии и для

¹ Работа выполнена в рамках проекта "Лингвистическая эволюция в контексте развития информационно-коммуникационных технологий". (Пожертвования компании JTI, шифр проекта в ИАС: 2.54.1215.2014).

² См., например: Daulton Frank E. *Japan's Built-in Lexicon of English-based Loanwords*. Clevedon · Buffalo · Toronto, 2008; Irwin Mark. *Loanwords in Japanese*. Amsterdam / Philadelphia, 2011; Kimura Masanori. *The Effect of Japanese Loanwords on the Acquisition of the Correct Range of Meanings of English Words*. Kyoto, 2004; Кобаяси Тигуса. *Гэндай гайрайго-но сэкай* (Мир современных заимствований). Токио, 2009. (На япон. яз.); Такано Сигэо. *Нихонго-ни натта сэйё:го. Кю:дзо:суру катаканаго* (Иностранные слова, ставшие японскими. Резкое увеличение числа заимствований). Токио, 2011. (На япон. яз.); Танака Юкари. *Сютोकэн-ни окэру гэнго до:тай-но кэнкю:* (Исследование столичного языка в динамике). Токио, 2010. (На япон. яз.); Денисенко К.А. Особенности общения японской молодежи по интернету // Сборник IV конференции молодых японоведов. М., 2013. С. 232.

аутентичных носителей английского языка являющаяся совершенно незнакомой¹. Такая лексика представляет собой либо неологизм, составленный из нескольких заимствований и образующий новое выражение, которого не существует в английском языке, либо же неологизм, образованный путём соединения английской и японской лексем. Результатом первого указанного процесса являются такие слова, как シンボルマーク *симбору ма:ку* (от "symbol mark") — "логотип компании", или ワンマンバス *ван ман басу* (от "one man bus") — "автобус без кондуктора"; второй процесс представлен лексикой типа バブル経済 *бабуру кэйдзай* (bubble economics) — "экономика мыльного пузыря", или ブランド商品 *бурандо сё:хин* (brand goods) — "брендовые товары"². К. С. Салтыкова отмечает, что английский язык, проникая в японскую среду, «с одной стороны, был частью феномена вестернизации и американизации, а с другой — сам подвергся влиянию японских реалий и "японизировался". В итоге в определённой степени он превратился в один из аспектов японской культуры, без которой жизнь японцев уже сложно представить»³.

Нам представляется интересным проследить, в каких случаях в SMS-переписке и при общении по электронной почте молодые люди в современной Японии прибегают к английским заимствованиям, предпочитая их собственно

¹ Алтатов В. М. Эйго: Английский язык в современной Японии // Э. В. Молодякова. Глобальные вызовы - японский ответ. М., 2008. С. 145.

² Салтыкова К. С. Роль и место английского языка в Японии: "американизация" или "японизация"? // Сборник пятой конференции молодых японоведов "Новый взгляд". М., 2014. С. 126-135. С. 131.

³ Там же. С. 134.

японским словам, и как формируется современный японский молодёжный сленг под влиянием коммуникационных технологий. Основой работы послужили как труды зарубежных исследователей, посвящённые данной проблематике, так и проведённое в ноябре-декабре 2015 г. в Университете Цукуба анкетирование студентов.

Респондентами письменного опроса стали 28 девушек и 26 юношей в возрасте от 18 до 23 лет; все они являются уроженцами одной из следующих префектур: Ибараки, Тотиги, Гумма, Саитама, Тиба, Токио (то есть 6 префектур района Кантō), а также Фукусима, Осака и Миэ. Любопытно, что трое юношей и одна девушка указали, что предпочитают не пользоваться англоязычными заимствованиями в электронной переписке, так как при наборе текста на компьютере или гаджете им легче обратиться к привычной японской лексике.

Большинство участников опроса отметили, что употребляют английские слова и выражения (записываемые как знаками азбуки *катакана*, так и латиницей) в основном в письмах и сообщениях, направляемых друзьям и близким родственникам. Адресуя письма учителям либо другим вышестоящим, молодые люди и девушки стараются обходиться повседневными *гайрайго*, давно вошедшими в обиход, или их сокращениями. Так, например, в письмах студентов и студенток, адресованных учителям за последние два месяца 2015 года, чаще всего встречаются следующие *гайрайго* (ок. 80% опрошенных): パワーポイント *пау:поинто* или его сокращение パワポ² *пауано* (Power Point), プレゼン *пурэдзэн* (сокращение от presentation), アポ² *ано* (сокращение от appointment), ホームワーク

хо:мува:ку (homework), Аジエンダ *адзенда* (agenda), 스케
 ジュール *сукэдзю:пу* (schedule), パソコン *пасокон*
 (сокращение от personal computer), タスク *масуку* (task), ミ
 ーチング *ми:тингу* (meeting), コンピューターミス
комтю:та: мису (сокращение от computer mistake), トピック
топикку (topic), インタビュー *интабю:* (interview), グーグ
 ル *гу:гуру* (Google), テスト *тэсудо* (test), キャンセル
кянсэру (cancel), ディスカッション *дисукассён* (discussion), メ
 ールアドレス *мэ:пу адорэсу* (mail address), ファイル *файру*
 (file), 스케ジュール *сукэдзю:пу* (schedule), スマホ *сумахо*
 (сокращение от Smartphone), スライド *супайдо* (slide), プリ
 ント *пуринто* (print), テック *текку* (check), イントロダクシ
 ヨン *интородакусён* (introduction), イベント *ибэнто*
 (event), レポート *рэпо:то* (report), レジюме *рэдзюмэ*
 (resume), タイトル *тайтопу* (title), ワード *ва:до* (Microsoft
 Office Word), プロセス *пуросэсу* (process), メリット
мэритто (merit), ソフト *софудо* (soft). Также следует
 отметить, что в личных (т.е. не деловых) письмах
 вышестоящему (имеются в виду письма-благодарности,
 письма-извинения) только один респондент — девушка —
 обнаружила заимствование: *ハグ хагу* (от hug),
 написанное в порыве обнять учителя в благодарность за
 неоценимую помощь. Таким образом, очевидно, что
 респонденты обоих полов при письменном обращении к
 вышестоящему употребляют только устоявшуюся
 терминологию, которая имеет отношение в основном к
 сфере компьютерных технологий или к учёбе, — что
 значительно отличает такие письма от писем, обращённых
 к близким и друзьям, где, как будет показано ниже,
 прослеживается иная тенденция.

Английские слова и выражения, записываемые как знаками *катакана*, так и латиницей, молодёжь употребляет преимущественно в переписке с друзьями; гендерные различия в использовании таких заимствований не обнаруживаются. Можно отметить несколько характерных особенностей функционирования оригинальных английских слов и *гайрайго* в молодёжной переписке:

1) Передача эмоций с помощью английских наречий, местоимений, междометий, словосочетаний и аббревиатур:

1.1) в оригинальном написании (ок. 90% опрошенных), например: "Yo, what's up?!" (тревога); "What the fuck!" (а также аббревиатура: "WTF!"), "Fuck!" (раздражение, досада); "OMG!" (аббревиатура от "Oh, my gosh!"), "Really?!" (удивление); "What?!" (изумление, испуг); "LOL" (аббревиатура от "laugh out loud", веселье); "Kill you!" (обида); "Kill me!" (отчаяние); "Oh..." (разочарование); "Come on!" (обида, недоумение); "Cool!" (восторг, восхищение).

1.2) К этой же категории можно отнести случаи передачи эмоций с помощью *гайрайго* (ок. 30% опрошенных). Примеры: バーナウト *ба:наут* (burnout) — "весь выгорел", "сил нет"; へビー *хэби:* (heavy) — "тяжко", "невозмогу" (уныние); ナンセンス *нансэнсу* (nonsense) — "бред", "чушь" (раздражение); ファック *факку* (fuck) — "вот чёрт" (досада); ギルティ *гирити* (guilty) — "виноват" (раскаяние); フェア *фэа* (fair) — "справедливо" (удовлетворение); ナイス *найсу* (nice) — "мило" (радость, умиление).

Яна Акико¹ с соавторами отмечает, что, помимо английских слов и выражений, которые японская молодёжь полюбила использовать в электронной переписке благодаря их ёмкости и краткости, молодые люди также часто прибегают к так называемым 絵文字 *эמודзи* — картинкам, представляющим собой комбинации различных символов и несущим определённую смысловую нагрузку с целью передать эмоции. Самыми употребительными исследователи называют следующие *эמודзи*:

- радость, смех: (^ ^), (#^.#), (^ .^), (=∩_∩=);
- разочарование, досада: (;_); (O); (/ _); (>_<), (ToT), (T_T);
- гнев: (-"-); (`o `);
- затруднение, растерянность: (• _•); (-o-)

2) Предпочтение английских устойчивых словосочетаний и сокращений японским в следующих ситуациях (ок. 90% опрошенных):

2.1) при приветствии и прощании: "Hi!", "I miss you", "Hello!", "Hey!", "Bye-bye" и его варианты (см. п.3), "Kiss", "Yours", "Regards", "Best wishes";

2.2) при поздравлении с праздниками: "Happy Birthday" или ハッピーバースデー *хапи: ба:суди*, "Merry Christmas" или メリークリスマス *мэри: курисумасу* и их сокращённые варианты (см. п.4.3);

2.3) при извинении: "Sorry", "I'm so sorry";

2.4) для изъявления благодарности: "Thank you", "Thanks" (также его сокращение "TNX") и их

¹ Яна Акико, Ооки Риэ, Комацу Юка. *Нихонго и:мэ:ру-но какиката* (Написание E-mail'ов на японском языке). Токио, 2005. С. 30. (На япон. яз.).

японизированные варианты (см. п.3), "Thank you so much", "Love you";

2.5) в случае обращения с просьбой (приглашением) или при ответе на просьбу (приглашение): "please contact me"; "I'm begging you"; "message me"; "call me"; "let's go"; "plz" (от "please"); "coming"; "let's" и его варианты (см. п.3); "yes, let's!"; "no problem"; "yes" и его варианты (см. п.3); "no"; "OK" и его варианты (см. п.3); "I know"; "btw" (от "by the way"); "tmr" (от "tomorrow"); ギブ *губу* (от "give") — "дай"; ドンマイ *донмай* (от "don't mind") — "(я) не против".

3) Написание английских слов и устойчивых словосочетаний как в оригинале, так и знаками *катакана*, и даже *хирагана* (100% опрошенных), например: ファボる и ふあぼる *фабору* (от favorite) — "добавить в 'избранное'"; ナウ и なう *нау* (от now) — "сейчас"; イエス *иэсу* для "yes" и イエーイ *иэ:и* для "yeah", レッツ *рэццу* для "let's"; варианты написания "OK": おつけ *оккэ*, おつけー *оккэ:*, おうけー *о:кэ:*, お K *окэй*, オツケー *оккэ:*; варианты написания "Thanks": サンクス и さんくす (*санкусу*); варианты написания "Thank you": さんきゅ (*санкю*) и サンキュー (*санкю:*); варианты написания "Bye-bye": ばいばい и バイバイ (*байбай*).

4) Наличие "трансформеров" — заимствованных слов и словосочетаний, которые при вхождении в японский молодёжный сленг подверглись трансформации следующих типов (80% опрошенных):

4.1) сокращение корня слова: リスケ *рисукэ* (от "reschedule") — "перенести мероприятие, встречу и т. п.", リプ *рипу* (от "reply") — "ответ";

4.2) сокращение обоих корней в составе заимствованного слова, иногда с коверканием: スマホ *сумахо* наряду с スマヒヨ *сумахё* (от "Smartphone") — "смартфон";

4.3) сокращение одного слова в составе заимствуемого словосочетания: ワンチャン *вантян* (от "one chance") — "стоит рискнуть", ノーチャン *но:тян* (от "no chance") — "не прокатит"; ハピバ *хапиба* (от "Happy Birthday") — "С Днём Рождения", メリクリ *мэрикуру* (от "Merry Christmas") — "С Рождеством";

4.4) сокращение корней обоих слов в составе словосочетания: スパブロ *супабуро* (от "spam block") — "блокировка спама", ドンマイ *донмай* (от "don't mind") — "(я) не против";

4.5) преобразование исходного английского слова в японский глагол или существительное путём сокращения корня и присоединения японского словообразовательного элемента: リムる *римуру* (от "remove") — "убрать", "перенести", ファボる *фабору* (от "favorite") — "добавить в 'избранное'",ミスる *мисуру* (от "mistake") — "ошибаться", ググる *гугуру* (от "Google") — "искать в Гугле", "гуглить", チャイ語 *тяйго* (от "Chinese") — "китайский язык". К. А. Денисенко приводит сленговое понятие, введённое японскими пользователями Интернета, которые пришли в культурный шок после просмотра видеороликов о России: おそロシア *осоросиа* (результат соединения двух слов: 恐ろ

しい *осоросий* — "ужасный" и ロシア *Россия* — "Россия")¹. Данную тенденцию, начиная с давнего заимствования サボ^ル *сабору* (от "sabotage") — "саботировать, прогулять", отмечает также Фрэнк Долтон, приводя следующие примеры из переписки современных студентов: ビデオ^オ *бидэору* (от "video") — "записывать на видео", コピ^ル *копиру* (от "copy") — "копировать", デコ^ル *дэору* (от "decorate") — "украшать" (исключительно в контексте: "украшать электронное письмо картинками или виртуальными открытками")²;

4.6) заимствование исходного слова или словосочетания путём записи знаками азбуки *катакана* без существенных изменений, например: ニアミス *ниамису* (от "near miss") — "чуть не вляпаться".

5) Наличие повседневной лексики (ок. 50% опрошенных), среди которой, например, указывались следующие слова: プレゼント *пурэдзэнтэ* (present), パーティー *па:ти:* (party), ドリンクバー *доринкуба:* (drink bar), スプーン *супу:н* (spoon), フォーク *фо:ку* (fork), メニュー *мэню:* (menu), サラダ *сарада* (salad), スープ *су:ну* (soup), ランチ *ранти* (lunch), テレビ *тэрэби* (от "television"), ドラマ *дорама* (drama), アニメ *анимэ* (от "animation"), コンタクト / コンタクトする *контакуто / контакутосуру* (contact),

¹ Денисенко К. А. Сравнительная характеристика языка виртуального общения русских и японских пользователей Интернета // Сборник пятой конференции молодых японоведов "Новый взгляд". М., 2014. С. 116-125. С. 121.

² Daulton Frank E. Japan's Built-in Lexicon of English-based Loanwords. Clevedon • Buffalo • Toronto, 2008. С. 38.

コンサート *конса:то* (concert), プライベート *пурайбэ:то* (private), ジョギング *дзёгингу* (jogging).

Ф. Сёрджент отмечает особенность восприятия английских слов и *гайрайго* в среде молодых японцев. Речь идёт об отношении к английскому языку, которое формируется с детства и прочно укореняется в сознании ещё до поступления в школу: дети каждый день находят подтверждение тому, что английская лексика в Японии относится к сфере гастрономических удовольствий, "престижных" игрушек и развлечений; поэтому быстрее и охотнее всего они выучивают такие слова, как Game, Robot, Hamburger, French Fries, Juice, Nuggets, Soup и т.п.¹. Позднее подход к английскому языку как к своеобразному залогоу и маркеру успешной жизни только укрепляется: молодые люди понимают, что английский необходим для того, чтобы претендовать на более престижную должность при построении карьеры². Поэтому юноши и девушки чувствуют себя частью успешного сообщества, если им удаётся легко вплетать английскую лексику в повседневную речь; даже если плохо знаешь язык, это даёт иллюзию, что ты в нём разбираешься, раз можешь употреблять и видоизменять новомодные словечки.

Кобаяси Тигуса указывает на ключевую роль японской молодёжи и, в частности, студентов в процессе заимствования и преобразования английских слов, трансформацию которых легче всего проследить в

¹ *Sergeant Philip*. The Idea of English in Japan. Ideology and the Evolution of a Global Language. Bristol · Buffalo · Toronto, 2009. P. 17.

² *Ibid.* P.p.106-131.

электронной переписке¹. Результаты опроса студентов Университета Цукуба показали, что в переписке с вышестоящими молодые люди стараются обходиться привычными *гайрайго*, давно вошедшими в японский лексикон. В то же время, в переписке с друзьями, когда можно не чувствовать себя скованно, молодые люди проявляют большую словообразовательную изобретательность при обращении с заимствованиями (в особенности с неологизмами, имеющими отношение к коммуникационным технологиям); студенты предпочитают английские разговорные клише японским вследствие их краткости, а также потому, что их удобнее подвергать дальнейшим преобразованиям. Кроме того, очевидно предпочтение английских слов и выражений японским с целью передачи эмоций.

¹ *Кобаяси Тигуса*. Гэндай гайрайго-но сэкай (Мир современных заимствований). Токио, 2009. С. 125. (На япон. яз.).

ЛИТЕРАТУРА ЯПОНИИ ЖАНРЫ, СЮЖЕТЫ, ТОЛКОВАНИЯ

РОМАН «ШАНХАЙ»: ПОЛИТИКА И ЛИТЕРАТУРА

Роман «Шанхай» («Сянхай», 1932) принадлежит перу выдающегося японского писателя Ёкомицу Риити (1898–1947), который является одним из родоначальников литературы модернизма в Японии, основателем и теоретиком «Группы неосенсуалистов» («Синканкакуха», 1924–1927), которая пыталась внедрить в художественное творчество модернистские принципы искусства. В основе произведений Ёкомицу лежит способ восприятия мира, который он обозначил как «новое ощущение» (*синканкаку*), выступив за чистоту литературы, за проведение экспериментов с литературной техникой.

В противовес пролетарской литературе, которая набирала силу, Ёкомицу задумал создать роман, обличающий идеологию марксизма. С этой целью в апреле 1928 г. он совершил поездку в Шанхай, собирая информацию, необходимую для написания произведения, посвященного злободневным политическим событиям. «Шанхай» стал первым романом Ёкомицу и вершиной творчества писателя, обобщением метода неосенсуализма в современной японской литературе, развитием в ней психологической направленности.

Модернизм как художественное течение обладает возможностями трансформации, ему свойственно и «приобщение к реальности» и «отчуждение от жизни». Об особенностях европейской литературы модернизма пишет Л. Г. Андреев: «Главный фактор трансформации в эпоху войн и революций — это политизация, вовлечение в социально-

политические конфликты. Авангард и революция — вопрос кардинальный в силу заявки модернистов на бунтарство, на “совершенно новое искусство”. Этот вопрос встал перед дадаистами и экспрессионистами, многие из которых были вовлечены в революционное движение 20-х гг., перед сюрреалистами, незамедлительно превратившими свою группировку в нечто подобное политической партии, даже перед экзистенциалистами, которые *ангажировались* под влиянием антифашистской войны»¹.

Позиция Ёкомицу Риити оказалась иной, его «ангажированность» политикой и идеологией вылилась в неприятие революционных действий, в противостояние пролетарской литературе. Писатели-коммунисты и писатели-неосенсуалисты составили два борющихся лагеря, демонстрируя альтернативность, которую можно считать закономерной в эпоху войн и революций 10–40-х гг. XX в. как на Западе, так и на Востоке, где политическая борьба определяла и литературную борьбу.

Роман «Шанхай» выявил заинтересованность Ёкомицу проблемами современной жизни. Первые главы романа под названиями «Баня и банк» («Фуру то гинко»), «Ноги и честность» («Аси то сэйги»), «Сомнения мусорной кучи» («Хакидамэ но гимон»), «Застарелая болезнь и пули» («Дзибё то данган») печатались с ноября 1928 г. по октябрь 1931 г. в журнале «Кайдзо» («Реконструкция», 1920). Отдельной книгой роман вышел в июле 1932 г.

Писатель отказался от идеи *чистой литературы* и обратился к актуальным вопросам современности, пытаясь решить задачу «политика и литература». В произведении

¹ Зарубежная литература XX века / Под ред. Л. Г. Андреева. М., 2003. С. 12.

анализируются такие проблемы, как свобода наций, колониальная система, забастовочное движение. В основу романа легли события, связанные с антияпонскими выступлениями, которые произошли в Шанхае 30 мая 1925 г.

Поводом для переломного момента в новейшей истории Китая послужило убийство 15 мая 1925 г., на одной из японских текстильных фабрик Шанхая, молодого рабочего-коммуниста Гу Чжэнхуна, похороны которого вылились в массовую демонстрацию. В конце мая обострилась борьба между китайскими рабочими и японскими предпринимателями в Циндао. В порт были введены японские военные корабли, войска открыли огонь по демонстрантам. Расправа в Циндао стала сигналом к действию, и 30 мая 1925 г., по призыву коммунистической партии Китая, была организована демонстрация в Шанхае. Выступление английской полиции привело к гибели людей, многие были ранены и арестованы. 1–2 июня 1925 г. в Шанхае была проведена всеобщая антиимпериалистическая забастовка, которая сопровождалась митингами, а также бойкотом японских и английских товаров. Жизнь в городе была парализована, вспыхивали очаги мародерства и насилия.

«Изо дня в день по городу распространялись слухи о японцах, подвергшихся нападению. Имущество японцев грабили и жгли. Китайские торговцы первыми старались сбежать в надежный международный сеттльмент. Гостиницы сеттльмента продолжали принимать постояльцев и необычайно переполнились. В сеттльменте цены на землю и жилье резко пошли вверх. Китайцев, близких к японским кругам, посадили в клетку и, как диких зверей, протащили по городу. Кое-где на телеграфные

столбы повесили только что отрубленные головы неизвестных людей, и они загнивали, начиная с носа»¹.

Опираясь на достоверные события, Ёкомицу выделил главную тему произведения как историю судеб японских эмигрантов в период зарождения и развития коммунистического движения в Китае. Помимо этой темы в романе заявлен и ряд других, связанных с общественно-политическими проблемами, национальными противоречиями, вопросами нравственности и человеческого сосуществования. В связи с этим обнаруживается и два слоя проблематики – социокультурный и идейно-нравственный. В первом круге проблем освещается политическая ситуация в Шанхае, социальные отношения различных слоев населения, нравственная атмосфера общества, черты повседневного быта. Во второй круг вопросов входят идейно-нравственные искания главного героя, Санки, который выступает выразителем авторской концепции. Писатель внимательно прослеживает внутренние процессы духовной жизни японского интеллигента, пассивного и безвольного в столкновении с действительностью, меняющего свои позиции под влиянием обстоятельств и людей. Автор подробно объясняет причинно-следственные связи между впечатлениями, мыслями и переживаниями героя.

Роман состоит из сорока пяти глав, повествование в нем ведется от третьего лица. Основными персонажами выступают Санки, его друг детства Коя, несчастная о-Суги, блестящая Мияко. Обладающие самостоятельными характерами, они находятся в центре событий произведения, связаны со всеми уровнями его содержания.

¹ Ёкомицу *Риштин*. Сянхай (Шанхай). Токио, 2005. С. 187.

Второстепенными персонажами являются отчаявшаяся Ольга, отважная Фан Цюлань, хваткая о-Рю, решительный Такасигэ, предприимчивый Ямагути, которые, активно участвуя в развертывании сюжета, способствуют раскрытию образов основных героев. В романе присутствуют также эпизодические персонажи, которые не отличаются индивидуальными характеристиками, а только оттеняют черты других действующих лиц.

Система персонажей складывается вокруг главного героя, с которым остальные устанавливают отношения сближения или отталкивания по принципу сходства или различия характеров, особенностей судьбы. В романе отсутствуют портретные черты главного героя. Для описания его внешности Ёкомицу прибегает к выяснению впечатления, которое его облик производит на окружающих. Санки предстает мужчиной со светлой кожей и выражением лица средневекового рыцаря, словно воплощение Дон Кихота, с его наивностью и чистотой помыслов. Санки переполняет сострадание к нищим эмигрантам, живущим в Шанхае. Их привлекает в нем доброта и смирение, искренность и честность, рассудительность и образованность, начитанность.

В беседе с русской эмигранткой, Ольгой, о романе И. С. Тургенева (1818–1883) «Отцы и дети» (1862 г.) Санки высказывает симпатии нигилисту Базарову, усматривая свое сходство с ним. Однако нигилизм Санки скрывает его романтическую сущность, поскольку не отрицает духовных и материальных ценностей, а проявляется лишь в бессмысленности его существования, в размышлениях о смерти: «Он не был в Японии уже десять лет. Единственное, чем он занимался все это время, – сидел за решеткой в окошке банка и умудрялся кончиком пера зашивать

прорехи в депозитах, куда запускал руку его управляющий. Он наконец понял, что терпение заключается лишь в том, чтобы стараться продолжать в этой жизни аккуратно и честно выявлять нечестность других. И еще, хотя он считал это полной глупостью, его исподволь постепенно захватывало очарование смерти. Каждый день, пусть в шутку, но он непременно обдумывал способы покончить с собой. Слово это оставалось уже едва ли не единственным средством, чтобы разобраться с его жизнью. Когда он, прихватив Коя, выбирался куда-нибудь выпить, то всегда пользовался случаем, чтобы сказать:

– Вот ты добудешь миллион иен – и, вероятно, решишь, что добился успеха. Однако я достигну его лишь в том случае, если засуну голову в петлю и выбью опору из-под ног.

В подобном духе он высказывался постоянно, но дальше этого дело не шло. Как только в его сознании всплывал образ матери, он на следующий же день с утра, как обычно, натягивал брюки и вновь отправлялся на службу»¹.

В преодолении тягот бытия Санки руководствуется сыновним долгом, и воспоминания о матери рождают в нем тоску по родине. Он видит, что «..в удел японцам, отринувшим родину и обитающим в Шанхае, достались только нищенство и проституция»².

Санки является носителем патриотической идеи, которая пронизывает весь текст произведения: «..он находился в Шанхае, поэтому пространство, занимаемое

¹ Там же. С. 10.

² Там же.

его телом, постоянно выступало как территория Японии»¹. Он чувствовал огромную ответственность перед родиной, за которую готов был умереть. Оказавшись в пучине народного бунта, он со смирением ожидал гибели: «Потом я собирался умереть. Однако если сейчас умирать, то лучше быть убитым китайцами. Если убьют хоть одного японца, международное положение Японии только упрочится, – ну, это я так полагал. Я патриот, поэтому если уж все равно умирать, то собирался умереть за родину, однако китайцы все никак меня не убивали. Если умру неубитым, родине не послужу; раз все равно умирать, так пусть убьют, – рассуждая в таком духе, я стоял долго, но ничего не случилось, поэтому даже умереть не сумел»².

Санки встречает Мияко, девушку для танцев из ночного клуба, которая выступает сторонницей рационализма, практичности и свободы нравов, царящих в колониальном Шанхае. Она старается соблазнить Санки, но ее бездушная красота отталкивает его. Понимая, насколько Санки нравственный человек, Мияко доверительно исповедуется ему: «У меня такое ощущение, будто я постепенно соскальзываю в ледяную пропасть. Наверняка это потому, что я всегда зажата между телами многочисленных любовников. И все эти мужчины мне кажутся грязными»³. Однако Мияко не может разрешить конфликта между истинными ценностями и лживыми.

Последняя сцена романа возвращает Санки к нежной и кроткой о-Сути, которой он глубоко сочувствовал, но не знал, как помочь. Для него о-Сути стала олицетворением

¹ Там же. С. 58.

² Там же. С. 222.

³ Там же. С. 162.

Японии здесь и сейчас – не призрачным видением, а реальностью.

Как центральный образ романа, Санки взаимодействует со всеми персонажами. Рисуя его отношения с женщинами, писатель раскрывает внутренние переживания героя, пережитые им чувства и настроения. При этом каждый женский образ наделяется собственной знаковостью, за ним закрепляется определенный смысл.

Символом меняющегося Шанхая, борющегося за независимость от колониальных держав, становится самоотверженная Фан Цюлань. Она работает на японской текстильной фабрике и является представителем коммунистической организации. Цель своей жизни она видит в освобождении Китая от чужеземного засилья и бесстрашно готова принести себя в жертву. Она погибает от рук сородников, заподозривших ее в связи с Санки. Это целеустремленная молодая женщина, которой восхищаются мужчины, чья внешность поразила Санки: «Он даже и сейчас любит ту красавицу Цюлань. Его увлекают не ее идеи. Ему нравятся ее глаза. Те глаза, что свободны от всякой идеологии. Сияние тех глаз – вот что сводило с ума мужчин»¹.

Рисуя образ Фань Цюлань, писатель пытается провести анализ марксистских идей. Та позиция, которую Санки отстаивает в идеологических спорах с прекрасной китайкой, выражает убеждения Ёкомицу. Санки высказывает неверие в успех революционной борьбы, а спасая китайку от смерти во время бунта рабочих текстильной фабрики, напоминает, насколько бренна человеческая жизнь и бессмыслен бунт.

¹ Там же. С. 271.

В надежде увидеть Фан Цюлань он, рискуя жизнью, выходит на улицы во время беспорядков. Бесстрашная девушка становится для него идеализированной заменой его первой любви – Кёко, выступает экзотическим и недостижимым объектом желания. Они встречаются в сцене мятежа: «Санки, загнанный в карман у входа в магазин, не видел ничего, кроме поворотного окна, горизонтально открытого высоко над головой. В стекле этого окна зеркально отражалась вся бунтующая толпа. Отражение напоминало дно моря, утратившего небесный свод. Бесчисленные головы оказались ниже плеч, а плечи – ниже ног. Люди, как морские водоросли, что вытягиваются, скручиваются и кружат, раскачивались в разные стороны, изображая причудливо нависший балдахин, который, казалось, вот-вот упадет. В этой толпе, что кружа нависла над ним, Санки продолжал искать лицо Фан Цюлань. Тут он услышал выстрелы. Он ощутил толчок. Он чуть не врезался в гущу толпы над землей, словно его подбросило. И вдруг он испытал презрение к своему положению человека, оказавшегося втянутым в этот хаос внешнего мира. Внезапно, как застарелая болезнь, в нем проснулась жажда борьбы с этим миром, которая порой нестерпимо охватывала его. Между тем он исполнился решимости постараться вернуть утраченный покой. Он попытался даже внимательно проследить за скоростью летящих пуль. Перед ним неслись, вздымаясь волнами, реки людей. Эти бурлящие потоки сталкивались между собой. На волны падали знамена. Обрывки этих знамен цеплялись за ноги бегущих людей, и они втаскивали их в здания. В этот момент он увидел Фан Цюлань. Около одного из знамен ее тащил, схватив за руку, патрульный китаец, служащий в полицейском участке фабрики. Однако бегущая толпа сразу

заслонила их от Санки. Пробившись сквозь ее волны, он подбежал к зданию. На его глазах, отдав себя в руки полицейского, Цюлань спокойно наблюдала за окружающей ее смутой. Но вот она заметила его. Она засмеялась. А он ощутил дыхание смерти. Подскочив, он вклинился между рук этого полицейского, будто холодное лезвие меча. И свалился. Ноги убегающей Цюлань... Он ударил ногой в ком плоти, готовый напасть на него, и вскочил. Натолкнувшись на приклад винтовки, он врезался в гущу налетевшей толпы и понесся вместе с этой толпой по ее волнам»¹.

Мастерски описывая картину беспорядков через восприятие героя, автор создает сюрреалистическое полотно. Бурные волны и речной поток как лейтмотив романа, замедленный полет пуль – такими эффектными образами подчеркивается стойкость Санки, его старание не потерять себя в разъяренной толпе.

Достоверно выведенные персонажи, детально выписанные сцены позволили определить манеру писателя как поворот к реалистичности (*сядзицусюги*) зарисовок². При этом особую роль он отвел облику странного города с его разительными контрастами, атмосферой разложения. Образ Шанхая наиболее важен в романе, город – это не только место, где разворачиваются события, но и среда, влияющая на всех его обитателей.

Прежде всего, Ёкомицу показывает колониальный Шанхай, населенный богатыми иностранцами, – город, в котором обитает Мияко. В нем процветают банки и

¹ Там же. С. 190–191.

² Киндай нихон бунгаку дзитэн (Словарь современной японской литературы). Токио, 1967. С. 743.

фондовые рынки, распахивают двери фешенебельная гостиница «Палас», блестящий ночной клуб «Сарацин», ухоженный общественный сад, куда вход разрешен только иностранцам, а японцы появляются в нем лишь одетыми в европейский костюм. Символом этого великолепного города становятся цветы белой орхидеи, повсюду окружающие Мияко как знак «чистоты», «свежести», «легкости».

Город Фан Цюлань — это Шанхай, жаждущий обновления, свободы и независимости. Неукротимая толпа, сметающая все на своем пути, как стремительно несущийся водный поток, является характерным признаком этого «дикого», «грохочущего», «бешеного» города.

Однако вдали от революционных битв город Фан Цюлань предстает волшебной, умиротворенной страной с тихими улочками, где в лавках выставлены изделия из слоновой кости и нефрита, а улица с птичьими клетками, уходящими под самые крыши, образует птичий тоннель. Люди в весенних одеждах с цветами в руках продвигаются по ней под звуки флейты. В утренний час в этом городе царит атмосфера безмятежного праздника: «Изысканные очертания китайского ресторана отражались в пруду, как скопление европейских зонтиков. Керамическая лестница, со вставленными на каждой ее ступеньке зеркалами, поблескивала на воде. Изящные перила моста, облепленные людьми, изгибались на поверхности воды, наполненной карпами»¹.

Сама Фан Цюлань предстает перед героем как персонаж классического японского романа: «Он качнул плотный занавес в комнату девушки. Одета в старинный

¹ Ёкомицу Ринти. Сянхай. С. 124.

халат светло-синего цвета, она сидела на стуле из красного сандалового дерева и распечатывала конверт с письмом»¹. В воображении Санки она превращается в сказочную фею, чарующую красотой: «Санки посмотрел на Цюлань. Ее светло-синий халат как будто распустил крылья и грациозно развеялся среди китайских вееров, выставленных в лавке»².

Однако мир и покой оказываются призрачными, человеческое счастье зыбким: «На поверхности зеркал, вставленных в фасад лестницы, возникающее на каждой ступеньке смеющееся лицо Цюлань, пристально глядя на него, передвигалось как в кинофильме. Вдруг Санки вспомнил слова, произнесенные Такасигэ: эта женщина в свое время тоже будет кем-то убита, поэтому запомни ее. Когда фильм внезапно оборвался, и исчезло демонически прекрасное, смеющееся лицо Цюлань, на верхней площадке среди зарослей белых орхидей появились керамические перила зеленого цвета»³.

Шанхай — это известный центр белой эмиграции, представленной боевиками, монархистами, нищими, падшими женщинами. Лицом этого города обреченных стала русская аристократка Ольга. Ее повесть об исходе из России введена в роман как «рассказ в рассказе». В Шанхае ее удел — быть соержанкой.

Большая часть романного пространства отводится изображению города трущоб, в котором живет о-Суги. «С утра люди не работая, так же как и она, празднично опершись о перила, смотрели на воду в сточной канаве. На поверхности воды играли блики утреннего солнца, скользя

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же. С. 127–128.

и по сваям моста. Вот измятая тень шеста, а в пене, где отражается разрушающаяся кирпичная кладка, зацепившись за весло лодки, застыли в неподвижности гниющие щепки и мусор. Цветы ирисов — даже непонятно, кто их выбросил, — будто живые, еще распустили фиолетовые лепестки между желтым трупом цыпленка и обрывками ткани. Погруженная некоторое время в раздумья, о-Суги сегодня собралась немного раньше обычного отправиться в город на поиски клиента¹.

Перед читателем возникает город грязных улочек, тесных переулков, темных лестниц, узких переходов, город облупленных стен, невыносимой духоты и зловония. Его магистралью является сточная канава. Этот город — соучастник преступлений, свидетель нравственного разложения. «Поверх грязи потянулся туман. Перемещаясь между ям с мусором, шатался черный гроб. На берегу реки, рядом с лавкой подержанной обуви, разложенной на голой земле, выставленный на продажу ребенок изучал темное нутро ботинка². Стоячая вода каналов, полных мусора и нечистот, — символ города нищих. На его мрачных улицах люди ощущают только безысходность и отчаяние.

«...о-Суги вспомнила о своем жалком положении в те далекие дни, когда Санки безвозвратно ушел из дому, оставив ее, а она в растерянности жила одна, только разглядывая поверхность воды в сточной канаве. В то время на поверхности воды в сточной канаве, скрытой туманом, узорчатой парчой непрерывно растекался жир, и зеленая водоросль спирогира, разросшаяся по ее бортам с осыпающейся штукатуркой, спокойно слизывала жир с

¹ Там же. С. 178.

² Там же. С. 134.

поверхности воды. Рядом желтый труп цыпленка затесался среди овощных листьев, обуви, кожуры манго, соломы, и если вокруг него, извергаясь со дна пузырями, собиралась черная пена, то в центре сточной канавы получался маленький остров»¹.

Городской пейзаж становится ключом к пониманию общественно-политических позиций героев, к оценке их жизненных ситуаций. Эксперименты Ёкомицу в области литературного языка позволяют запечатлеть в яркой художественной речи сцены противоречивого города. Визуальное восприятие обретает неожиданные речевые формы благодаря обращению писателя к приемам модернистской литературы.

В романе завязка действия происходит на реке и сопровождается объективированным описанием окружающей обстановки, как это уже наблюдалось в его ранних произведениях. Писатель выводит панораму речного простора с торчащими из воды носами моторных лодок и захлавленной пристанью: «Высокий прилив заставил воды реки вспучиться и устремиться вспять. Волны у носов струдившихся моторных лодок с потушенными огнями. Ряд рулей. Гора выброшенных при разгрузке товаров. Черные опоры пристани, связанные цепями. Сигнал метеорологической станции, показывая слабую скорость ветра, поднимался к вершине башни. В вечернем тумане шпиль морской таможни затягивался мглой. На бочках, загромождавших мол, до нитки вымокли кули. По тяжелым волнам продвигался обтрепанный черный парусник, кренясь и поскрипывая. Санки, мужчина с бледным лицом и пронизательными глазами

¹ Там же. С. 280–281.

средневекового воина, обойдя квартал, вернулся на набережную. На скамье, у кромки прибоа, сидели измученные русские проститутки. Тусклая лампа самшана, идущего против течения, бесконечно вращалась перед их безмолвным взором»¹.

Картины внешнего мира затянуты туманом, Ёкомицу окрашивает их в сумрачные, расплывчатые тона, внушая сочувствие людям, брошенным на чужбину, переживающим горечь потерь. Создавая образ Шанхая, писатель одновременно выписывает конкретную социально-бытовую обстановку и город символов. Исторические реалии жизни, проблемы современности, продуманная стилистика и композиция делают роман выдающимся произведением литературы.

¹ Там же. С. 11.

ОТРАЖЕНИЕ БУДДИЙСКОГО ПРИНЦИПА
ГЭНДЗЭ-РИЯКУ В СБОРНИКЕ СЭЦУВА
«УДЗИ СЮИ МОНОГАТАРИ» (XIII В.)

Не только в буддизме, но и в любой другой религии рано или поздно происходит деление на народную, популярную веру и веру образованных мирян и служителей культа. Этот путь неизбежен, в особенности для новых религий, пришедших на место анимизма, шаманизма и магических практик. Простой, малообразованный человек с еще сильным мистическим сознанием бывает не в состоянии постичь сложный смысл нового систематизированного вероучения и религиозных текстов. Тем более тяжело ему это дается, если в родных верованиях и практиках отсутствовало понятие души, кармического воздаяния, рая и ада, как и традиция письменной фиксации религиозного текста.

Для простой паствы у буддийских монахов всегда были припасены истории-проповеди, на первый взгляд, о таких же простых людях, как и его слушатели — ремесленниках, торговцах и крестьянах. Однако герои его историй попадали в различные нелепые или опасные ситуации, встречали на своем пути бодхисаттв, святых отшельников или чертей, грешили и даже почти умирали, но часто воскресали благодаря заступничеству того или иного чужеземного божества, имя которого до этого им было неизвестно. Мастера проповедей знали свое дело и искусно вплетали в свой рассказ поучительную историю о том или ином бодхисаттве или известном чужеземном подвижнике, разве что селили своего героя в знакомой японскому мирянину местности, среди родных гор и рек, а имена ловко переделывали на японский лад. Бодхисаттвы

часто становились простыми людьми, ничем не отличаясь от благодарных слушателей проповедника. Таким образом, паства или случайный прохожий усваивали назидательную историю, которая формировала у него представление о новой религии, ее основных канонах, пусть даже на примитивном уровне — так можно делать, а так нельзя.

По словам японского религиоведа Хори Итиро, буддизм японского толка представлял собой смесь заимствованных этических, магических и религиозных элементов, тщательно перемешанных, интерпретированных и заново встроенных в религию Японии как единый организм с наслоением местных верований, ритуалов и обычаев примитивного синто¹. По мнению же историка японского буддизма Гораи Сигэру японский буддизм и вовсе не является буддизмом. В своем исследовании ученый развивает мысль о том, что в Японии буддизм существовал лишь как народная вера, далекая от индийской и китайской версии этого вероучения. Буддизм был воспринят простонародьем как совокупность различных верований, точно так, как это было с местными культурами и практиками. Именно подобное восприятие и помогло новой религии пустить корни среди обитателей японских островов. Таким образом, буддизм стал одним из народных верований, так как простые японцы могли его усвоить лишь в таком виде. Вобрав в себя и местные верования, народный буддизм стал нести ритуально-

¹ *Hori Ichiro. Folk Religion in Japan. Continuity and Change / Edited by Joseph Kitagawa, Alan L. Miller. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1984. P. 10.*

обрядовые функции «на потребу» народа, служил для пользы и выгоды в повседневной жизни населения¹.

К концу XII в. в японском обществе особое распространение получила вера в будду Амида и спасение в его Чистой земле, что породило принцип, известный под названием *гэндзэ-рияку* 現世利益 — стяжание благодати, получение пользы в этой жизни. Иначе говоря, это стремление простого народа получить сиюминутное воздаяние и последующее спасение после молитвенного обращения к буддийскому божеству (принцип *тарики* 他力, когда верующий надеется не на собственные силы, а на чужую, в данном случае — будды или бодхисатвы), переписывания или приобретения сутры², изготовления статуи божества, раздачи милостыни, воскуривания благовоний и т.п. Спасительная сила будды Амида гарантировала даже грешникам попадание в рай, что к концу хэйанской эпохи породило массовое почитание культа этого будды и творения короткой молитвы-*нэмбуцу*.

Сборник прозы сэцува XIII в. «Удзи сюи моногатари» в достаточной мере отражает бытование принципа *гэндзэ-рияку* через наиболее популярные идеи и культы середины-конца эпохи Хэйан, ярко описывает духовный уровень простых жителей Японии, их религиозную

¹ *Гораи Сигэру* 五来重. Нихон-но сёмин буккё 日本の庶民仏教 (Японский простонародный буддизм). Токио 東京: Кадогава сётэн 角川書店, 1985. С. 9.

² Часто сутры приобретались простолюдинами на базарах, поскольку переписать ее самостоятельно мог далеко не каждый по причине безграмотности или нехватки времени. К наиболее популярным сутрам относятся «Лотосовая сутра», «Сутра Золотого Блеска» и «Алмазная сутра».

подготовку и различные обрядовые действия мирян ради стяжания благодати.

Попробуем рассмотреть проявление принципа *гэндэ-рияку* среди верующих из числа простолюдин. Среди таких выделяются обычные труженики — торговцы, ремесленники, самураи, крестьяне, бродячие монахи, обнищавшие женщины и все те, кто лишился своего покровителя (родителей или супруга, хозяина или вассала). С одной стороны, они желают приобщиться к буддийскому образу жизни, быть как все, жить согласно законам своего общества. Закон же предписывал держать во всех домах сутры и алтарь со статуями, и, по мере способностей, постигать вероучение¹. Однако, с другой стороны, это естественное и очень сильное желание обделенного, нуждающегося, вечно страждущего человека обрести благоденствие и утешение.

Именно по этой причине герои «Удзи сюи моногатари» берутся за благое дело, но часто не доводят его до конца по причинам собственного невежества. Среди таких сюжетов можно выделить:

(1) Мелкий торговец, который вырезал (заказал) статую бодхисаттвы Дзидзо, но забыл о важной церемонии «открывания глаз», без которой статуя «не работает», остается «слепой», безучастной к мольбам верующих. Наш герой ставит статую в самую дальнюю комнату своего жилища, надолго забыв о ее

¹ Судя по указу правителя Тэмму, иметь алтарь и сутры дома надлежало еще в эпоху Нара: «Во всех провинциях и во всех домах надлежит построить храм Будды, поместить туда статую Будды и сутры, совершать моления и приношения». См.: Нихон сёки. Анналы Японии. Т. 2. / Пер. со старояп. и коммент. А. М. Ермаковой и А. Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 1997. С. 257.

существовании. Только сон, в котором некий голос возвещает о том, что «очи его все еще не открыты» и поэтому он отказывается от приглашения на чтение сутр, заставляет торговца вспомнить о незаконченной статуе. Он в спешке и страхе совершает необходимую церемонию (рассказ 13/45, свиток 3).

(2) Провинциальный самурай — прислужник несколько дней пировал с друзьями по поводу скорой церемонии освящения буддийской статуи, которую он заказал вырезать. Приглашенный на церемонию освящения монах тщетно пытался узнать имя будды или бодхисаттвы, чтобы правильно подготовиться к ритуалу. Никто — ни хозяин, ни слуга, ни резчик не смогли ответить на этот вопрос. Тогда монах решил наречь статую именем того бодхисаттвы, на которого статуя будет походить больше всего. «Да какая разница, ведь внешне все божества одинаковые» — решает он про себя¹.

Отдельного внимания заслуживает способ молитвы и испрашивания благодати. Мы рассмотрим самые незаурядные сюжеты.

(1) Некогда богатая, но осиротевшая и обедневшая женщина, упорно молилась перед статуей бодхисаттвы Каннон, однако в ответ на ее молитвы всякий раз перед ней оказывались свертки грубого

¹ Рассказ «Про то, как вассал господина Цунэмаса заказал церемонию освящения изображений будд». Подробнее см.: Удзи сюи моногатари 宇治拾遺物語. (Библиотека-серия «Синхэн нихон котэн бунгаку дзэнсю» 日本古典文学全集. Т. 50. Составление, пер. со старояп. и коммент. Кобаяси Ясухару, Масуко Кадзуко. Токио 東京: Сёгакукан 小学館, 1996. С. 293–296.

полотна для пошива балдахина. Женщина недоумевала — ведь она просила о другом!¹ Получив такие же полотна и в третий раз, женщина, побоявшись гнева богини, прекратила молитву, ночью тайком вынесла накопившиеся свертки материи и сшила себе платье. Одежда, сшитая из этого полотна, обладала волшебным свойством благосклонного расположения всех людей к этой даме — отныне бедняжка стала казаться окружающим милой и незащищенной, неожиданно для нее самой совершенно посторонние люди стали ее жалеть и щедро одаривать. Впоследствии дама удачно вышла замуж, жила безбедно и стала помогать другим страждущим (рассказ 7/131, свиток 11).

(2) Молодой самурай остался без родителей и покровителя. Не зная, как ему существовать дальше, в отчаянии он проводил все свои дни в храме Хасэдэра, где молился лежа перед чудодейственной статуей Каннон. Местных монахов смущало его присутствие в храме, потому они решили кормить его по очереди. Однажды самурай увидел сон, в котором некто упрекал его за дерзкое упование на Каннон и просил покинуть храм, взяв лишь то первое, что попадется ему под руку. Так случайно в руку ему попалась

¹ Что конкретно спрашивала женщина в молитвах — неизвестно, но вполне очевидно, что что-то материальное как единственное и наипростейшее средство избавления от нищеты. Учитывая факт отказа к X в. от употребления медной монеты, в качестве предметов дарообмена, поощрения или выплаты жалования чиновникам оставался рис и шелк-сырец. В некоторых случаях это было готовое платье из шелка или парчи.

соломинка, которую он обменял на другой предмет и так по цепочке, пока не разбогател¹.

Ко второму типу можно причислить людей и существ, манипулировавших чувствами простых верующих. Нужно отметить, что среди столичных жителей были и люди иного вида мышления: люди, далекие от религии, которые наблюдая за популярными практиками и простодушием верующих, решали нажиться за счет их слепой веры и бесхитростности.

В первую очередь это бродячие монахи-самозванцы, которые одурачивают публику ради наживы или забавы.

(1) К наиболее ярким примерам относится рассказ о монахе, который решил утопиться ради попадания в рай будды Амиды. Целая толпа людей — аристократов, приехавших из столицы в повозках, и простых зевак, собралась на берегу. Однако монах не торопился — долго проводил очищение, молился, тщательно выверял время для наиболее точного попадания в рай. Многие удивлялись, многие решили разойтись. Когда монах, подбадриваемый немногими оставшимися на берегу, вошел в море, он стал задыхаться и барахтаться, а выбравшись на берег, попытался сбежать. Только люди закидали его насмерть камнями. Как выяснилось, монах оказался

¹ Рассказ «Про то, как мужчина, храм Хасэдэра посещавший, чудесной милости удостоился». Подробнее см.: Удзи сюи моногатари 宇治拾遺物語. (Библиотека-серия «Синхэн нихон котэн бунгаку дзэнсю» 日本古典文学全集. Т. 50. Составление, пер. со старояп. и коммент. Кобаяси Ясухару, Масуко Кадзуко. Токио 東京: Сёгакукан 小学館, 1996). С. 234–244.

известным персонажем, который не раз разыгрывал людей (рассказ 9/169 свиток 13).

(2) Монах, с раной на лбу, в которой, по его словам, хранилась сутра, бродит и рассказывает людям небылицы о своей святости. Однако его узнают, и на деле оказывается, что рана — не что иное, как ожог в качестве карательной меры литейщика за соблазнение его жены (рассказ 5/5 свиток 1).

(3) Еще один рассказ скабрёзного содержания описывает уловки бродячего «монаха» выдать себя за святошу, хотя его тут же разоблачают и прилюдно высмеивают (рассказ 6/6 свиток 1).

Однако в «Удзи сюи моногатари» верующих разыгрывают не только люди-мошенники, но и мифологические существа-трикстеры. В самом произведении поведение таких слепо верующих не подвергается осуждению, а лишь высмеивается, что в позднейших сэцува можно трактовать как авторскую критику и недовольство. Нам интересны два сюжета, которые композиционно поделим на три части:

А. Фанатично верующие последователи того или иного будды/бодхисаттвы

(1) Фанатично верующий отшельник-амидаист, который безостановочно творит молитву-нэмбуцу. «Свои дни он проводил не в трудах, а лишь в молитве будде Амиде, поскольку ни о чем другом отродясь и слыхом не слыхивал». Этот отшельник вместе с молодыми последователями, основал высоко в горах молельню и доживал свои дни в надежде на милость будды Амиды и перерождение в Чистой земле (рассказ 9/169, свиток 13)

(2) Пожилой отшельник, многие годы читающий Сутру, с восторгом рассказывает, забредшему в его горную хижину охотнику, о явлении ему бодхисаттвы Фугэн верхом на слоне пять или шесть раз. Оба этих отшельника свято верят в объектов своего почитания, которые милостивы к своему фанатичному последователю и не заставляют себя долго ждать (рассказ 6/104, свиток 8).

Б. Явление ложного чуда истово верующему. Способы описания встречи, реакция верующего

(1) В первом случае отшельнику-амидаисту открывается во сне предстоящая встреча с небожителями и «задание» от них: творить нэмбуцу еще больше и тщательнее (в чем видна открытая издевка трикстера над бедолагой), омыть статую, окурить благовониями, осыпать все цветами. Описание явления отшельнику будды Амиды с бодхисаттвой Каннон изобилует буддийской символикой: тут и золотое сияние, и лotosовый трон и пурпурное облако для перенесения верующего в райские кущи. Описание реакции на явление божеств отшельнику носит уже саркастический оттенок: «Отшельник даже поклонился в полный рост, при этом так высоко задрал зад, что зад теперь выглядел словно голова, к тому же умудрился порвать свои четки»¹.

(2) Сияние, исходящее от бодхисаттвы Фугэн, медленно приближающейся верхом на слоне к верующему. Отшельник ожидает приближения бодхисаттвы со слезами умиления.

¹ Удзи сюи моногатари 宇治拾遺物語. (Библиотека-серия «Синхэн нихон котэн бунгаку дзэнсю» 日本古典文学全集. Т. 50. Составление, пер. со старояп. и коммент. Кобаяси Ясухару, Масуко Кадзуко. Токио 東京: Сёгакукан 小学館, 1996. С. 415.

В. Развенчание «чуда»

(1) Отшельник, улетевший на пурпурном облаке в райские кущи будды Амиды, приземлился вовсе не в раю, а на верхушке дерева над горным ущельем. Обезумевшего от страха отшельника случайно обнаружили его последователи. На третий день он умер, так и не приходя в сознание. Концовка рассказа гласит, что это могли быть проделки тэнгу — противника буддийской веры.

(2) Охотник берет на себя миссию по развенчанию мифа о Фугэн, решив, что ему, грешнику, не дано видеть подобного чуда, а значит это волшебство. По этой причине он решает пустить стрелу в божество, которое резко прекратило излучать сияние и с ревом упало в пропасть. Наутро на дне пропасти обнаружили окровавленного мертвого барсука, пронзенного стрелой.

Слепые надежды наших героев на перерождение в раю или встречу с почитаемым божеством, разбиваются о проказы трикстеров или бессердечных людей.

В самом произведении описание поведения героев лишено суровой критики, их не порицают, а скорее, посмеиваются, иронизируют и сочувствуют. Так, старика-отшельника в концовке истории с бодхисатвой Фугэн, назвали бестолочью, хоть он и отшельник и много лет непрерывно читал сутру.

Вышеописанные сюжеты говорят о многом — о массовой популярности в народе культа *нэмбуцу* и появлении отшельников, «специализировавшихся» лишь на *нэмбуцу*. Горай Сигэру пишет о появлении в середине хэйанской эпохи специфической группы отшельников-

амидаистов. Эти люди, которых в японском буддизме принято называть *нэмбуцу-хидзири* (отшельники, практикующие *нэмбуцу*), берут на себя роль учителей в деле обучения этой короткой душевспасительной молитве. Будучи выходцами из крестьянской среды, живя бок о бок с ними, они легко находили общий язык с простым населением столицы и примыкающих провинций, наставляли их и дарили надежду на легкую участь в следующем перерождении. Исследователь предполагает, что возникновение народной формы японского буддизма напрямую связано с деятельностью *нэмбуцу-хидзири*, которые, отвергнув философию буддизма, прочно ухватились за принцип *гэндзэ рияку*. Эти отшельники в примитивной форме распространяли верование, в котором простой народ находил спасение от своей тяжелой, полной лишений жизни. Такие отшельники были свободными и не находились на учете в монастырях, что создавало определенные проблемы для государства. Чаще всего, они преследовались законом, изложенным в монашеском уставе Сонирё, согласно которому им запрещалось проповедовать в столице¹.

Материал «Удзи свои моногатари» как раз показывает нам таких *нэмбуцу-хидзири* — монахов низшего сословия, которые усердно творят *нэмбуцу* и живут лишь в ожидании чуда. Эти монахи априори самозванцы, многие из них одурачивают население. Будучи любимцами простонародья, они высмеиваются и осуждаются аристократами не только за свою глупость, но и жалкий вид.

Однако основной посыл этой идеи в *сэцува* — необходимость скорейшего спасения. В этом случае идея

¹ *Гораи Сигэру*. Указ. соч. С. 10–11.

манто наслаивается на идею спасения *сукусэ*, главной фигурой которой в рассматриваемый отрезок времени выступал будда Амида. Амидаизм давал мирянам полную уверенность в том, что творением *нэмбуцу* они смогут прервать цепь перерождений и в следующем же рождении наслаждаться благами рая, при этом, не тратя ни времени, ни усилий, ни, в конце концов, денежных средств (что было как раз наиболее важным для простонародья) на обеты, пост, трудные ритуалы, милостыню и т.п. Жители провинций, измученные тяжелой экономической ситуацией в стране, будучи не в состоянии повлиять на создавшуюся ситуацию, пребывали в отчаянии, поэтому единственным утешением для них стала мысль о безмятежном существовании в раю будды Амиды. Вера в милость Амиды стремительно распространялась в народе и, стоит признать, получала отклик. Люди надеялись отдохнуть от проблем суетного мира хотя бы в следующем рождении, которое было гарантировано, если лишь неустанно творить *нэмбуцу*.

Что касается более образованных верующих из числа аристократов, то, безусловно, мы не можем утверждать, что они не попадали под очарование амидаизма и категорически не следовали ему. Из сборника сэцува «Удзи сюи моногатари» видно, что составители «Удзи сюи моногатари» являлись аристократами, придворными чиновниками, людьми высокой образованности с определенной религиозной позицией, осуждающей черты, присущие популярному японскому буддизму, как «стяжание благодати в данной жизни» *гэндзэ рияку* и «спасение силой другого» *тарики*. Осуждению авторов подвергается амидаизм в любом его проявлении — будь то постоянное творение *нэмбуцу* или страстное желание

возродиться в Чистой земле будды Амиды, которое вынуждает людей замыкаться на этой идее, поступая не вполне адекватно и в глазах прочего люда.

Подводя итог лишь отметим, что материал «Удзи сюи моногатари» демонстрирует поразительную малограмотность, плохую осведомленность в культах, ритуалах и догмах буддизма даже среди буддийского духовенства. Японское общество мало знает и трудно постигает постулаты буддизма. Наряду с этим для эффектного контраста в сборнике описаны случаи, когда простая паства по своей глубокой и чистой вере получает верное спасение и заступничество того или иного бодхисаттвы.

НАСТАВЛЕНИЕ ДОМА ИМАГАВА

Настоящее наставление принадлежит кисти Имагава Садаё 今川貞世 (монашеское имя Рёсюн 了俊)¹ (1325–1420)². Адресовано оно было преемнику, младшему брату Накааки (?–?) 仲秋, которого он усыновил, обеспечив тем самым законное право стать главой дома после официального ухода Рёсюн от дел³. Род Имагава играл заметную роль в политической истории в средние века в

¹В 1367 г. умер Асикага Ёсиакира, второй по счету сёгун из этого дома. В знак траура и искренней привязанности к ушедшему в мир иной сюзерену Имагава Садаё принял постриг, стал монахом в миру и с 1367 г. более известен в истории Японии по монашескому имени (хо:мё:, 法名) Рёсюн.

²Даты жизни точно неизвестны. Так например, в энциклопедии на английском языке Monumenta Nipponica указывается только дата рождения 1426 г., умер он, как предполагает автор статьи, посвященной Рёсюн, скорее всего до 1418 г., вероятно, в 1414 г. (Monumenta Nipponica, vol. 3, p. 271). В популярном издании "Нихонси дзимбуцу соран", посвященном известным японским деятелям, четко указываются даты жизни 1325–1420 гг. (Нихонси дзимбуцу соран 日本史人物総覧 (Краткое описание исторических личностей Японии). Токио: Синдзимбуцу орайся 新人物往来社, 1989. С. 89).

³В «Энциклопедии по отечественной истории» отмечается, что он родился в период Намбокутё: 南北朝時代 (1336–1392), когда на протяжении полувека существовало два императорских двора. Приходится сыном Имагава Норикуну (?–1384) и младшим братом Садаё. Позже последний усыновил его и в 1368 г. Накааки наследовал пост военного губернатора (сюго). Известен также под именем Ёриясу 頼泰. До 1386 г. был на Кюсю, где под началом старшего брата, успешно сражался с противниками сёгуната Асикага. Монашеское имя Накадака. Некоторые ученые высказывают предположение, что он умер в 1450 г. (Кокуси дайджитэн 国史大辞典 (Большой словарь отечественной истории). Т. 1. Токио, 1979. С. 788).

период Муромати (1333–1568), является боковой ветвью сёгунов из дома Асикага и берет свое начало от Асикага Кунидзи 足利国氏 (?-?), у которого было поместье Имагава 今川庄 в уезде Хадзу 幡豆郡 провинции Микава 三河国 (ныне префектура Айти 愛知県). Его внук Норикуни 範国 (1304?-1384) отличился на службе у Асикага Такаудзи 足利尊氏 (1305–1358), основателя сёгуната Муромати, за что ему был жалован пост военного губернатора (сюго, 守護) провинций Суруга 駿河国 и Тото:ми 遠江国 (ныне часть префектуры Сидзуока 静岡県). Наиболее известной личностью из этого рода, оставившей глубокий след в истории Японии, является его сын, Имагава Рё:сюн 今川了俊, поэт, литературный критик, талантливейший военачальник, воплотивший в себе все лучшие качества военного и аристократического сословий. Родился в Киото, служил трем сёгунам — Асикага Ёсиакира 足利義詮 (1330–1367), Ёсимицу 義満 (1358–1408) и Ёсимоти 義持 (1386–1428). Кроме того, что он унаследовал от отца Норикуни посты военного губернатора провинций Суруга и Тото:ми, позже в 1367 г. был назначен главой судебного ведомства военного правительства Муромати (хикицукуэ то:нин, 引付頭人), а также возглавил военное ведомство (самурайдокоро то:нин, 侍所頭人) и по совместительству стал губернатором столичной провинции Ямасиро (Ямасиро сюго, 山城守護). В 1371 г. Садаё, который теперь уже звался Рё:сюн, был направлен на остров Кюсю полномочным представителем сёгуната (Кю:сю: тандай, 九州探題), где почти 25 лет, утверждая власть сёгуна, провел в борьбе с политическими оппонентами, могущественными кланами Кикиути 菊池, Симидазу 清水 и

другими домами, поддерживавшими «Южный двор»¹. Однако в 1395 г. по приказу сёгуна Ёсимицу он был вынужден вернуться в Киото и был отстранен от всех значимых политических постов из-за подозрения, что поддерживал связи с мятежником Оути Ёсихиро 大内義弘 (1356–1399), который открыто бросил вызов сёгуну Асикага Ёсимицу, подняв восстание против центральных властей в 1398 г., за что и был несколько позже сурово наказан. Кроме того, Сибя Ёсимаса 斯波義将 (1350–1410), занимавший в то время второй по значимости пост первого министра (канрэй/канрё:, 管領), интриговал против Рё:сюна, желая его отставки и назначения на пост полномочного представителя военного правительства на Кю:сю: (Кю:сю: тандай, 九州探題) своего протекже. Об этом Имагава написал в сочинении «Ошибки в “Повести о Великом мире”» (Нан-Тайхэйки, 難太平記). Японский историк Сато: Синъити, однако, считает, что у Асикага Ёсимицу были объективные причины отстранить его от должности². Тем не менее, поначалу против Рё:сюн не было предпринято никаких репрессивных мер, позже он был прощен и ему было позволено вернуться в Киото, но опальный военачальник счел за благо отойти от активной политической деятельности и посвятил себя полностью литературному труду.

Еще в молодые годы Садаё учился сложению японских стихов *вака* 和歌 у такого авторитета этого жанра, как

¹ Сато: Синъити 佐藤進一. Намбокутё:но доран 南北朝の動乱 (Междоусобица северного и южного дворов императорского дома) // Нихон-но ржиси 日本 の 歴史 (История Японии). Т. 9. Токио: Тю:о:коронся 中央公論社, 1971. С. 449–452.

² Там же. С. 455–457.

Рэйдзэй Тамэхидэ 冷泉為秀 (?-?), и японских стихов в жанре *рэнга* 連歌 у Нидзё: Ёсимото 二条良基 (1320–1388), представителя знаменитого аристократического рода Фудзивара. Поэтому Имагава хорошо был знаком с лучшими образцами японской словесности. Помимо Послания до наших дней дошли такие литературные сочинения, принадлежащие кисти Рёсюн, как: «Собрание словесного сора» (Гондзинсю; 言塵集), «Выдержки из двоякого толкования» (Нигонсё; 二言抄), «Обращение [господина] Рёсюн к своему наследнику» (Рёсюн исси-дэн, 了俊一子伝), «Краткое изложение Рёсюном основ поэзии» (Рёсюн бэнъёсё; 了俊弁要抄), «Выявление безымянного документа» (Ракусё рокэн, 落書露頭, 1412 г.), «Трактат Рёсюна о поэзии» (Рёсюн кагакусё, 了俊歌学書), «Лес стихов» (Карин, 歌林) и «Ошибки в “Повести о Великом мире”» (Нан Тайхэйки, 難太平記).

В сочинении «Краткое изложение Рёсюном основ поэзии» автор утверждал, что при обучении представителей военного сословия, во всяком случае, тех, в руках которых будет сосредоточена большая власть, необходимо наряду с воинскими искусствами и науками, преподавать им известные литературные произведения, созданные придворными аристократами. Особенно Рёсюн выделял такие сочинения, как: поэтический сборник «Антология стихов 36 поэтов» (Сандзю:рокунин касю; 三十六人歌集), «Повесть из Исэ» (Исэ моногатари, 伊勢物語), «Записки у изголовья» (Макура-но со:си, 枕草子) и, конечно же

«Повесть о Гэндзи» (Гэндзи моногатари, 源氏物語)¹. В немалой степени благодаря усилиям Имагава Рёсюн дошел до нас известный литературный памятник «Записки от скуки» (Цурэдзурэгуса, 徒然草)².

Пика своего могущества военный дом Имагава достиг в период «сражающихся провинций» (сэнгоку дзидай, 戦国時代) (1467–1568) при Имагава Удзитика 今川氏親 (1471–1526) и его сыне Имагава Ёсимото 今川義元 (1519–1560), которые безраздельно правили как самостоятельные государи в провинциях Суруга, Тотто:ми и Микава. Ёсимото стремился объединить всю страну под своим началом и в 1560 г. предпринял попытку взять под контроль столицу, но этому воспрепятствовал Ода Нобунага 織田信長 (1534–1582). Он в битве при Окэхадзама 桶狭間 разбил войска Имагава и уничтожил претендента. После этого Такэда Сингэн 武田信玄 (1521–1573), Токугава Иэясу 徳川家康 (1542–1616) и род Гоходзё: 後北条 прибрали к своим рукам обширные владения рода Имагава. Тем не менее, после этого потомки рода долго еще служили при дворе сёгунов Токугава церемониймейстерами (кожэ, 高家).

Помимо наставлений широко известен свод законов этого военного дома «Имагава кана мокуроку» 今川仮名目録 (33 статьи, 1526 г.), составленный Удзитика и «Имагава

¹ Букэ какун — икун сю:сэй 武家家訓・遺訓集成 (Наставления военных домов — посмертные назидания) / Ред. и сост. Одзава Томио 小澤富夫. Токио: Пэриканся ぺリカン社, 2003. С. 467.

² Горегляд В. Н. Японская литература VIII–XVI вв. Начало и развитие традиций. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997. С. 294.

кана мокуроку цуйка» 今川仮名目録追加 (дополнения из 21 статьи к прежнему своду, 1553 г.), составитель Ёсимото¹.

Наставления Имагава Рё:сюн известны, прежде всего, под названием «Послание [господина] Имагава» (Имагава-дзё; 今川状), «Слова назидания [господина] Имагава Рё:сюн» (Имагава Рё:сюн сэйси, 今川了俊制詞), «Статьи слов назидания [господина] Имагава Рё:сюн [его] сыну² Накааки» (今川了俊愚息中秋制詞条々, Имагава Рё:сюн гусоку Накааки сэйси дзё:дзё:), а также «Распоряжение [господина] Имагава» (Имагава кабэгаки / Имагава хэкисё, 今川壁書³, «Прописи [господина] Имагава» (Имагава тэхон, 今川手本). Поучения господина Имагава пользовались большой популярностью в средние века, а с наступлением нового времени, образованием сёгуната Токугава (1603–1867) и широкого распространения ксилографического печатания эти поучения стали выходить в свет не только под вышеуказанными названиями, но и под измененными, такими как: «Послание [господина] Имагава из [дома

¹ Полхов С. А. «Косю хатто-но сидай»: структура законодательного уложения эпохи сэнгоку // История и культура традиционной Японии 3. М.: Издательство «Наталис», 2010. С. 33; Полхов С. А. Законодательные уложения Сэнгоку даймё: Исследования и переводы. М.: Кругъ, 2015. С. 125–211, 425–448.

² В эпистолярном, крайне вежливом стиле слово гусоку 愚息 (досл. «глупый сын») имеет значение «мой сын». В этом стиле автор и себя, и своих детей обозначает с показной вежливостью, граничащей с уничижительностью.

³ Хэкисё, или кабэгаки (яп. 壁書) — указы, распоряжения феодальных властей, размещавшиеся на стенах строений.

каллиграфов] О:хаси»¹ (О:хаси-рю: Имагава-дзё; 大橋流今川状), «Свод наставлений Имагава, изложенных понятным языком» (Имагава гэнкай тайсэй, 今川諺解大成), «Разъяснения несмышленным детям [наставлений господина] Имагава» (Имагава до:мо:кай, 今川童蒙解). Особенно поучения получили распространение как дидактическое учебное пособие при воспитании детей, девушек. Подобные сочинения, написанные в виде переписки, носящей назидательный характер, были популярны с периода Камакура и до становления современной Японии после незавершенной буржуазной революции эпохи Мэйдзи, использовались как тексты при начальном обучении детей. Этот литературный жанр получил специальное название «Образцы эпистолярного стиля как образовательный материал для чтения детям» (О:раймоно, 往来物). В частности, было выпущено ксилографическим изданием одной тетрадью «[Наставления господина] Имагава женщинам» (Онна Имагава, 女今川) с цветными иллюстрациями, малым количеством иероглифики, написано в основном слоговой азбукой — *каной*. Это издание также известно под названием «Тетрадь [господина] Имагава» (Имагава-тё; 今川帖). Авторство этого издания, ставшего известным в 1700 г. широкому кругу любителей литературы, приписывается Савада Кити 沢田きち (?-?). Но еще в 1687 г. вышло в свет это сочинение. Оно использовалось учениками младших классов на занятиях по чистописанию. Кроме того, появились учебные тексты, которые брали за образец «Послание [господина]

¹ Основателем этого рода, посвятившим себя каллиграфии, работе с документами, первоисточниками, особенно периода Токугава, является О:хаси Сигэмаса 大橋重政 (1618–1672).

Имагава» и включали в название его фамилию Имагава. Например, (Хё:кин Имагава, 瓢金今川), «Послание [господина] Имагава для учеников прихрамовых школ» (Тэрако Имагава-дзё, 寺子今川状), «Письмо к простолюдинам, сопоставимое с посланием [господина] Имагава» (Хякусё: Имагава-дзё, 百姓今川状). Все это говорит о том, что наставления военачальника Имагава Рё:сюн, были не только популярными, но и вошли в «золотой фонд» японской культуры, воздействовали и продолжают воздействовать на менталитет японской нации и особенно подрастающего поколения. В новых условиях после закончившейся в 1392 г. феодальной междоусобицы между представителями Северного и Южного дворов Имагава попытался выработать морально-этические нормы для военного сословия. В 23-х статьях можно найти влияние и конфуцианской мысли благодетельного правления, и буддистских представлений о карме, запрете умерщвления живых существ, и прагматический подход глав военных домов, стремившихся в подчиненных им землях создать экономические основы для процветания и сильные воинские подразделения, подчиненные им. Обычно, наставления, завещания носили камерный характер, посторонние лица, как правило, не знали или, во всяком случае, не были детально знакомы с его содержанием. В данном конкретном случае мы видим, что Имагава Рё:сюн издал по этому поводу распоряжение в форме *кабэгаки*, сделав содержание наставлений открытым. С ним могли ознакомиться все желающие. Видимо, глава дома, вынужденно передавая власть брату, сделал это намеренно.

Существует перевод «Послания» на русский язык с английского, опубликованный в научно-популярном

издании¹, и сам перевод, если сравнить его с текстом оригинала на японском языке, получился ближе к пересказу содержания наставлений. Существует также еще один более профессиональный перевод на английский язык Карла Стеенстрапа, помимо перевода Уильяма Скотта, предложенного отечественной публике Р. В. Котенко и В. Горбатъко. Но, к сожалению, они его не использовали по той причине, вероятно, что не знали о его существовании, поскольку текст был опубликован в научном журнале, не известном широкой публике.

Текст оригинала установления, состоящего из постатейного изложения, написан на китайском языке (камбун, 漢文), а послесловие на старояпонском (бунготай, 文語体). Одава Томио опубликовал рукопись, хранящуюся в архиве Управления императорского двора (Кунайтё: сёрё:бу сёдзо:, 宮内庁書陵部所蔵)², которая была взята за основу при переводе на русский язык. Кроме того, была использована монография Ёсида Ютака, который также занимался изучением этого наставления³. В некоторых изданиях весь текст послания написан на старояпонском языке.

¹ Идеалы самураев. Составление и редакция Уильяма Скотта Уилсона. Перевод: Котенко Р. В. СПб.: Евразия, 1999. С. 84–93.

² Букэ какун — икун сюэсэй. С. 466.

³ Ёсида Ютака 吉田豊 (составитель). Букэ-но какун 武家の家訓 (Семейные наставления военных домов). Токио: Токума сётэн 徳間書店, 1972. С. 141–158.

ПЕРЕВОД

Послание [господина] Имагава

今川状 (Имагава-дзё)

[1] Без знания Пути Учености, в конце концов, не добиться победы на Пути Воинской доблести¹.

[2] Из любви к ловле рыбы большими бакланами и к соколиной охоте убивать живые существа забавы ради нельзя¹.

¹ В этой статье идет речь не столько о противопоставлении Пути Учености (*бундо*: 文道) Пути Воинской доблести (*будо*: 武道), сколько о взаимном органичном их дополнении. Более того, воину, не овладевшему всеми знаниями, накопленными лучшими представителями аристократического сословия (Путь Учености), не добиться успеха в военном деле (Путь Воинской доблести). Карл Стеенстрап перевел термин *бундо*: как «Искусства Мира» (*the Arts of Peace*), а *будо*: как «Искусства Войны» (*the Arts of War*). К первым относятся классическая литература на китайском языке, в том числе и конфуцианская, японская классическая литература (и поэзия, и проза на родном языке), трактаты по истории Китая и Японии, законодательные акты средневековой Японии, буддийские тексты и сутры, особенно относящиеся к школе *дзэн*, знание ритуалов, обрядов и церемоний и порядок их проведения, базовые знания по естественным наукам. Иными словами, весь запас знаний, накопленный предыдущими поколениями, носителем которого была придворная аристократия. Ко второму виду относятся искусства верховой езды, стрельбы из лука, владение мечом, а также знания по стратегии и тактике ведения войны и отдельного сражения, возведения фортификационных сооружений, логистики, разведки и навыки психологического воздействия на массы во время ведения боевых действий (Steenstrup, Carl. *The Imagawa Letter: A Muromachi Warrior's Code of Conduct Which Became a Tokugawa Schoolbook // Monumenta Nipponica*, Vol. 3 (Autumn, 1973). Tokyo, 1973. P. 299–300).

[3] Не следует необдуманно приговаривать к смертной казни человека, совершившего лишь незначительный проступок, не удостоверившись и не установив [степень] его вины².

[4] Строго не наказывать преступников, совершивших ужасные преступления, из-за кумовства прощать их преступления — непозволительно³.

[5] Не подобает притеснять подданных⁴, а также отбирать владения у синтоистских святилищ⁵ и разорять

¹ В этой статье просматривается прямое влияние буддистских представлений. Сам Имагава Садаё принял постриг и стал монахом в миру (нюдо; 入道, «вступивший на Путь»), назвавшись монашеским именем Рёсюн, в конце 1367 г.

² Включение этой статьи в наставления свидетельствует косвенным образом о практике жесткого судопроизводства, когда могли казнить человека за незначительный проступок.

³ Статья четвертая продолжает тему справедливого судопроизводства. Рёсюн призывает своего наследника объективно и взвешенно принимать судебные решения, следуя букве и духу закона, что говорит о недостатках современного ему суда. Тем более примечательны эти статьи, что Рёсюн некоторое время с 1367 г. возглавлял судебное ведомство и не понаслышке был знаком с судебной практикой периода Муромати.

⁴ Имеется в виду притеснять непомерными налогами и обложениями подданных. В тексте значится иероглиф *тами* 民. В настоящее время он переводится как *народ*, но в то время предпочтительнее, как предлагает словарь Ко:дзиэн, *подданные* (*симмин*, 臣民). По-видимому, такое поведение крупных феодалов было делом обыденным.

⁵ В тексте упоминаются только синтоистские святилища (*дзиндзя* 神社) и ничего не говорится о буддийских храмах и монастырях. Не исключено, что последние могли лучше отстаивать свои права на земельные владения, если только Имагава делал различия между ними.

их, доводить до бесконечных пределов собственное богатство и знатность.

[6] Не следует пренебрегать обязанностями, которые возложил [на тебя] господин, печься [только] о своих делах, не страшась даже воздействия Пути Неба (тэндо, 天道), идти на поводу у своих прихотей.

[7] Ни в коем случае нельзя, оставив в запустении без ремонта разрушенные особняки, фамильные буддийские храмы и пагоды, возведенные предками, содержать в порядке [только] собственную резиденцию (ситаку, 私宅).

[8] Сюзерен не может не различать четко хорошие и плохие [дела] вассалов, не может несправедливо награждать и наказывать [их].

[9] Не подобает забывать о высокой милости сюзерена и родителей, не подобает проявлять непочтительность и неверность [им] (*тю:ко:-о мидару кото, 猥_忠孝_事*).

[10] Должен отдавать отчет в том, что точно так же, как ты сам хорошо знаешь хорошие и плохие поступки своих вассалов, так и сюзерену хорошо известны твои [поступки]¹.

[11] Возводя напраслину на обоих, вызвав ссору [между ними], самому радоваться горю других не следует.

¹ Одава Томио в последнем издании наставлений дома Имагава 2003 г. эту статью в тексте поставил десятой по счету, хотя в более раннем издании 1985 г. поместил последней, двадцать третьей. И в том и другом случае он ссылается на одну и ту же рукопись, хранящуюся в собрании письменных памятников архива, находящегося под управлением Управления императорского двора. Нами выбрано последнее издание как, по нашему мнению, наиболее выверенное и более тщательно отредактированное.

[12] Не подобает не осознавать собственного положения, превышать его, или к тому же выражать недовольство, не отвечающее положению, [должен соответствовать [своему] статусу].

[13] Не считаясь с тем, что твой собеседник полностью прав, не следует утверждать [только] свои желания, полагаясь на собственную силу и власть.

[14] Не следует питать отвращение к благородным вассалам [, отмеченным мудростью и чистосердечием,] и, отдавая предпочтение заискивающим перед тобой вассалам [, несущим в сердце порок и злобу,] отдавать распоряжения подчиненным.

[15] Не завидуй тем, кто разбогател, тем, кто следует по Пути несправедливости и бесчеловечности (хидо; 非道). И не пренебрегай теми, кто, следует по правильному Пути (сэйро, 正路)¹, [совершая должные, правильные поступки, но, к несчастью,] впали в бедность и дела их пришли в упадок.

[16] Не следует предаваться пирушкам, развлечениям, азартным играм и забывать о чести дома.

[17] Не должно насмеяться и глумиться над другими людьми по всякому поводу, самодовольно упиваясь своим умом и способностями.

¹ В данном случае Правильный Путь (сэйро, 正路) является синонимом слова Правый Путь (сэйдо; 正道), которое, как представляется, более точно отражает содержание этой статьи.

[18] Не должно уклоняться от задушевных бесед под предлогом надуманных болезней, когда [тебя] посещают люди.

[19] Нельзя наслаждаться вкусной пищей одному, нельзя есть ее, спрятавшись в глубине дома, ни в коем случае нельзя думать только о себе.

[20] Нехорошо будучи господином самому носить роскошные одежды и доспехи, а вассалов заставляя ходить в грязных, поношенных одеждах.

[21] Независимо от знатности и положения в обществе не подобает предаваться радостям суетного мира, не понимая принципов кармы [, проповедующих Закон Будды].

[22] Должен в полной мере проявлять почтительность и уважение буддийским монахам и священникам [, идущим по Пути Будды,] и проводить обряды.

[23] Не должен на территории подвластной провинции сооружать таможенные заставы и доставлять [тем самым] неудобства прибывающим и убывающим путешественникам.

Хочу попросить, Накааки, чтобы [ты] всегда держал в сердце эти 23 пункта и следовал [им].

Естественно, что [ты] как воин все силы отдаешь Пути лука, коня и поединков, и первойшей обязанностью воина является отдать все свои помыслы достижению совершенства на этом [Пути]. Прежде всего, при наведении порядка в провинции трудно рассчитывать на мудрое управление без научных знаний; на это обстоятельство

четко указывают и «Четыре Книги и Пять Сочинений»¹, а также военные книги (гунсё, 軍書). Кроме того, с раннего детства следуй по Пути, [на котором человек становится Человеком,] поддерживай дружеские отношения с людьми, известными праведными поступками, и ни в коем случае не следуй за плохими друзьями. Древние говорили: «Вода приобретает форму четырехугольника, если [ее] поместить в четырехугольный сосуд, если же поместить в круглый сосуд, то [она] станет круглой, так и человек становится хорошим или плохим в зависимости от того, какой у него друг»; и это действительно так. По этой причине говорят, что представитель военного правительства (сюго, 守護), умело управляющий провинцией, любит мудрецов, а губернатору от императорского двора (кокуси, 国司), угнетающему и притесняющему население, нравятся льстецы. Если мы хотим узнать, добрый сюзерен или злой, мудрый или глупый, то посмотрев на людей, к которым он благоволит, можем понять, каков он [сам] есть. Так как сердце человека, стоящего над людьми, прочитывается ими, то [они] могут понять его позор. Мудрость добродетельного человека — любить друзей, которые превосходят его самого, и не любить друзей, которые ему уступают. Однако, хотя так и говорим, но это не значит, что нужно бросить людей, которых [ты] выбрал и которые тебе уступают. Просто нельзя поощрять своим расположением плохих людей. Управляешь ли ты провинцией или уездом, независимо от этого, трудно добиться успеха в любых делах, если все к тебе

¹ Четыре книги (сисё, 四書) — конфуцианское четверокнижие («Лунь юй», «Мэн цзы», «Дасюэ», «Чжун юн»). Пять Сочинений (гокё:, 五經) — пятикнижие конфуцианского канона: «И-цзин», «Шу-цзин», «Ши-цзин», «Ли-цзи», «Чунь-цю».

не питают симпатий и уважения. Почти все известные полководцы предупреждают, что не вызывает симпатий самурай, который хоть и является таковым по своему положению, но избегает поединков. Кроме того, как узнать добро и зло собственного сердца, поймешь, что собственное сердце стало добрым, если люди — независимо высокого или низкого общественного положения — толпами идут к тебе, всегда много посетителей приходят и уходят от тебя; но если же даже по приглашению, питая отвращение, не идут к тебе, то знай: это из-за того, что твои действия были неправильными. Однако помимо этого [еще] в двух случаях перед [твоими] воротами может так много собраться народу, что составит [население] города. В первом, из-за страха перед жестокостью и несправедливостью сюзерена; во втором, когда [твои] вассалы, вступив на Путь бесчеловечности (будо:, 無道), будут притеснять людей, под разными предложениями обирать их. Сюзерен должен, четко разделив добро и зло, правду и ложь, исправить разбойные действия вассалов, следовать ранее созданным прецедентам и с помощью справедливых законов¹ отправлять правосудие. Подобно солнцу и луне, которые освещают всё без исключения — все травы, деревья и землю — государю повинуются все вассалы: и приближенные, находящиеся в непосредственной близости, и воины из других родов, несущие постоянно официальную службу не на глазах государя, и более того даже низкоранговые самураи, проживающие в удаленных местах и отрезанные от других горами и долинами; и днем, и ночью сюзерен сердцем, исполненным

¹ Иероглифический бином *кэмпо:*, 憲法 переведен в данном случае как «справедливые законы». В настоящее время этим иероглифическим сочетанием принято обозначать конституцию страны.

милосердия, должен определять [меру] наказания и награды и держать [их] на службе, согласуясь с добром и злом, преданностью и неверностью этих людей. Если, будучи главой всех самураев, не обладать умом и сообразительностью и проявлять во многих случаях неосторожность, то, вероятно, не избежать осуждения всех людей — независимо от того, высокое или низкое положение они занимают. Подобно тому, как нам проповедают все Законы [Будды] (сёхо; 諸法) ради того, чтобы Будда мог спасти живые существа, так и государь постоянно должен быть занят тем, чтобы совершенствоваться на Пути Учености и Воинской Доблести (бумбу рёдо; 文武両道). При управлении подданными опасно, если [у государя] отсутствует хотя бы одна [из пяти конфуцианских добродетелей]: человеколюбие, справедливость, вежливость, мудрость и искренность (дзинги-рэй-ти-син, 仁義礼智信). Если будешь определять кару, согласуясь с Путем праведного государственного управления (сэйдо; 政道), то люди не будут таить ненависти. Но если же приговоришь к смертной казни не по справедливости, незаконно, то, вероятно, ненависть будет глубокой. Если это случится, то не избежать кармы возмездия и обязательно накличешь беду. Прежде всего, в отношении вассалов необходимо четко понять, кто из них предан, а кто вероломен, и [в соответствии с этим] награждать и наказывать. Бесполезно давать лен тем вассалам, кто обладает большими земельными владениями и все силы свои отдает жене, детям, а еще, кроме того, бессмысленным забавам, кто прежде всего думает о своей выгоде, не утруждает себя на Пути Лука и Коня и не располагает достаточным количеством людей для ратного

труда. Хотя и говорят воины из всех домов, что их доля лена гарантируется прежними постановлениями, но [тем не менее] лен может сокращаться или увеличиваться в зависимости от решения сюзерена. Итак, ты рожден воином, дело жизни которого — Путь сражений (кассэн-номити, 合戦の道), и немисливо стыдно стать объектом насмешек у всех людей Поднебесной (тэнка, 天下) из-за того, что просто праздно владеешь землями и не имеешь [под своим началом] даже солдат (хэй, 兵) [подготовленных к боевым действиям]. Это действительно достойно сожаленья. Установления (кабэгаки, 壁書) изложены в вышеприведенных статьях. Быть по сему.

О:эй 19-й год вторая луна ... день¹

Монах в миру (сями, 沙弥) Рёсюн

Список источников и литературы

1. Горегляд В. Н. Японская литература VIII–XVI вв. Начало и развитие традиций. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997. 402 с.
2. Имагава Садаё. Правила Рёсюна. Перевод Владимира Горбатъко // Кодекс Бусидо. Хагакурэ. Сокрытое в листве. М.: Эксмо, 2006. С. 308–318.
3. Полхов С. А. «Косю хатто-но сидай»: структура законодательного уложения эпохи сэнгоку // История и

¹ День не указан. Вторая луна 19-го года эры Оэй 応永 приходится на промежуток времени с 13 марта по 11 апреля 1412 г. Во второй луне этого года было 30 дней.

- культура традиционной Японии 3. М.: Издательство «Наталис», 2010. С. 31–69.
4. Полхов С. А. Законодательные уложения Сэнгоку даймё: Исследования и переводы. М.: Кругъ, 2015. С. 125–211, 425–448.
5. Установления Имагава Рёсюна // Идеалы самураев. Составление и редакция Уильяма Скотта Уилсона. Перевод: Котенко Р.В. СПб.: Евразия, 1999. С. 84–93.
6. Ёсида Ютака 吉田豊 (составитель). Букэ-но какун 武家の家訓 (Семейные наставления военных домов). Токио: Токума сётэн 徳間書店, 1972. С. 77–88.
7. Имагавадзё: 今川状 (Послание [господина] Имагава) // Одзава Томио 小澤富夫. Какун. Има-ни икиру токоро ё-но кёкун 家訓. 今に生きる処世の極意 (Семейные наставления. Сокровенное знание, дошедшее до нас из глубины веков). Токио: Коданся гакудзюцу бунко 講談社 学術文庫, 1985. С. 43–49; 238–242.
8. Имагава Рёсюн сэйси 今川了俊制詞 (Слова назидания [господина] Имагава Рёсюн) // Букэ какун — икун сю:сэй 武家家訓・遺訓集成 (Наставления военных домов — посмертные назидания). Ред. и сост. Одзава Томио 小澤富夫. Токио: Пэриканся ぺリカン社, 2003. С. 76–79.
9. Кайсэцу. Имагава Рёсюн сэйси 解説. 今川了俊制詞 (Комментарий. Слова назидания [господина] Имагава Рёсюн) // Букэ какун — икун сю:сэй 武家家訓・遺訓集成 (Наставления военных домов — посмертные назидания). Ред. и сост. Одзава Томио 小澤富夫. Токио: Пэриканся ぺリカン社, 2003. С. 466–468.
10. Кокуси дайdzитэн 国史大辞典 (Большой словарь отечественной истории). Т. 1. Токио, 1979. 820 с.

11. Нихонси дзимбуцу со:ран 日本史人物総覧 (Краткое описание исторических личностей Японии). Токио: Синсимбуцу о:райся 新人物往来社, 1989. 1623 с.
12. Сато: Синъити 佐藤進一. Намбокутё:-но до:ран 南北朝の動乱 (Междоусобица северного и южного дворов императорского дома) // Нихон-но рэкиси 日本の歴史 (История Японии). Т. 9. Токио: Тю:о:ко:ронся 中央公論社, 1971. 488 с.
13. Steenstrup, Carl. The Imagawa Letter: A Muromachi Warrior's Code of Conduct Which Became a Tokugawa Schoolbook // Monumenta Nipponica, Vol. 3 (Autumn, 1973). Tokyo, 1973. Pp. 295–316.

БИОГРАФИЯ ПОЭТА ЯМАНОУЭ ОКУРА В ЕГО МОЛОДЫЕ ГОДЫ (ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ)

Биография молодого Яmanoуэ Окура не вполне ясна. Его карьерный рост не был быстрым. Если произвести обратный отсчёт его возраста от 74 лет, указанного им в тексте «О думах по поводу сетования о своей дряхлости и жалости к себе»¹, то дата его рождения будет соответствовать 6-му году правления императрицы Саймэй (660 г.). Его имя впервые официально появляется в исторической хронике «Сёку Нихонги» в статье о 1-й луне 1-го года эры Тайхо (701 г.), в которой сказано следующее: «Сираи-но Фухито Амару и Яmanoуэ-но Окура без ранга назначены *сёроку*»². Судя по этой статье у Яmanoуэ Окура не было ни ранга, ни титула, хотя ему в то время было уже 42 года. Известно, что он происходил из незнатного рода и неизвестно, какое социальное положение он занимал в молодые годы.

В поэтической антологии «Манъёсю» сохранились три песни, к которым имеет отношение Окура:

1. Песня принца Кавасима, сложенная во время путешествия императрицы Дзито в провинцию Ки, в примечании к которой высказано предположение о том, что она была сочинена Яmanoуэ Окура (т. 1, №34)³;

¹Синкун манъёсю 新訓万葉集. Т. 1 上卷. Токио 東京, 1999. С. 231.

² Мещеряков А. Н. «Сёку нихонги». Свиток 2. От 1-й луны 1-го года Тайхо [701] до 12-й луны 2-го года Тайхо [702] // История и культура традиционной Японии. 2 / Отв. ред. А. Н. Мещеряков. М.: РГГУ, 2011. (Orientalia et Classica: Труды института восточных культур и античности; вып. 29). С. 41.

³Синкун манъёсю 新訓万葉集. Т. 1 上卷. Токио 東京, 1999. С. 52.

2. Песня Ямануэ Окура, сложенная позднее в ответ на песни Нага Окимаро (т. 2, №145);

3. Песня Ямануэ Окура (т. 9, №1716).

Судя по этим песням, Окура входил в круг придворных поэтов¹. Существует и ещё одна причина так полагать. В предисловии к первой (№34) из вышеуказанных песен сказано, что она была сложена принцем Кавасима, а в примечании высказывается предположение, что она была сочинена Ямануэ Окура. В предисловии к третьей песне (№1716), которая похожа на первую песню (№34), сказано, что её авторство принадлежит Ямануэ Окура, а в примечании к ней авторство приписывается принцу Кавасима². Здесь речь идёт о том, что эта песня-плач была сложена и Окура и принцем Кавасима. Это обстоятельство наводит на мысль о том, что Окура служил в ближайшем окружении принца Кавасима внутридворцовым вооружённым служкой *тонэри* и занимался вместо принца сочинением песен. Это было одной из обязанностей придворных поэтов. У Какиномото Хитомаро нет таких песен, которые он тайно писал бы для другого лица, но когда в 5-м году правления императрицы Дзито (691 г.) принц Кавасима скончался, Хитомаро сочинил плач и преподнёс его принцессе Хагусэбэ — вдове принца

¹ Мураяма Идзуру 村山出. Ямануэ Окура но кэнкю 山上憶良の研究 (Исследование о Ямануэ Окура). 東京, 1976; Хасимото Тацуо 橋本達雄. Сёки но Окура: соно кадзинтэки сэйкаку то ити 初期の憶良: その歌人的性格と位置 (Окура в ранние годы: его поэтический характер и положение) // Атоми гакуэн дзёси дайгаку киё 跡見学園女子大学紀要 (Ученые записки женского университета Атоми Гакуэн), март 1968. С. 47–60.

² Синкун мантёсю 新訓万葉集. Т. 1 上卷. Токио 東京, 1999. С. 377.

Кавасима и её старшему брату — принцу Осакабэ (т. 2, №194). Можно предположить, что он не имел отношений с принцем Кавасима. Поскольку Хитомаро сочинял плачи по другим принцам и принцессам, он не был придворным поэтом, который служил только принцу Кавасима. Хотя к рассматриваемому времени относится много песен, сочинённых не только Хитомаро, но и Нага Окимаро, песен Окура имеется всего лишь три. Это, вероятно, связано с тем, что после смерти принца Кавасима он лишился звания *тонэри* и покинул круг придворных поэтов. Как же он провёл последующие 10 лет с 691 до 701 г.?

По мнению И. Мураяма, Т. Хасимото и С. Наканиси Окура в молодые годы либо вступил в должность переписчика сутр, либо служил придворным поэтом, либо в звании *тонэри* служил титулованной знати из окружения принца Кавасима и при императорском дворе, а затем был выдвинут на должность младшего писаря *сёроку* посольства в государство Тан¹. Продвижение по службе от переписчика сутр до должности мелких служащих *сакан* (младший писарь *сёроку* посольства в государство Тан имел 4-й ранг) по мнению С. Наканиси было сопряжено со многими трудностями. Тем не менее, несмотря на то, что переписчикам сутр и *тонэри* сложно было стать чиновниками 4-го ранга, если человек выходил на службу, то он мог получить придворный ранг. Поэтому сложно объяснить, почему Окура, которому в 1-м году эры Тайхо (701 г.) было 42 года, всё ещё оставался без придворного ранга.

¹ Наканиси Сусуму 中西進. Яманоуэ Окура 山上憶良. Токио 東京, 1973. С. 24.

Спустя некоторое время после Окура Хатацунэ-но Имики Акинива, который служил переплётчиком в Архивном отделе и должность которого была аналогична переписчику сутр, в 5-м году эры Тэмпё (734 г.) в возрасте 34 лет имел младший начальный ранг верхней ступени¹. Продвинувшись по службе, он достиг 7-го младшего ранга нижней ступени. Это неудивительно. В соответствии с законами годов Тайхо-Ёро для тех, кто служил при императорском дворе, должностную аттестацию в отношении чиновников регулярной (ежедневной) службы проводили каждые 6 лет, а в отношении нерегулярных (нерегулярно посещавших место службы) чиновников — каждые 8 лет². Если тот или иной чиновник соответствовал предъявляемым к нему требованиям, то его придворный ранг повышали. Внутридворцовые стражи, младшие писари, телохранители принца крови и сановников являлись нерегулярными чиновниками и аттестовались через 8 лет и, если успешно проходили аттестацию, то их немедленно продвигали по службе на 3 разряда.

О системе аттестаций, соответствующей «Своду законов Асука-Киёмихара», действовавшей до 1-го года эры Тайхо (701 г.) известно мало, так как он не сохранился³. Однако в исторической хронике «Нихон сёки» в статье о 14-м дне 4-й луны 4-го года правления императрицы Дзито (690 г.) сказано следующее: «Для столичных чиновников и тех людей во Внутренних провинциях, кто обладает рангом,

¹ Дайнихон комондзё 大日本古文書. Т. 14 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: kijima.lib.kumamoto-u.ac.jp.

² Кока 考課 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: ja.wikipedia.org.

³ Мещеряков А. Н., Грачёв М. В. История древней Японии. СПб., 2002. С. 163.

подсчитать количество дней, проведенных на службе за 6 лет; для тех, кто не обладает рангом, — за 7 лет. На этом основании выделить 9 групп. Присуждать ранги на основании Закона о назначениях в соответствии с уровнем и способностями, особыми заслугами и талантами, влиятельностью рода»¹.

Закон о назначениях соответствует закону об оценке заслуг «Свода законов Ёро» и имеет отношение к аттестации и пожалованиям придворных рангов чиновникам². Чиновники, имевшие придворный ранг, подтверждали свою квалификацию в ходе аттестации, которая проводилась каждые 6 лет, а простые чиновники нерегулярной службы — каждые 7 лет. Если бы Окура служил при дворе императрицы Дзито, то несмотря на то что в 4-м году её правления у него не было ранга, то он всё равно через 11 лет к 1-му году эры Тайхо (701 г.) стал бы чиновником, имевшим самый низкий придворный ранг.

Можно предположить, что вскоре после смерти принца Кавасима Окура возвратился на родину и, вступив в должность низшего уездного чиновника, до 1-го года эры Тайхо (701 г.) оставался без придворного ранга. Спустя 1 год после назначения его уездным начальником ему могли бы присвоить придворный ранг за безупречную службу. Существует немало примеров того, как *тонэри*, служившим при императорском дворе или представителям аристократической знати, впоследствии возвращались к себе на родину и становились уездными чиновниками.

¹ Нихон сёки — Анналы Японии: в 2 т. / Пер. и коммент. Л. М. Ермаковой и А. Н. Мещерякова. Т. 2. Свитки XVII–XXX. СПб., 1997. С. 278.

² Ёрорё кокарё 養老令考課令 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.miko.org.

Таким *тонэри* был Осадахимацурибэ-но Атаи Дзинго. Судя по верительной бирке, он служил уездным чиновником в уезде Кайдзэ пров. Кадзуса¹.

Естественно было бы предположить, что Окура, отказавшись от должности *тонэри*, возвратился на родину и стал чиновником уездного управления. Однако остаётся неясным, где находилась его родина. А. Саэки полагает, что родиной Окура был сельский округ Яманобэ². Можно предположить, что, возвратившись на родину, он не прекращал контактов с придворными поэтами, с которыми он был знаком, когда ещё жил в столице, и продолжал заниматься литературой. Таким образом, благодаря знакомствам в столице, он был принят на должность младшего писаря посольства в государство Тан несмотря на отсутствие у него придворного ранга. По этому поводу примечательна статья о 23-м дне 1-й луны 1-го года эры Тайхо (701 г.) исторической хроники «Сёку Нихонги»³. В ней сказано о том, что среди членов посольства в государство Тан, назначенных в 1-ю луну того же года, был Канимори-но Сукунэ Акару, управитель уезда Сагарака пров. Ямасиро, имевших 4-ю широкую степень ранга *цуй* (соответствующую 8-му младшему рангу нижней ступени) и которому был присвоен начальный ранг *сёи*, который соответствует должности для младших помощников *ханкан*

¹ Дайнихон комондзэ 大日本古文書. Т. 24 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: kijima.lib.kumamoto-u.ac.jp.

² Саэки Арикиё 佐伯有清. Нихон кодай сидзоку но кэнкю 日本古代氏族の研究 (Исследования древних родов Японии). Токио 東京, 1985. С. 126.

³ Сёку нихонги 続日本紀 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www1.kcn.ne.jp.

3-го разряда. Окура, возможно, был подчинённым Канимори-но Сукунэ Акару или управителем соседнего уезда. Если даже это предположение не соответствует действительности, всё же известны случаи, когда способных людей отбирали даже из управителей уезда или уездных чиновников. Имя Окура, вероятно, было известно чиновникам в центре.

Моё предположение о том, что Окура приняли на службу в центре из низших уездных чиновников основано на том, что его воспоминания о жизни в родных краях нашли своё отражение в песне «Диалог бедняков» (т. 5, №892). Окура собственными глазами видел жизнь низших чиновников и беднейшего крестьянства во время своих инспекционных объездов провинции в качестве уездного чиновника или управителя уезда. Его впечатления от объездов, возможно, и легли в основу этой песни, которую он сочинил спустя 40 лет после возвращения в столицу из округа Дадзайфу. На основании этой песни мы можем осмыслить жизнь молодого Окура.

ТРАДИЦИОННАЯ ЯПОНИЯ: ОБРАЗЫ, ДИСКУРСЫ, ПОДХОДЫ И ОЦЕНКИ

СИМОМУРА КОТАРО — ОТЕЦ КОКСОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЯПОНИИ

Говоря о технических достижениях Японии эпохи Мэйдзи (1868–1912) — развитии легкой и тяжелой промышленности, кораблестроении, химической промышленности, — многие забывают, порой совершенно неосознанно, что каждое изобретение, каждый рывок технического прогресса стали возможны лишь благодаря неустанному труду многих людей. И это не просто громкие слова. Для многих граждан Японии, занятых в самых разных сферах, было делом чести послужить на благо своей страны, помочь ее скорейшему развитию и процветанию.

Одним из таких людей, неизвестных широкой общественности, был Симомура Котаро 下村孝太郎 (1861–1937) — химик, инженер, использовавший свои знания для создания многих изобретений.

С детства Симомура готовился служить Японии. Он посещал школу западного образца, где преподавали иностранцы, в своей родной префектуре Кумамото. Поступил в Школу английского языка До:сися (同志社) (в настоящее время Университет До:сися, 同志社大学) в Киото. Однако после смерти отца был вынужден прервать обучение и вернуться на родину, где у него осталась мать и шесть младших сестер.

В 1885 г. он был отправлен учиться в США, обучался в Вустерском политехническом институте (Массачусетс) и в Университете Джонса Хопкинса (Мериленд). Проходил

практику в Брюсселе, где внимательно изучил передовые химические технологии. Особое внимание Симомура уделял изучению органической химии, особенно применению ее в тяжелой промышленности, например, в металлургии.

После возвращения на родину Симомура посвятил себя преподаванию. Основатель школы До:сися Ниидзима Джозеф (新島襄) пригласил его руководить созданием факультета естественных наук, на котором впоследствии он и работал в качестве заместителя директора школы. При этом Симомура не терял контактов со своими американскими профессорами и коллегами и продолжал совместные исследования.

В 1896 г. Симомура Котаро взялся за создание коксовой печи для более эффективной работы химических предприятий. В это время он служил инженером Промышленной компании Осака (Осака сямичу котё: кабусики гайся, 大阪舎密工業株式会社). Кокс можно было получать в обычной мартеновской печи, либо в печи, в которой применялся метод Сольве, разработанный в Бельгии. Этот метод был признан лучшим для своего времени, и Симомура был одним из немногих японских специалистов, которые были с ним знакомы. Большинство же предприятий не могло обойтись без помощи иностранных специалистов. Однако Симомура хотел наладить производство кокса в Японии без участия иностранцев, поэтому на свой страх и риск он сконструировал первые японские коксовые печи. Испытания в 1898 г. прошли успешно, и сейчас Симомура Котаро известен как отец коксовой промышленности Японии. Кокс, изготавливаемый в печах, сконструированных Симомура, по качеству не уступал лучшим образцам английского и немецкого кокса, а

технология изготовления даже превосходила европейскую по своей экономичности и эффективности. До 1909 г. по заказу компании Яхата (八幡), находившейся в государственном ведении, было произведено 150 коксовых печей такого же типа, какой был создан Симомура.

С 1904 по 1907 гг. Симомура был ректором До:сися.

В 1914 г., когда началась Первая Мировая Война, японское правительство поставило задачу разработать метод производства нафталина внутри страны, так как опасалось прекращения поставок из Германии. Симомура со свойственным ему энтузиазмом взялся за работу, но во время одного из экспериментов произошел взрыв, в результате которого ученый полностью ослеп. Несмотря на это, Симомура продолжил свои исследования, и ему совместно с Миёси Кютаро (三好久太郎) впервые в Японии удалось получить синтетический краситель, который по имени его создателей стали называть Черный Симиа (シミア・ブラック).

В 1923 г. Симомура возглавил Промышленную компанию Осака, где когда-то сконструировал свои первые коксовые печи.

Разработки Симомура были использованы при производстве химических удобрений, в лесодобывающей промышленности, газовой отрасли...

Можно сказать, что Симомура Котаро был одним из ярких представителей эпохи Мэйдзи, трудившихся не покладая рук во имя благосостояния своей страны. О том, насколько важной представлялась Симомура его работа, какое значение она имела для него самого, насколько он радел за Японию, говорит письмо профессору Миёси, написанное самим Симомура. В оригинале письмо было

написано на английском языке, но сын Симомура Котаро Симомура Акира (下村明) перевел его на японский. Представляется целесообразным привести текст этого письма полностью, так как оно является интересным историческим источником, дающим возможность понять образ мысли японца периода Мэйдзи.

Письмо отца коксовой промышленности нашей страны Симомура Котаро.

В оригинале написано на английском языке.

Не удалось пока достичь того, чтобы наша промышленность, использующая печи для кокса, действовала только с помощью японских сил без помощи иностранных техников, хоть об этом и много думали. Я в одиночку без чьей-либо помощи сконструировал печь, и разработал всё: от начала работы до полного запуска. На это понадобилось 250 000 йен. Я вложил в работу все свои знания по химии, физике, математике. Во время того, как я ее конструировал, у меня была одна лишь мысль: создать печь самому, запустить ее самому и привести в действие тоже самому. В правительстве, особенно в «Производстве Яхата» было много людей, которые очень опасались, что ничего не выйдет. Именно это имело самое большое значение. Помимо того, что само по себе конструирование печи является очень сложным, не было ни одного японца, который бы верил в то, что печь придет в действие. Если бы все было, как всегда, непременно пригласили бы европейских (опытных) техников. Если бы у меня не получилось задуманное, это было бы для меня худшим результатом, чем если бы я умер. Иными словами, не только

жизнь моя была бы кончена, но я бы навек потерял доверие к себе.

Испытания печи заняли 60 дней. За это время я сжег дров и каменного угля на 1500 йен. Утром 26 октября я, решив, что могу погибнуть, распрощался с женой и двумя детьми. Незадолго до этого я застраховал свою жизнь на 3000 йен.

Я сделал это для того, чтобы семья из трех человек могла бы существовать какое-то время после того, как меня не станет. Моя возлюбленная жена, милый Акира (тогда ему было три года) и его крошка-сестренка, ничего не зная о моем трагическом решении, как всегда, улыбаясь, махали мне на прощание. Я лишь сказал жене, что в течение следующих двадцати дней буду вынужден оставаться на заводе и не смогу приходить домой.

В течение этих двадцати дней я каждую ночь спал едва ли по два часа. Постоянное беспокойство за печи, которые как раз начинали работу, не давало мне спать. Я исхудал. Однажды зашедший меня навестить друг был поражен, как я изменился. Однако меня радовало то, что сложная работа шаг за шагом подходила к концу, и решающий, самый страшный момент, приближался.

Однажды ночью я вызвал двоих помощников и спросил, готовы ли отдать свои жизни. Один сказал: «Ради вас, учитель, мне и жизни не жалко». Второй остался безмолвен. И вот утром в день запуска печей (3 ноября 1898 г.) после того, как заставили всех работников завода отойти в безопасное место, я встал в самое опасное место и с помощью одного помощника открыл газ и проверил состояние горючего. В первой печи огонь горел так, как надо, и взрыва не произошло. Вполне могло бы случиться и такое, что если бы я хоть что-то упустил из виду, если бы в

конструкции хотя бы одна мелочь была непродуманна, все бы превратилось в пыль от взрыва!

Вторая печь тоже работала, как надо. До тех пор, пока я не запустил все 16 печей и все не прошло гладко, я не мог успокоиться. Однако после того, как я увидел, что в восьмой печи спокойно горит огонь, я почувствовал уверенность. Вернувшись в свою комнату, я, ощущая радость и удовлетворение, плакал в голос. Потом вознес благодарность богам за то, что они дали этому испытанию пройти гладко и за то, что дали поистине божественную стойкость моему измученному бессонницей и страхами телу.

Великий труд моей жизни был благополучно завершен. Все механизмы гладко приступили к работе.

Когда все шестнадцать печей были запущены, пришел господин Сотояма из фирмы, и, не говоря ни слова, крепко пожал мою руку перед всеми работниками завода. А в глазах у него стояли слезы.

Моя работа была окончена. И я не умер. Я взялся за свое здоровье, поэтому не волнуйтесь, сейчас я также здоров, как был раньше.

Это письмо адресовано профессору Миёси,
проживающему в Токио. Перевод выполнил доктор
Симомура Акира, сын Симомура Таро.

Использованные материалы:

1. *Санада Юдзо* 真田雄三. Вага куни ни окэру кокусю сэйдзо-но хэнсэн то канрэн сурю кибан кэнкю: わが国におけるコークス製造の変遷と関連する基盤研究 // 鉄と鋼 (История исследования и развития производства кокса в

Японии) // Тэцу то ко: 鉄と鋼 (Железо и сталь), №5(96).
Токио 東京, 2010. С. 2–14.

2. Симомура Котаро (下村孝太郎) – Wikipedia. URL:
<https://ja.wikipedia.org/wiki/下村孝太郎> (Дата обращения
10.03.2016)

БОИ НА ОЗЕРЕ ХАСАН: ОБЗОР ОСНОВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ ЯПОНИИ И РОССИИ

В центре внимания данной работы находится рассмотрение основных публикаций и исследований на тему Хасанских боёв в Японии и России. Бои на озере Хасан, проходившие с конца июля по 11 августа 1938 г., — инцидент, имевший место на границе Советского Союза, Маньчжурии (на тот момент государство Маньчжоу-го, неофициально управляемое из Токио) и Кореи, рядом с озером Хасан, по названию которого они и получили своё название в российской историографии. В Японии же, если перевести на русский, данные события носят название «Инцидент у сопки Заозёрная».

Долгое время изучение Хасанского конфликта шло параллельно: СССР вёл свои исследования, Япония свои. При этом обе стороны в своих исследованиях практически не прибегали к помощи документальных материалов страны-противницы.

Среди японских исследователей бытует мнение, что бои у озера Хасан начались из-за нарушения советскими пограничниками границы СССР и Маньчжоу-го, советские и российские историки же утверждают, что причиной конфликта стала запланированная агрессия Японии. В России причиной вооружённого конфликта у озера Хасан считается наступление японских военных на высоту Заозёрная. То же признал и Токийский суд, постановив своим решением, что именно действия японской армии стали причиной боёв у озера Хасан. Разница в видении и понимании основополагающих моментов истории боёв у озера Хасан на лицо во всех публикациях обеих сторон со

времени выхода в печать первой книги, посвящённых конфликту.

Стоит отметить, что у двух стран было разное восприятие линии границы, на которой вспыхнул конфликт. СССР и Япония наследовали границу, которая проходит у высоты Заозёрная, от Российской Империи и Китая соответственно. Граница была документально закреплена Хуньчуньским договором 1886 г., но из-за того, что две страны по-разному понимали букву договора, возникла разница в понимании границы на месте. Разница была такова: Маньчжоу-го и Япония настаивали на том, что граница проходит по западному берегу озера Хасан и включает в себя высоту Заозёрная, — таким образом, с точки зрения Японии Заозёрная полностью находилась на территории Маньчжурии. С другой стороны, СССР настаивал на том, что граница проходит по линии гребня высоты Заозёрная и прилегающих высот. Следует запомнить эту разницу в понимании границы как фона конфликта¹.

Передвижение войск Японии не должно было вызвать у СССР никаких вопросов, если бы оно происходило на маньчжурской территории за линией гребня, пусть даже и с подъёмом японских военных на маньчжурские скаты высоты: главное — непересечение гребня. Но так как высота, в японском понимании, находилась полностью на территории Маньчжурии, любое появление на ней советских войск рассматривалось Японией как агрессия со стороны Советского Союза.

¹*Казахара Кота*. Ниссо тё:коходзикэн-си 日ソ張鼓峯事件史 (История японо-советского конфликта у озера Хасан). Токио, Кинсэся, 2015. С. 85–89.

На чём основывалась японская уверенность в правильности своих действий? Какова японская точка зрения на конфликт: не те «агрессорские» действия, которые приписывают Японии советско-российские историки и исследователи, а точка зрения из первых рук? — ответы на подобные вопросы можно найти в исторической, научной литературе, но в России нет хронологического списка работ японских публикаций на тему Хасана. Здесь будет представлен общий обзор основных источников и литературы, посвящённых боям у озера Хасан как японских, так и советско-российских.

В Японии первое издание, посвящённое пограничным боям на озере Хасан, вышло через год после хасанских событий. Книга «История конфликтов Маньчжоу-го и СССР» авторства Накамура Сатоси вышла уже в 1939 г.¹ Она имела очень сильное влияние на последующие исследования конфликта у озера Хасан. Эта книга описывает все события с самого начала пограничного конфликта и до его разрешения, включая дипломатические переговоры. Благодаря тому, что книга вышла через год после описываемых событий, из неё можно узнать оценку произошедшего, а также то, как представлялись хасанские бои и их последствия японцам — современникам событий. Однако так как книга была выпущена, что называется, «по горячим следам», в ней не хватает анализа и обоснования действий СССР.

¹Накамура Сатоси. Мансо коккё: фунсо: си 満ノ国境紛争史 (История конфликтов Маньчжоу-го и СССР). Токио. Каиздося, 1939.

В 1941 г. в Японии выходит книга Акаисидзава Кунихико «Высота Заозёрная»¹. Эта книга замечательна тем, что представляет собой мемуары рядового — участника боёв. Эта книга также является единственным источником, из которого можно почерпнуть мнение и видение проблемы этого конфликта командиром 19 дивизии Суэтака Камэдзо. Он сотрудничал с основным автором Акаисидзава.

Ещё одна книга, касающаяся боёв у озера Хасан, вышла в 1950 г. Книга называется «Халхин-Гол» (Номонхан)², автором является Цудзи Масанобу, офицер штаба Квантунской армии, поэтому, в отличие от предыдущей работы, в книге «Халхин-Гол» присутствует глубокий анализ стратегии японской армии и планов её операций во время конфликта.

В 1952 г. вышла книга «Потрясения в период Сёва. Т. 1.»³ Сигэмицу Мамору, бывшего во время конфликта послом Японии в Москве. Работа является воспоминаниями дипломата, проводившего во время хасанского конфликта переговоры со стороны Японии, отчего содержание переговоров описано очень подробно.

В 1962 г. в СССР вышла книга Л. Н. Кутакова «История советско-японских дипломатических отношений»⁴, которая знакомит читателя с видением

¹ Акаисидзава Кунихико. Тё:кохо: 張鼓峰 (Высота Заозёрная). Токио: Ко:а сёбо:, 1941.

² Цудзи Масанобу. Номонхан ノモンハン (Халхин-Гол). Токио: Ато: сёбо:, 1950.

³ Сигэмицу Мамору. Сёва но доран дзё: 昭和の動亂 上 (Потрясения в период Сёва. Т. 1.). Токио: Тю:о:ко:рон ся, 1952.

⁴ Кутаков Л. Н. История советско-японских дипломатических отношений. М.: Институт международных отношений, 1962.

дипломатических переговоров со стороны СССР. В этой книге подвергается критике труд Сигэмицу «Потрясения в период Сёва. Т. 1», а также присутствует утверждение о том, что причиной конфликта у озера Хасан стала агрессия со стороны Японии.

В 1969 г. бюро военной истории научно-исследовательского института обороны Министерства обороны Японии выпустило издание под названием «Военная историческая серия, 27 том: Квантунская армия (1): Подготовка к бою против СССР — Бои на Халхин-Голе»¹. Эта книга включает в себя данные японского государственного военного архива. Содержание этой книги — официальная японская военная история. На данный момент все историки-исследователи, занимающиеся соответствующим периодом истории, используют это издание. Однако его слабым местом является то, что при создании издания не были использованы советские материалы, так как книга вышла ещё в тот период, когда документы СССР были засекречены.

В 1976 г. Министерство обороны СССР выпустило Советскую военную энциклопедию, в 8-м томе которой имелась статья о боях у озера Хасан². Проблемой данной статьи является её пропагандистский тон. Силы СССР

¹Бозэйтё: бо:эйкэнсю:дзё сэнсисицу 防衛庁防衛研究所戦史室 (Бюро военной истории научно-исследовательского института обороны Министерства обороны Японии). Сэнсисохё 27 канто:гун (1) таисо сэмби номонхан дзикэн 戦史叢書 関東軍 (1) 対ソ戦備 ノモンハン 事件 (Военная историческая серия. Т.27. Квантунская армия (1): Подготовка к бою против СССР - Бои на Халхин-Голе). Токио: Асагумо симбунся, 1969.

²Советская военная энциклопедия. Т. 8 / Гречко. А. А. [и др.]. М.: Военное изд-во министерства обороны СССР, 1980.

значительно превозносятся, а Япония представлена безоговорочно проигравшим агрессором.

В 1998 г. в Японии вышел перевод книги Алвина Д. Кукса «Ещё один Халхин-Гол. Хасанские бои: Рассмотрение японо-советского конфликта 1938 г.»¹ (оригинал вышел в США в 1977 г.²). Эта книга тоже не включает в себя никаких архивных данных со стороны СССР, однако для своей книги автор взял множество интервью у участников событий со стороны Японии: офицеров и дипломатов, а также исследователей тех событий. По причине того, что участников событий уже нет в живых, эта книга для современных историков имеет особую ценность.

В 2003 г. вышел сборник статей «Военный конфликт в районе озера Хасан: взгляд через шесть десятилетий»³ под редакцией В. Н. Кузеленкова. Этот сборник включает в себя статьи более 20 историков. Он очень хорош для того, чтобы узнать о последних российских исследованиях конфликта у озера Хасан.

О потерях СССР в боях у озера Хасан, число которых долгое время оставалось очень не точным, ясно даёт знать

¹Арувин. Д. Куккусу. Мо: хитоцу но номонхан. Тё:кохо:здикэн. 1938 нэн но ниссо фунсо: но косацу もう一つのノモンハン 張鼓峯事件 1938年の日ソ紛争の考察 (Ещё один Халхин-Гол. Хасанские бои : Рассмотрение японо-советского конфликта 1938г.). Токио: Хара сёбо, 1998.

²Cooh Alvin D. The Anatomy of a Small War: the Soviet-Japanese Struggle for Changkufeng / Khasan, 1938. London: Praeger Pub., 1977.

³Кузеленков В. Н. Документы Российского государственного военного архива по истории военного конфликта в районе озера Хасан в 1938 г. // Военный конфликт в районе озера Хасан: взгляд через шесть десятилетий. М.: РИЦ, 2003.

Г. Ф. Кривошеев в своей книге «Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь»¹, изданной в 2010 г.

В 2013 г. вышла иллюстрированная книга А. П. Яковца «Подвиг на границе. 75 лет военному конфликту у озера Хасан 1938–2013»². Ее особенностью является то, что ее автор — приморский исследователь, работавший не только с центральными документами в Москве, но и с местными — Приморского края.

Также в 2013 г. вышла книга Стюарта Д. Голдмана «Номонхан 1939: победа Красной армии, которая сформировала Вторую Мировую Войну»³. В ней звучит мнение о том, что стартом Второй Мировой войны были бои на Халхин-Голе, а также, что Хасанский конфликт имеет с ними непосредственную связь. Это ещё одна новая теория в отношении боёв на Хасане.

В 2014 г. самый авторитетный японский историк современности Хата Икухико издал свою работу «Светлая и тёмная история боёв на Халхин-Голе»⁴. Эта книга посвящена боям на реке Халхин-Гол, но в ней даётся очень хорошее общее представление и о событиях у озера Хасан. Эти книги являются крупнейшими и наиболее заметными изданиями.

¹Кривошеев Г. Ф. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М.: Вере, 2010.

²Яковец А. П. Подвиг на границе. 75 лет военному конфликту у озера Хасан 1938–2013. Владивосток: Русский остров, 2013.

³Stuart D. Goldman. NOMONHAN, 1939: The Red Army's Victory That Shaped World War II. Maryland: Naval Institute Press, 2013.

⁴Хата Икухико. Мэи то ан но номонхан сэнси 明と暗のノモンハン戦史 (Светлая и тёмная истории боёв на Халхин-Голе). Токио: РНР кэнкю: Дзё, 2014.

В 2015 г. увидела свет книга автора данной статьи «История японо-советского конфликта у озера Хасан»¹. В этой книге использованы архивные данные Японии и России, также почерпнут материал из книг, обзорные которых находятся выше. Это — новейшее издание в Японии на тему боёв на озере Хасан.

В 2018 г. будет отмечаться 80 лет со времени вооружённого конфликта на озере Хасан. Поэтому автору кажется очень важным ещё раз пересмотреть печатные издания, касающиеся боёв на озере Хасан, и углубить с их помощью знания о конфликте.

¹Касахара Кота. Указ. соч.

«ПАТРИАРХ» ЯПОНСКОГО КОНФУЦИАНСТВА ФУДЗИВАРА СЭЙКА

Фудзивара Сэйка в традиционной японской историографии считается одним из патриархов японского конфуцианства, получившего большое распространение в эпоху Токугава. Кем же был этот человек, почему он, буддийский монах высокого ранга, предпочел конфуцианское мировоззрение, положив начало становлению целой плеяды японских конфуцианских мыслителей? Был ли он новатором и действительно патриархом, или же в его интересе к конфуцианству не было ничего экстравагантного, а напротив, его обращение к китайскому учению было закономерным следствием внимания дзэнских монахов к новым тенденциям в китайском интеллектуальном поле? Попробуем ответить на эти вопросы, обратившись к некоторым фактам биографии Фудзивара.

Фудзивара Сэйка 藤原惺窩 (1561–1619) принадлежал к ветви Рэйдзэй знаменитого клана Фудзивара, члены которой традиционно занимались поэзией. Более тридцати лет своей жизни он был монахом в дзэнском храме Сёкоку-дзи в Киото, где занимал второй по значимости после настоятеля пост. Уже тогда он имел репутацию высокообразованного человека с широкими познаниями в области китайской культуры. Составленный им в 1600 г. сборник древних прозаических и поэтических китайских текстов «Бунсё таттоку року корё» 文章達徳録綱領 был предназначен для того, чтобы его современники, плохо знакомые, по его мнению, с достижениями китайской словесности, могли ознакомиться с величайшими образцами литературы и поэзии, которые

послужили бы для них достойными образцами для подражания.

Примерно в это время Фудзивара Сэйка встретился с Токугава Иэясу, который пригласил его в Эдо прочитать лекцию о танском сочинении «Чжэнь гуань чжэн яо» (貞觀正要, «Основы правления годов Чжэнь гуань (627–649)». Аналогичные лекции многократно проводились для императоров и сёгунов, начиная со средневековья, поэтому в этом приглашении не было ничего необычного.

Аристократ по происхождению он свысока относился к представителям самурайского сословия, свидетельством чему служит его оценка Тоётоми Хидэёси — «заурядный человек из небольшой провинции»¹. Он отказался пойти на службу к Токугава Иэясу в 1600 г., позднее отверг предложение об участии в диспуте о верности, который обосновывал бы законность претензий Иэясу к Тоётоми Хидэёри. Стремление дистанцироваться от общественной жизни проявилось и в последние годы жизни Сэйка, которые он провел почти затворником в своем доме.

Большое значение в жизни Сэйка сыграла и его тесная дружба с даймё Акамацу Хиромити 赤松広通 (1562–1600), который очень увлекался всем, что имело отношение к Китаю и Корее. Возможно, что общение с Акамацу подстегнуло интерес Сэйка к китайской культуре, он даже попытался отправиться в Китай, но из-за шторма был вынужден отказаться от этой затеи. В 1598 г. Фудзивара Сэйка вернулся к мирской жизни. С этого момента он активно сотрудничал с корейским ученым Кан Ханом 姜沆

¹ В оригинале: 小国の一小人のみ. Цит. по Минамото Рёэн 源了圓. Токугава сисосёси 徳川思想小史 (Краткая история мысли эпохи Токугава), Токио, 1973.

(1567–1618), который в качестве военнопленного попал в Японию и пробыл там до 1600 г. Он уговорил Акамацу спонсировать новое издание «Четверокнижъя» и «Пятикнижъя» с сунскими комментариями. Большую часть работы сделал Кан Хан, Сэйка принадлежала только японская разметка текста, однако издание так и не было осуществлено, поскольку Иэясу вынудил Акамацу совершить самоубийство из-за того, что в решающей битве при Сэкигахара Акамацу был на стороне противников Иэясу.

Как считает признанный авторитет в области исследования конфуцианства В. Т. де Бэри, в духовном плане обращение Сэйка к конфуцианскому учению было связано с «реальным» или «практичным»¹ характером последнего в противовес «пустоте» буддизма. Американский ученый приводит в доказательство следующие слова: «Буддисты полагают природу пустой... Мы, конфуцианцы, считаем её реальной, считаем её принципом. Как сказано в «Чжун юн», «небесная судьба называется природой», которая находится в еще не проявленном состоянии»².

Этот тезис о наполненности учения китайских мудрецов «реальным» содержанием как антитеза «пустотности» буддизма стал одним из важных компонентом дискурса первой половины токугавской эпохи. К примеру, он стал одним из стречневых оснований для концепции Ито Дзинсай (1627–1705), развернувшего рассмотрение оппозиции «реальный-пустой», в частности, в плоскость противопоставления «жизни-смерти».

¹ В оригинале: 実行の学.

² *De Bary, Wm. Theodore. Neo-Confucian Orthodoxy and the Learning of the Mind-and-Heart. New York, 1981. P. 195.*

«Реальность» конфуцианства диктовалась его конкретной приложимостью к сфере семейных и общественных отношений, интересом к человеку как члену социума, формулированием нормативных правил человеческого поведения. Во всяком случае, именно в подобном контексте многие токугавские авторы обосновывали «реальность» (в данном случае, наверное, правильнее было бы говорить, «практичность») конфуцианства.

Оценивая Фудзивара Сэйка как мыслителя, исследователи характеризуют его взгляды не столько как эклектические, сколько как «синтетизаторские» или «интерграторские»¹. Он относился к тому направлению мысли, которое часто определяют как учение о «сердце-сознании». Действительно, ученый многое позаимствовал у Чэн Хао (1032–1085), наставника Чжу Си Ли Туна (1093–1163), Ван Ян-мина (1473–1529). Сэйка особенно выделял позднее сочинение Чжу Си «Диалоги с Янь-пином» («Янь-пин да вэнь» 延平答問²), которое было переиздано в Корее и снабжено комментариями одним из самых авторитетных корейских неоконфуцианцев Ли Тхёгэ (1501–1570). В этой работе Ли Тун в качестве метода постижения «единства принципа и разнообразия его частных проявлений» предлагал практику «сидение в покое». Сэйка, следуя Ли Туну, также считал это самым важным средством для

¹ Подробнее см. *Boot W. Op. cit. P. 125; De Bary W.T. Sagehood as Secular and Spiritual Ideal // De Bary W.T., Bloom I. Principle and Practicality. Essays in Neo-Confucianism and Practical learning. New York, 1979. P. 132.*

² Янь-пин — последователь Чэн И, наставник Чжу Си Ли Тун.

достижения просветления¹, в чем, несомненно, сказывался его опыт буддийского монаха.

В соответствии с духом корейского неоконфуцианства, отличающегося своей ярко выраженной религиозной стороной, Сэйка продолжает линию школы Чэн-Чжу в интерпретации Ли Тхёгэ, сущность которой может быть сведена к «пребыванию в почтительности и исследовании принципа» (居敬窮理). В понимании корейского и японского мыслителей «пребывание в почтительности» означало сидячую медитацию, о которой писал Ли Тун. Кроме того, от Ли Тхёгэ Сэйка унаследовал концепцию «четырёх начал добродетели и семи чувствах», согласно которой четыре начала («Мэн-цзы», б, 1, б) есть не что иное, как принцип Ли, а семь чувств есть проявления материи Ци. Дискуссия о «четверке и семерке», как её часто называют, стала одним из самых значительных интеллектуальных событий в истории конфуцианской мысли Кореи, предопределив возникновение школы Ци, выразившей специфику корейского варианта неоконфуцианства². Эта дискуссия, посвященная одной из самых щекотливых проблем неоконфуцианской психологии и антропологии, началась как спор Ли Тхёгэ с его современником Ки Дэсын (1527–1572) и позднее была подхвачена другим крупным мыслителем Ли И (1536–1584).

¹ В терминологии китайского ученого это понятие передается с помощью сочетания 洒落 (кит. *сало*, яп. *сяраку*), означающего состояние полной свободы.

² Подробнее см. *Tu Wei-ming*. “Yi T’ oegy’e’ s Perception of Human Nature: A preliminary Inquiry into the Four-Seven Debate in Korean Neo-Confucianism” in W. T. de Bary, J. K. Haboush. “The Rise of Neo-Confucianism in Korea”. New York, 1985. P.261–282.

Помимо Ли Тхёгэ особое влияние на Сэйка оказали его современник, минский мыслитель Линь Чжао-эн (1517–1598). Разработанная им система ментальной дисциплины стала основой идеи Сэйка об очищении сознания от мирских желаний.

Обращение Сэйка к концепциям корейских и китайских мыслителей, как предшественников, так и современников, говорит о том, что он был весьма неплохо осведомлен о последних достижениях неоконфуцианской мысли и имел доступ к соответствующей литературе. С одной стороны, это лишний раз подтверждает точку зрения японского исследователя Абэ Ёсио, считающего, что важным стимулом для японских мыслителей стал приток новых книг и людей в результате военных кампаний на корейском полуострове¹. С другой, свидетельствует о том, что к началу XVII в. в стране уже существовали предпосылки для более широкого распространения конфуцианства (в широком смысле слова) как мировоззрения благодаря дзэнским монахам, интересовавшимся китайским конфуцианством (или, точнее говоря, неоконфуцианством).

К числу основных собственных сочинений Фудзивара Сэйка относятся «Сунтэцу року» 寸鐵録 («Записи кратких изречений», 1606 г.) и «Дайгаку ёряку» 大学要略 («Краткое изложение «Да сюэ»», 1619 г.). Первая работа была написана для Асано Ёсинага, даймё Кию, чей замок в Вакаяма Сэйка посетил несколько раз. В этом сочинении приведены 32 высказывания из классиков, посвященные вопросам управления, наказаниям, поощрениям, необходимости обучения, различиям между совершенным

¹ Абэ Ёсио 阿部吉雄. Нихон сюсигаку то Тёсэн 日本朱子学と朝鮮 (Японское неоконфуцианство и Корея). Токио, 1965.

мужем и маленьким человеком и пр. В этом трактате Сэйка высказывает общие идеи, характерные для классического конфуцианства. Второй трактат, как ясно из его названия, посвящен классической книге «Да сюэ». Он был написан в 1619 г. на материале лекций, прочитанных Хосокава Тадатоси и Асано Нагасигэ.

Во многом благодаря усилиям братьев Чэн и Чжу Си, первоначально текст «Ли цзи» был перекомпонован, структурирован на каноническую и комментаторскую части и выделен в самостоятельное произведение, в котором четко была сформулирована идея связи между самосовершенствованием и просвещенным правлением. «Да сюэ» получило статус канонической книги, входящей в состав неоконфуцианского «Четверокнижья». При этом, по мнению Чжу Си, в порядке изучения эта книга стояла на первом месте.

В её канонической части были изложены три кардинальных принципа или, по определению А. И. Кобзева, «три устоя» — «высветление светлой благодати», «породнение с народом», «остановка на совершенном добре», и «восемь основоположений» — «выверение вещей», «доведение знания до конца», «делание искренними помыслов», «выправление сердца», «совершенствование собственной личности», «выравнивание семьи», «упорядочивания государства» и «уравновешивание Поднебесной»¹. Базовые идеи «Да сюэ» интерпретировались разными мыслителями по-разному, особые дискуссии развернулись вокруг истолкования

¹Конфуцианское «Четверокнижье» («Сы шу»). Пер. с кит. и коммент. А. И. Кобзева, А. Е. Лукьянова, Л. С. Переломова, П. С. Попова при участии В. М. Майорова. М., 2004. С. 78.

конечного этапа познания — «выверения вещей» (кит. 格物), которое Чжу Си видел в «полном достижении высшего предела принципов вещей»¹.

Текст «Да сюэ» с сунскими комментариями, как уже было сказано, был известен в Японии со средневековья. К примеру, Итидзё Канзёси (1402–1481) принадлежат комментарии к «Четверокнижью», озаглавленные «Сисё додзикун» 四書童子訓 («Детское пособие по Четверокнижью»). Их автор, неплохо осведомленный о новых комментариях к тексту, развивает мысль о том, что синто, буддизм и конфуцианство составляют «единство трех верований»². Интерес к этому сочинению как к собственно неоконфуцианскому тексту возник только в эпоху Токугава, когда японские мыслители стали снабжать его собственными комментариями. Их трактовки сильно различались, начиная от выбора редакции текста, и кончая пониманием базовых идей. Например, существовало 72 варианта трактовок прочтения и понимания смысла выражения «выверение вещей»³.

Сочинение Фудзивара Сэйка положило начало японской комментаторской традиции «Да сюэ». Вслед за Чжу Си, придававшим этой книге чрезвычайно высокий статус и поставившим её на первое место в «Четверокнижьи», Сэйка пишет: «Если вы выучите эту

¹ Конфуцианское «Четверокнижье» («Сы шу»). С. 94.

² *Richard Bowring*. Fujiwara Seika and the Great Learning // *Monumenta Nipponica*. Vol. 61. №4, 2006. P. 439.

³ Подробнее см. сборник статей *Минамото Рёэн* 源了円 (ред). Эдо но дзюгаку. «Дайгаку» дзюё —но рэкиси 江戸の儒学・「大学」受容の歴史 (Конфуцианство эпохи Токугава. История восприятия «Да сюэ»). Киото, 1988.

книгу наизусть, то вам не понадобится читать сотни, тысячи или десятки тысяч томов. Без этой книги конфуцианство не могло бы существовать»¹. При этом он использует не новый текст в редакции Чэн И и Чжу Си, а старый — из «Ли цзи», который в 1518 г опубликовал минский мыслитель Ван Ян-мин.

Комментарии Сэйка отличаются большей частью от чжусианских и тяготеют к комментариям минского ученого Линь Чжао-эн 林兆恩 (1517-1598)², с работами которого, он видимо, познакомился уже в последние годы своей жизни. Линь Чжао-эн был известен как мыслитель, стремившийся в своих трудах синтезировать неоконфуцианство, буддизм и даосизм, и уделявший большое внимание буддийским и даосским техникам медитации. Его перу принадлежат комментарии к «Четверокнижью», и Сэйка часто опирается на его работу «Да сюэ чжэн и цзуань» 大学正義纂 («Правильный смысл «Да сюэ»»).

Разночтения с интерпретацией Чжу Си очевидны уже с самых первых строк. Комментируя принцип «высветления светлой благодати», китайский философ объясняет его как выявление того, чего «люди удостоиваются от Неба», как «не помраченная ясность духа, которая, вмещающая в себя множество принципов, реагирует на мириады дел». Фудзивара Сэйка предлагает иное осмысление: «Термин “светлая благодать” означает основы норм пяти отношений между правителем и министром, отцом и сыном, мужем и женой, старшим и младшим братьями, друзьями. Первый иероглиф в сочетании — глагол и означает «высветлять и

¹ Цит. по W.J.Boot. Op. cit. P. 102.

² Там же. С. 103.

наставлять». Именно потому, что есть те, кто не следует нормам пяти отношений, существуют наказания и применяют военную силу: первые — за менее существенные проступки, вторую — при серьёзных конфликтах»¹. Разбирая тезис о «породнении с народом», Сэйка очень подробно останавливается на понятии «народ», определяя его через «четыре профессии: благородный муж-ученый, крестьянин, ремесленник и купец». Рассматривая эту последовательность как иерархический ряд, он сознательно оговаривает, что те, кто практикует иные занятия или не имеет никаких занятий — не кто иные, как бездельники и должны быть официально запрещены. «Породнение» же предполагает нормы пяти человеческих отношений, к тем же, кто не следует им, надлежит применять наказания и военную силу.

Исследователь Р. Бауринг расценивает позицию Сэйка как авторитарную, как позицию человека, который слишком хорошо знает, чем чревато отсутствие социального порядка².

Значение сыграли и обстоятельства личной жизни Сэйка — в 1578 г. во время кровопролитных усобиц погибли его отец и старший брат. Вероятно, собственный жизненный опыт подстегнул интерес к конфуцинской модели миропорядка, в которой социальное и индивидуальное бытие регламентируется нормативными правилами, призванными не допускать хаоса в социуме.

Теперь перейдем к рассмотрению того, как Сэйка понимал соотношение трех устоев. Чжу Си, например, собственно устоями считал «высветление светлой

¹ Цит. по R. Bowring. Op. cit. P. 447.

² Там же. С. 450.

благодати» и «породнение с народом», трактуя «остановку на совершенном добре» как функцию их реализации. Сэйка отрицает идею временной последовательности трех устоев, заменяя её принципом соседства или примыкания. Рассуждая о трех устоях в контексте проблематики «сущности» и «функции», он соотносит с сущностью «совершенное добро», расценивая «высветление» и «породнение» как его функции. Отметим при этом, что толкуя иероглиф «великий» из заглавия, Сэйка пишет: «Иероглиф “великий” означает единство Я и другого, единство внутреннего и внешнего. Единство Я и другого означает “высветление светлой благодати” и “породнение с народом”; другими словами, не проводит различий между собой и другим. Единство внутреннего и внешнего рассматривает “высветление светлой благодати” и “породнение с народом” как внешнее, а “остановку на совершенном добре” как внутреннее»¹.

При этом ученый, не являясь совершенномудрым, должен начинать с «выверения вещей».

Выражение «выверение вещей» приобретает такую трактовку: понятие «вещи» означает «желания», они лишь пыль и грязь на зеркальной поверхности сознания, и потому их надо избегать. Сознание обладает врожденным знанием, которое не может быть активировано извне. Поэтому каждый человек должен следить за чистотой своего сознания благодаря практике «пребывания в почтительности», т. е. пребывании в покое².

Как тонко подмечает Г. Умс, не будучи ни высоким священнослужителем, ни придворным, ни членом нового

¹ Там же. С. 446.

² Подробнее см. *H. Ooms. Op. cit.* P. 117-121.

правлящего класса, Сэйка занимал маргинальное положение в обществе¹, но обладал репутацией широко образованного и культурного человека.

Конечно, он не был ни официальным, ни неофициальным основоположником чжусианства или, точнее говоря, неоконфуцианства в Японии, но, безусловно, стал одним из первых токугавских интеллектуалов, чьи духовные интересы сосредоточились в сфере неоконфуцианского миропонимания. Бесспорно, что помимо социального аспекта конфуцианства, китайское учение привлекало его духовной проблематикой, и в частности идеей просветления, которая роднила это учение с буддизмом. В этом смысле Фудзивара Сэйка можно расценивать не только как первого серьезного ученого неоконфуцианского направления в Японии, но и как еще одного представителя длинного ряда дзэнских монахов, интересовавшихся неоконфуцианскими штудиями благодаря тем элементам, которые были близки буддийским².

На примере Фудзивара Сэйка видно, что к началу XVII в. буддизм в Японии утратил власть и не мог больше выступать в качестве моральной силы или сдерживающего начала, в этих условиях конфуцианство оказалось весьма привлекательной альтернативой буддизму. Пришедшее на смену буддизму неоконфуцианство предложило не только нормативы социального устройства, но и духовные пути совершенствования личности, возможности для интеллектуального поиска и полного раскрытия внутренних потенций человека.

¹ Там же. С. 121.

² R.Bowring. Op. cit. P. 456.

К 100-ЛЕТИЮ ПОДПИСАНИЯ РУССКО-ЯПОНСКОГО СОГЛАШЕНИЯ: НОВЫЕ АРХИВНЫЕ ФАКТЫ О ВТОРОМ ВИЗИТЕ ПРИНЦА КАНИН В РОССИЮ

Первый визит Его Высочества японского принца Канин состоялся с 25 июня по 1 июля 1900 г. Второй визит прошел с 10 по 21 сентября 1916 г.

Второй визит был гораздо насыщеннее и важнее первого. В 1916 г. принц Канин Котохито посетил Россию уже в качестве представителя мировой державы. В отличие от 1900 г., в 1916 г. и император Николай II, и все средства массовой информации уже называли Японию «империей». В 1916 г. российско-японские отношения достигли своего апогея. Они носили многосторонний характер и были основаны на конкретном торгово-экономическом сотрудничестве. Япония поставляла оружие, японские военные в Главном штабе обучали русских дзюдо, Россия на Осацком монетном дворе даже начала чеканить монеты¹.

Японский принц Канин Котохито осенью 1916 г. посетил со свитой Москву, ставку царя в Могилеве, Киев и Петроград. Это был ответный визит на посещение японского микадо великим князем Георгием Михайловичем. Последний в декабре 1915 г. был отправлен в Японию под предлогом участия в празднествах по случаю годовщины вошествия японского микадо на престол. Главной же целью поездки было выяснение разных вопросов относительно изготовления японцами боевого снаряжения для русской армии. Целью же Канина было увидеть своими глазами ситуацию на фронте и в тылу, убедиться в платежеспособности России, а также наладить

¹ РГИА. Ф. 472. Оп. 50. Д. 1602. Л. 30.

и расширить торгово-экономические отношения между нашими странами. Все государственные заказы проводились через особое торгово-справочное бюро, созданное по инициативе принца Канъина при Японо-русском обществе, президентом которого он и являлся.

20 июня (3 июля) 1916 г. между Россией и Японией была заключена новая конвенция относительно охранения Китая от политического господства какой-либо третьей державы. Секретная часть ее предусматривала взаимную военную помощь, если при известных обстоятельствах «будет объявлена война между одной из договаривающихся сторон и третьей державой». Договор этот был направлен, по существу, не только против США, но и против союзной царской России Великобритании. Ленин подчеркнул это сразу же после заключения данного документа в 1916 г., отмечая, что «Япония при помощи Англии побилла в 1904-5 году Россию и теперь осторожно подготавливает возможность при помощи России побить Англию»¹. После подписания этой конвенции появился новый термин «Тройственный союз», который означал дружественный союз России, Японии и Англии.

Обстановка была непростой. Несмотря на то, что с начала 1916 г. Япония и Россия вели активные переговоры, одновременно с этим Германия тоже предпринимала свои действия. Германия, находясь в состоянии войны, подумывала о создании нового союза — России, Японии и Германии, направленного против англосаксов. В Стокгольме в конце марта 1916 г. произошло свидание германского промышленника Стиннеса с японским посланником. Целью свидания была постановка вопроса о желательности

¹ Ленин. Соч. т. XIX, стр. 283

сепаратного мира Германии с Японией и Россией. Однако, 3 июля в Петрограде была подписана русско-японская конвенция о союзе между Россией и Японией сроком на 5 лет. Подписанию конвенции предшествовали первые гастроли балета Мариинского театра в Японии в Императорском театре 16, 17 и 18 июня 1916 г. XX век диктовал свои правила: параллельно с дипломатией политической стала действовать и дипломатия культурная.

Для России этот японский визит был очень важен — каждый из фамилии Романовых старался принять японцев как можно лучше. Император Николай II даже одно время собирался из ставки приехать в Петроград, но потом решил принять японца в ставке. Братья Георгия Михайловича, точнее все романовское семейство, обычно бывшее друг с другом не в самых лучших отношениях, объединилось, и все старались быть очень приветливыми. Первоначально вдовствующая императрица Мария Федоровна не планировала встречаться с японским принцем, но его визит в Киев был впоследствии дополнительно включен в программу. Императрица Александра Федоровна в Александровском дворце устроила прием на 80 персон. Впервые за всю историю визитов японских гостей буквально все семейство Романовых описало данный визит в дневниках и письмах. Впервые каждый великий князь, помимо общей программы, стремился отдельно показать принцу и свой личный дворец.

По сравнению со всеми предыдущими высочайшими японскими визитами конца XIX — начала XX вв. именно этот визит стал наиболее содержательным. Приложение к русско-японской конвенции 1916 г. о поставке оружия было жизненно необходимо для Российской империи. «Соглашение 1916 года стало высшей точкой русско-

японского сближения после 1906 года», — говорится в недавно опубликованном учебнике «История Японии»¹.

Несмотря на это, визит Канин недостаточно подробно освещен в отечественной исторической литературе. Упоминание о нем мы смогли обнаружить лишь в работе Л. Н. Кутакова «Россия и Япония» (1988): «...Принц Канин в сопровождении многочисленных экспертов совершил поездку по России с целью выяснения возможностей для будущего экономического проникновения в страну»². В связи с этим мы посчитали необходимым более детально осветить ход визита принца, опираясь на данные архивных материалов.

Принц Канин Котохито родился в Киото 10 ноября 1865 г. В 1877 г. принц поступил в Японскую Императорскую Военную Академию, которую окончил в 1881 г. После этого император Мэйдзи отправил его служить военным атташе во Францию. С 1897 по 1899 гг. принц командовал Первым Кавалерийским Полком. Он занимает видное место в истории императорской семьи Японии, поскольку состоял в действующей армии и сделал прекрасную военную карьеру. Занимая должность начальника Главного Штаба, он дослужился до генерала армии и маршала. Он участвовал в японо-китайской войне 1894–1895 гг. в чине майора и в русско-японской войне 1904–1905 гг. под началом японского маршала Ояма. На момент второго визита в Россию ему был 51 год. У него была жена и 5 детей. Принц являлся почетным Председателем японского общества Красного Креста.

¹ История Японии. Учебное пособие. Под редакцией Д. В. Стрельцова. М., 2015. С. 351–352.

² Кутаков Л. Н. Россия и Япония. М.: 1988. С. 341.

Также являлся зам. Председателя японо-российского общества. Умер в 1945 г. в возрасте 79 лет.

Итак, 2 сентября 1916 г. принц Канин со свитой прибыл на своем поезде на станцию Куандзы в Маньчжурии. Там в его вагон сели сопровождающие с российской стороны — генерал-майор Татищев и полковник Безак. На станции Маньчжурия к свите японского принца по приказанию министерства императорского двора присоединились японский военный агент в Петрограде и секретарь японского посольства.

Список лиц свиты принца Кан-Ин (порядок российского Министерства Двора) ¹	Список лиц свиты принца Кан-Ин (порядок японского МИДа) ²
Генерал-Адъютант Императора японского Уцзияма	1) Le General Kojiro Uchiyama
Церемонийместер Иосаку Иосида	3) M. Yosaku Yoshida, Maitre de Ceremonies
Посланник Адаци	2) M. Miniteiro Adatei, Hogaku hakushu Ministre Plenipotentiaire
Генерал-майор Мазатоке Накадзима	4) Le Major General Masatake Nakashima
	6) Le Colonel de Cavalerie Misao Nakashima, attache a la Personne de son Altesse Imperiale
Полковник Куросава	7) Le Lieutenant Colonel D'Infanterie Hitoshi Kurosawa

¹ РГИА Ф. 472. Оп. 50 Д. 1602. Л.3

² www.mofa.go.jp/mofaj/ahhai/honsho/shiryo/index.html

Секретарь министерства императорского двора Наонори Мацуи (второй раз, первый — в 1900 г. — прим. автора)	5) M. Naonori Matsui Maitre de la Cour de Son Altesse Imperiale
Доктор Года	8) Le medecin Major de 1re classe Hito
2 чиновника Министерства Императорского Двора	
1 зауряд-чиновник	
3 лакея	

Поскольку великий князь Георгий Михайлович уже имел опыт успешного общения с принцем в Японии, он был назначен ответственным за японскую делегацию и должен был сопровождать принца Канъина на протяжении всей его поездки по России. Георгий Михайлович ожидал приезда поезда принца в Москве.

В субботу 10 сентября в 8:30 утра поезд принца прибыл в Москву, а на следующий день, в воскресенье 11 сентября в 11:30 — в ставку в Могилев. В ставке император вместе с цесаревичем дали завтрак по случаю прибытия принца. Николай II произнес следующий тост (оригинал на фр.): *«Я вижу в приезде вашего императорского высочества в Россию новое доказательство желанья Его Величества Императора Японии закрепить узы дружбы, связывающие наши обе империи. Эти узы подтверждаются братством по оружию в борьбе против общего врага и мне приятно отметить по сему случаю храбрость, выказанную японской армией и доблесть ея флота. Я сознаю также услуги, оказанные японским правительством в деле снабжения моей армии оружием. Ваше императорское высочество во время своего пребывания в России сможете*

лично убедиться в глубокой симпатии моей империи к Японии и японцам. Прошу Вас передать отзвук этой сердечной дружбы вашему государю. Я пью за здоровье его величества императора Японии, Ея величества Императрицы, а также за славу японской армии и флота и за процветание Японии»¹.

Оркестр исполнил японский гимн. Японский принц сказал ответный тост. После завтрака японской стороне были вручены ордена: Орден Белого Орла — Принцу Канин и генерал-майору Утияма, бриллианты к ордену Св. Станислава первой степени — церемониймейстеру Ёсида, Адати и Накасима, Орден Св. Станислава Первой степени с мечами — японскому военному агенту в Петрограде генерал-майору Одагири. Остальным были вручены подарки. После завтрака государь-император с принцем проследовал на террасу, где находились подарки, привезенные принцем от имени Японии для его величества и наследника цесаревича: веера, оружие, картины, редкие растения. Вечером в 21:30 поезд с принцем отправился в Киев. Прибыв туда в 14:30 следующего дня, принц в 19:30 получил аудиенцию у Её величества вдовствующей императрицы Марии Федоровны и уже в 22:00 отбыл вместе со свитой в Петербург.

Поезд прибыл на Царскосельский вокзал Петрограда в среду 14 сентября в 15:00. Вечером состоялся закрытый обед у японского посла Мотоно Итиро. Нужно отметить, что без этого выдающегося дипломата не могли бы состояться ни визит Каньина, ни российско-японский договор. Мотоно Итиро проработал послом Японии в России целых 10 лет: с 1906 г., то есть с момента

¹ РГИА. Ф.472. Оп. 50. Д.1602. Л.12

возвращения миссии в Петербург после русско-японской войны, по сентябрь 1916 г. По возвращении в Японию он сразу же стал министром иностранных дел (с сентября 1916 г. по апрель 1918 г.). Он был вторым по продолжительности пребывания японским посланником (позднее послом) в Петербурге. При нем японская миссия стала посольством. Мотоно хорошо знал Россию, вращался в высших сферах русского общества, интересовался культурой (в частности, организовал гастроли Мариинского театра в Японии, производство совместных фильмов), организовал японский военный госпиталь в Петербурге. Во время октябрьской революции 1917 г. именно он отправил на русский Дальний Восток японский экспедиционный корпус с целью борьбы с революцией. Барон Мотоно скоропостижно скончался 1 сентября 1918 г. в возрасте 56 лет.

В 10:00 четверга 15 сентября принц посетил Петропавловскую крепость, возложив венки на могилу Александра III, а в 12:00 вместе с Георгием Михайловичем отправился на экстренном поезде в Царское село для аудиенции у Александры Федоровны в Александровском дворце. В составе японской делегации — кроме свиты принца — от японского посольства в Петрограде на прием к императрице также были приглашены Посол виконт Мотоно с супругой, советник Марумо, военный атташе генерал-майор Одагири, морской атташе капитан 2-го ранга Судзуки, помощник военного атташе капитан Хасимото. Вечером японцы нанесли визиты министрам и чрезвычайным послам.

В пятницу 16 сентября утром принц посетил экспедицию заготовления государственных бумаг, затем завтракал у его императорского высочества великого князя Георгия Михайловича. После завтрака вернулся в Зимний

Дворец, осмотрел Императорский Эрмитаж, внутренним ходом прошел на склад Императрицы Александры Федоровны в Зимнем Дворце. По осмотру склада посетил госпиталь Наследника Цесаревича и вернулся в свои покои. Вечером состоялись обед и раут у японского посла, на которые было разослано 1500 приглашений.

В субботу 17 сентября японский принц дал завтрак в Белом зале Зимнего дворца, затем посетил Николаевское Кавалерийское училище, откуда проследовал на Путиловский завод. Вечером состоялся обед русско-японского общества в ресторане «Кюба» на углу Большой Морской улицы и Кирпичного переулка. Принц Канин был президентом Японо-русского общества, основанного в 1912 г., его председателем являлся генерал-губернатор Кореи граф Тэраути. Это общество являлось проводником пророссийских взглядов в японской печати и среди населения японской столицы и городов. По инициативе принца Канбина, при обществе было создано особое торгово-справочное бюро для изучения торгового дела обеих стран. Деятельность Японо-русского общества в Токио особенно сказалась в дни войны, когда ему пришлось принять активное участие в распределении казенных заказов для России. Для той же цели сближения России и Японии в Петрограде в 1912 г. также было создано Русско-японское общество. Председателем его состоял статс-секретарь граф В. Н. Коковцов, в состав членов входили И. П. Шипов, А. Н. Вентзель, Г. А. Казаков, Е. А. Егоров, Савицкий, Львов и др. Членами общества были в основном сотрудники МИДа, профессора университета и другие лица, по роду своей деятельности связанные с Японией. Глава общества — граф Владимир Николаевич Коковцов был выдающимся государственным деятелем. В 1916 г. он был

членом Государственного Совета и сенатором. До января 1914 г. состоял в должности председателя Совета Министров и министра финансов. Член совета Русско-японского общества Григорий Александрович Казаков (Козаков) был камергером, советником дальневосточного отдела Министерства иностранных дел. С 1905 по 1913 гг. он работал в посольстве России в Японии. Этот умный и талантливый человек прекрасно знал японский язык. Между прочим, известный японовед, создатель современной системы транскрипции японского языка кириллицей Е. Д. Поливанов отправился в свою первую стажировку в Японию в 1914 г. на средства именно Русско-японского общества.

В воскресенье 18 сентября принц Канин со свитой посетил Русский музей Императора Александра III, отсюда проследовал в японское посольство к завтраку у японского посла, виконта Мотоно, а после завтрака отбыл для посещения лазарета для русских раненых воинов японского отряда Красного Креста, помещающихся на Екатерининской улице, дом 1, в новом здании Благородного Собрания (ныне Дом Радио). Принц пробыл там около полчаса, после чего отбыл в Государственную думу на раут.

Вечером того же дня принц посетил Мариинский театр, где смотрел балет «Конек-горбунок». Специально для визита принца в балет был вставлен номер японских танцев. Танцы были поставлены балетмейстером Б. Г. Романовым на музыку Ямада Косаку в аранжировке Бориса Асафьева. Танцевали ведущие солисты труппы балерина Елена Александровна Смирнова и Борис Георгиевич Романов. Они тогда только что вернулись с первых гастролей Мариинского театра в Японии и находились под большим впечатлением от страны восходящего солнца.

19 сентября, в понедельник, принц покинул Петроград. Спустя менее полугода, 2 марта 1917 г., Николай II подписал акт об отречении от престола, Петербург закрутил революционный вихрь. 3 марта 1917 г. было создано Временное правительство, а царь и его семья были арестованы в Александровском дворце. В ночь с 31 июля на 1 августа 1917 г. в вагонах японского красного креста (председателем которого был принц Канин) семью последнего императора Николая II — Александру Федоровну, Алексея, Ольгу, Татьяну, Марию и Анастасию — отправили в ссылку в Тобольск. 17 июля 1918 г. пришедшие к власти большевики расстреляли их в Екатеринбурге. Посольство Японии покинуло Петербург. Оно было вновь открыто в Москве в 1925 г. С этих пор началась другая история — история японцев в социалистической России и СССР.

СТАНОВЛЕНИЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ В ЯПОНИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

По сравнению с внешнеполитическим опытом западных стран, японская дипломатическая служба является одной из самых молодых в своем роде. Связано это как с естественными, так и искусственными причинами.

К естественным причинам следует отнести в первую очередь географический фактор. Японское государство это набор больших и малых островов, причем островов, которые находятся на значительном удалении от других стран. Эта естественная изоляция и предопределила во многом ограниченный характер контактов Японии с другими государствами. К тому же, географическое положение Японии долгое время способствовало самодостаточности архипелага, а в случае необходимости Япония вступала в контакт лишь со своими ближайшими соседями — Китаем и Кореей.

К искусственным причинам можно отнести самобытный духовный фактор Его складывание, начавшееся с процессом оформления в Японии ранней государственности и окончательное формирование к IX–X вв., стало искусственной преградой в контактах Японии с сопредельными государствами. Основной причиной являлось оформление синто¹ 神道 как исконно японского

¹ Букв. «путь богов» — традиционное японское вероучение, возникшее на основе фетишизма, магии, тотемизма, культа обожествления природы и культа предков. Согласно синто, японский император, а, следовательно, и все японцы, ведут свое происхождение от одного из бесчисленных божеств — ками 神. Поэтому неяпонец не может войти в состав японской нации. Полностью синто оформляется в VI–VIII вв. В рассматриваемый в работе период синто было государственной

вероучения, призванного обосновать легитимность правящей династии. Поскольку японский император уникален, то и внешняя политика страны должна была быть «уникальной». Однако эта претензия Японии не вписывалась в китайскую внешнеполитическую модель, по которой все соседние страны и народы должны были признавать свою зависимость от Китая и приносить дань китайскому императору.

Поэтому, осуществлявшиеся в древности и раннее средневековье активные контакты Японии с Китаем и государствами Корейского полуострова прекратились уже в IX в. Будучи на тот момент вполне самодостаточной, Япония практически полностью отстранилась от событий на материке. Исключением были лишь ограниченные торговые отношения и редкий обмен послами. Период с конца IX по середину XVI вв. можно рассматривать как время частичной самоизоляции страны, когда Япония «переваривает» полученные с материка знания.

Ситуация изменилась в разгар эпохи великих географических открытий в середине XVI в., когда у берегов Японии стали появляться суда европейских стран — Португалии, Испании, Великобритании, Голландии. Представители этих стран, в лице миссионеров — проповедников христианского учения, старались проникнуть и закрепиться на японской земле не только для вовлечения Японии в мировые торговые отношения, но и для подчинения ее своему политическому влиянию. Для достижения этой цели миссионеры стремились обращать в

идеологией, которая, используя тезис о превосходстве японской нации, была прикрытием внешнеполитической деятельности Японии.

христианство не столько крестьян, сколько лиц, игравших значительную роль в политической жизни страны и, в первую очередь, даймё¹ 大名 различных княжеств.

Такие устремления миссионеров серьезно настораживали японских властей, которые, начиная с конца XVI в., издают ряд указов, направленных на искоренение и запрет в стране христианской проповеди. Недовольство обращенных японцев вылилось в крупное восстание 1637 г., результатом которого стал полный запрет христианства в Японии. Опасаясь новых попыток Запада вмешаться во внутреннюю политику страны, власти «закрывают» страну. Ни одно иностранное судно не имело права заходить в японские гавани, равно как и японские суда (тоннаж которых был ограничен) не могли покидать берега Японии. Исключение было сделано только для голландцев, которые, в награду за помощь в подавлении христианского восстания, получили право вести с Японией ограниченную торговлю на о-ве Дэдзима 出島, расположенного в бухте Нагасаки. Японским подданным под страхом смерти было запрещено покидать территорию страны и поддерживать контакты с иностранцами.

Таким образом, с конца 30-х гг. XVII в. Япония начинает политику, получившую в японской историографии название «сакоку сэйсаку» 鎖国政策 — «политику закрытия страны» или «политику

¹ Букв. «большое имя» — владетельные князья в феодальной Японии. С XIV до конца XVI вв. были независимыми от центрального правительства. Обладали большим военным, финансовым и политическим потенциалом и могли нередко конкурировать с государственной властью, с которой находились в тесных, а нередко и родственных отношениях.

самоизоляции», которая сохранялась в Японии на протяжении более двух столетий.

Ситуация изменилась в середине XIX в., когда под угрозой военного вторжения Япония была вынуждена вступить в контакт с США и европейскими странами и заключить ряд крайне невыгодных для нее договоров. Не обладавшая достаточным уровнем развития техники, науки и экономики и не имевшая четкого представления о западных правилах международных отношений, Япония была не в силах противостоять Западу. Страна была вынуждена следовать диктовавшимся ей условиям и спешно приступить к изучению положения дел в других странах.

Насильственное втягивание Японии после долгого перерыва в связях с внешним миром, однако, не привело к созданию специальных органов для управления и контроля над этими отношениями. На первом этапе «открытия» страны вопросы взаимоотношений японцев с зарубежными представителями, равно как и отношения Японии с другими странами, решались исключительно путем контактов чиновников центрального государственного аппарата (бакуфу 幕府¹) и местных (даймё) властей с иностранными консулами.

¹Букв. «полевая ставка» — первоначально полевая ставка командующего армией — сёгуна 将軍. После узурпации военным сословием политической власти (в конце XII в.) стало центральным правительством Японии. Сёгун стал главой этого правительства. В истории Японии существовало три последовательно сменивших друг друга бакуфу, последнее из которых было низложено в 1867 г.

Собственно внешнеполитическая служба, в ее современном понимании, начала создаваться в Японии только после революции Мэйдзи, т. е. с 1868 г.

В январе 1868 г. была учреждена новая система государственного управления, получившая название «три должностных ранга» — «сансёку» 三職. Во главе правительства стоял председатель — сосай 総裁. В его подчинении находились 10 старших советников — гидзё 議定 и 20 младших советников — санъё 参与. Заниматься внешнеполитическими вопросами, в виду остроты проблемы, было поручено одновременно нескольким старшим и младшим советникам, которые и вступили от лица государства в контакты с иностранными представителями. В подчинении старших и младших советников было 7 отделов — ка 課, один из которых и ведал внешними сношениями. 9 января 1868 г. руководство этим отделом было поручено принцу Ямасина но мия Акира 山階宮晃 (1816–1898).

3 февраля 1868 г. последовала реорганизация этой системы, в результате чего в Японии был создан департамент иностранных дел — гайкокудзимукёку 外国事務局. Штат департамента насчитывал 11 старших и младших советников. Возглавлял департамент по-прежнему старший советник Ямасина.

В мае того же года был издан новый указ о государственном устройстве. Взамен «сансёку» был учрежден государственный совет — «дадзёкан» 太政官 являвшийся центральным органом; он состоял из семи ведомств, в том числе и ведомства иностранных дел — гайкоккан 外交官. Для ведомства иностранных дел было отведено небольшое здание в токийском районе Цукидзи,

недалеко от порта. На пост главы ведомства в начале 1869 г. был назначен Сава Нобуёси 澤宣嘉 (1836–1873), который и считается «отцом» японской дипломатии.

После принятия в 1871 г. закона об упразднении княжеств последовала очередная реформа органов государственного управления. Новый государственный совет был разделен на три палаты — центральную (сэйин 正院), правую (уин 右院) и левую (саин 左院). В ведении центральной палаты находились вопросы религии, дипломатии, войны и мира, заключения договоров. Правая палата осуществляла административное руководство, а левая готовила рекомендации по законопроектам центральной палаты. Для непосредственного управления страной было сформировано восемь министерств (сё 省), в том числе и министерство иностранных дел (гаймусё 外務省), возглавил которое 14 июля 1871 г. Ивакура Томоми 岩倉具視 (1825–1883) (в ноябре того же года его сменил Созэзима Танэоми 副島種臣 (1828–1905)). Расширение поставленных перед министерством задач привело к тому, что оно получило новое более просторное здание в центре Токио — в районе Касумигасэки 霞ヶ関. Хотя с того времени и до наших дней министерство иностранных дел несколько раз меняло место расположения, оно не покидало пределы этого района. В связи с этим, и сегодняшнюю японскую дипломатию часто называют «дипломатией Касумигасэки».

Поскольку Япония все больше и больше втягивалась в отношения с другими государствами, внутри министерства иностранных дел постоянно проходили структурные реформы, направленные на поиск наиболее приемлемого

варианта организации. Так, по уставу министерства 1873 г. были созданы департаменты (кёку 局) и отделы (ка 課).

Было создано шесть департаментов, возглавляли которые советники (дзё 定). Первый департамент по иностранным делам ведал отношениями со странами Европы. Второй был ответственен за отношения со странами Америки и Азии. Третий — координационный департамент, занимался обработкой официальных документов, хранением договоров и соглашений, выдачей виз и лицензий, нотной перепиской, а также поддерживал телеграфную связь с японскими дипломатическими представителями за рубежом. Департамент переводов обеспечивал устный и письменный переводы, занимался подготовкой переводчиков, организовывал языковые занятия для сотрудников министерства. Договорный департамент занимался вопросами составления и проверки текстов договоров и соглашений. Шестой — департамент по общим вопросам занимался кадровой политикой¹. Во главе отделов были поставлены секретари (року 録). В штате министерства также находились переводчики трех рангов и канцелярские работники.

Следует заметить, что структурные перестройки министерства впоследствии проходили постоянно, хотя зачастую для этого не было серьезных причин. В октябре 1873 г. на пост министра иностранных дел был назначен выходец из самурайской среды княжества Сацума Тэрасима Мунэнори 寺島宗則 (1832–1893).

В 1885 г. взамен государственного совета по образцу Германии был создан кабинет министров из десяти

¹ См. Панов А. Н. Японская дипломатическая служба. М., 1988. С. 9.

министерств. Министерство иностранных дел сохранилось в неизменном виде. Пост министра иностранных дел был отдан Иноуэ Каору 井上薫 (1836–1915).

С начала 70-х гг. XIX в. Япония, следуя примеру западных держав, открывает за рубежом свои представительства — косикан 公使館 (в Японии первые западные миссии были открыты США в 1856 г., Францией и Россией в 1858 г., Великобританией в 1859 г., Швецией в 1864 г., Бельгией в 1886 г. и многими другими странами). Первые миссии были открыты Японией в 1870–1874 гг. в США, Великобритании, Франции, России, Австрии и Китае. К началу первой мировой войны японские миссии в крупнейших странах — США, России, Франции, Англии и Италии были преобразованы в посольства — тайсикан 大使館 и генеральные консульства — сорёджикан 総領事館. Причем первое японское посольство появилось в 1905 г. в Великобритании.

Япония постоянно увеличивала и штат своих дипломатов за рубежом. Так, накануне первой мировой войны в японском посольстве в Петербурге работало 18 дипломатов. Японские консульства действовали в Москве, Владивостоке, Николаевске, Одессе. В девяти странах — Бельгии, Бразилии, Чили, Китае, Испании, Мексике, Нидерландах, Швеции и Германии дипломатические представительства оставались на уровне миссий. Кроме того, Япония имела 17 генеральных консульств (из них 7 в Китае) и 29 консульств — рёджикан 領事館 (из них 17 в Китае). В 1937 г. у Японии уже было 12 посольств (в том числе в Германии, Польше, Бельгии, Турции, Китае, Бразилии), 36 генеральных консульств и 45 консульств¹. К

¹ Панов А. Н. Указ. соч. С. 10.

числу открытых непосредственно перед началом второй мировой войны зарубежных представительств Японии можно отнести таковые в Никарагуа (1935), Египте (1936), Ираке (1939). К настоящему времени посольства Японии открыты в 117 странах. К тому же, действует 65 генеральных консульств¹.

Открыв себя для внешнего мира, японская дипломатия была вынуждена проводить свою внешнюю политику в соответствии с принципами, которые уже давно сложились на Западе. Стране Восходящего солнца ничего не оставалось, как принять уже готовую форму дипломатических отношений. Япония признала и принятую на венском конгрессе 1815 г. конвенцию о дипломатических рангах.

Согласно этой конвенции, дипломатические представители разделялись на следующие классы:

1. Послы и папские легаты. Полный титул посла обычно «чрезвычайный и полномочный посол» (тайси 大使).

2. Чрезвычайные и полномочные посланники. Полный титул — «чрезвычайный посланник и полномочный министр» (коси 公使).

3. Поверенный в делах (дайритайси 代理大使).

Возглавляемое послом дипломатическое представительство называется посольство. Дипломатические представительства возглавляемые представителями других рангов называются миссиями — косикан 公使館, либо консульствами.

Различие между посольством и консульством заключается в том, что консульство возглавляет консул,

¹ См. Гаймусёдзёхоё (Информационный справочник МИД). Токио, МИД, 2006. С. 2.

который представляет назначившее его государство не перед правительством страны своего пребывания, а перед местными властями района своей деятельности в данной стране, называемого консульским округом. Число консулов на территории государства определяется соглашением между правительствами стран. Посольство, как правило, располагается в столице государства.

В международной практике приняты следующие ранги консулов:

1. Генеральный консул (сорёдзи 総領事).
2. Консул (рёдзи 領事).
3. Вице-консул (фукудзитё 副次長).
4. Консульский агент (рёдзигайкоин 領事外公員).

Генеральный консул назначается в крупные мегаполисы, а консульский агент, соответственно, в небольшие города, где объем работы невелик. Поскольку задачи работы не позволяют более подробно останавливаться на общих положениях дипломатической работы, в качестве справочной литературы мы рекомендуем ставшие классикой нижеуказанные работы¹.

В первые годы существования японского министерства иностранных дел все крупные дипломатические работники назначались на должности не по своим знаниям и качествам, а по политическим или личным соображениям. Отсутствие действительно толковых работников крайне негативно отражалось на работе молодого министерства. Однако, по мере того, как Япония стала ставить перед собой вполне конкретные

¹ Джон Вуд, Жан Серре. Дипломатический церемониал и протокол / Пер. с англ. М., 1974. и Э. Сатоу. Руководство по дипломатической практике / Пер. с англ. М., 1961.

внешнеполитические задачи, для их осуществления требовались уже действительно высокопрофессиональные дипломаты. Поэтому, уже с конца 70-х гг. XIX в. в Японии начинает действовать вполне профессиональная система подготовки кадров дипломатических работников. На наиболее ответственные посты и в важные для Японии государства стали направляться лица, получившие хорошую подготовку имевшие опыт работы в МИД. На рубеже XIX–XX вв. была введена система экзаменов для лиц, желавших занять ответственную должность в министерстве и его зарубежных представительствах. Кандидат должен был не только обладать широким кругозором, но и прекрасно разбираться в системе международных отношений, знать дипломатический протокол и владеть несколькими иностранными языками.

Вследствие чрезвычайной важности и сложности дипломатической работы, ежегодно на службу принималось не более 10 человек. Значительное увеличение набора и, соответственно, общего штата работников, происходит с конца 20-х гг. XX в., когда Япония приступает к практическому воплощению идей покорения Китая.

Со второй половины XIX в. японские дипломаты спешно учились у Запада правилам дипломатической игры и оказались весьма способными учениками. Они не только взяли на вооружение господствовавшие в тот период во внешней политике западных стран методы колониальной политики, но и по многим показателям уже к началу XX в. обошли своих «учителей».

В предшествующий «реставрации» период и в первые годы после революции Мэйдзи Япония была вынуждена проводить дипломатию уступок Западу, которая получила

название «дипломатии слабости» — нандзяку гайко 軟弱外交 или «дипломатии гейши» — гэйся гайко 芸者外交¹. При этом, второе определение — «дипломатия гейши», свидетельствует не о слабости японской внешней политики, а скорее о хитрых приемах дипломатического маневрирования, используя которые, Япония искала подходящий повод и время, чтобы начать свою успешную внешнеполитическую деятельность. Хотя Япония и была опутана сетью неравноправных договоров, она, тем не менее, используя различные методы, вынуждала более слабые соседние страны подписывать такие договоры и соглашения. По мере экономического и военного усиления Японии, ее внешняя политика избавлялась от «комплекса неполноценности» и приобретала все большую самостоятельность. В ход шло создание и благоприятное «разрешение» в интересах Японии различных «инцидентов» и провокаций, а когда это не помогало, то и открытое вероломство.

В целом, уже с конца XIX в., после победы над Китаем в войне 1894–1895 гг., внешнеполитический курс Японии был определен вполне четко. Главной своей целью Япония видела установление гегемонии в регионе, а задачами — подчинение Кореи и Китая, и, судя по высказываниям японских дипломатов 80–90 гг. XIX в., российского Дальнего Востока. По мере частичного выполнения этих задач в первой половине XX в., Япония ставила перед собой более глобальную цель — изгнать из региона и, в первую очередь, из Китая все европейские страны и монопольно пользоваться его источниками сырья и рынком сбыта. В результате, Япония была вынуждена все больше и больше

¹ Панов А. Н. Указ. соч. С. 14.

ухудшать отношения с бывшими некогда своими партнерами, что, в конечном счете, и привело к началу войны на Тихом океане и разгрому Японии.

Следует отметить, что после окончания войны на Тихом океане японские дипломаты стали прилагать усилия к тому, чтобы доказать свою невиновность в ответственности за довоенный внешнеполитический курс, сваливая всю вину исключительно на военные круги. Так, многие работы¹, изданные МИД после войны, настаивают на том, что дипломаты 20–40-х гг. прилагали все усилия к тому, чтобы сдерживать устремления военных. Так, послевоенная дипломатия заявляет, что в 30-е гг. XX в., когда Япония начала большую войну на материке, она всячески стремилась сдерживать военных. Так, известный дипломат Того Сигэнори 東郷茂徳 (1882–1950) позднее писал в мемуарах, что находясь во время войны на посту министра иностранных дел, призывал к «продолжению дипломатических усилий в целях достижения мира между Россией и Германией»². Далее он указывал, что «министерство [иностраннных дел. — Е. О.] должно вести подготовку к прекращению войны»³.

В действительности, хотя между военными и дипломатами и были разногласия, касались они не существа вопроса, а лишь методов и способов реализации экспансионистской политики. Еще до начала крупномасштабной войны против Китая в 1937 г.,

¹ См. например: Гаймусё но хякунэн (Сто лет МИД). Токио, Гэнсёбо, 1969. и Оки Хироси. Касумигасэки гайко но сайтэнкэн (Переоценка дипломатии Касумигасэки). Токио, Санкэйся, 1983.

² Того Сигэнори. Воспоминания японского дипломата. М., 1996. С. 388.

³ Там же. С. 384.

практически все МИД и дипломатический корпус состоял из людей, которые активно поддерживали экспансионистские устремления японского военного руководства. Неудобные военным лица были смещены со своих постов и заменены более приемлемыми фигурами. В этой связи особого внимания заслуживает деятельность так называемой «группировки реформаторов» — какусинха 革新派, возглавляемой видным политиком и послом в Италии Сиратори Тосио 白鳥敏夫 (1887–1949), который выступал за скорейшее силовое разрешение всех внешнеполитических задач. То, что глава этой группировки был назначен послом именно в Италию, далеко не случайно. Ведь еще в середине 30-х гг. МИД Японии открыто заявлял о необходимости установления в регионе нового порядка, не считаясь с позицией других стран¹. Именно на почве «нового порядка» в АТР Япония и сблизилась с проводниками «нового порядка» в Европе — Германией и Италией. Можно с уверенностью сказать, что это сближение было инспирировано не столько военными, сколько дипломатическими кругами. Об этом говорит и тот факт, что до принятия в 1947 г. ныне действующей конституции Японии, любые внешнеполитические решения парламента носили лишь рекомендательный характер императору и правительству. Хотя премьер-министр и министр иностранных дел выступали на сессиях в парламенте, их речь носила исключительно формальный характер, была туманной и запутанной и не преследовала цель донести депутатам суть и основные моменты внешнеполитической деятельности страны. Это делалось

¹ См. например: *Diplomats in Crisis. US – Chinese relations, 1919-1941.* California, 1974. PP. 204-208.

для того, чтобы члены парламента не могли вникнуть во все тонкости и понять истинные устремления руководства страны во внешнеполитической сфере. Эту же цель преследовало право министра иностранных дел не давать ответ на «неподходящие» вопросы депутатов.

С созданием Маньчжоуго в дипломатической практике Японии появилось такое «новшество», как назначение дипломатическими представителями действующих генералов и адмиралов императорских вооруженных сил. Таким образом, связи дипломатов с военными кругами были весьма тесными.

К началу войны на Тихом океане структура японского МИД включала 4 департамента — политический (сэйдзикёку 政治局), экономики военного периода (сэнзикэйдзайкёку 戰時經濟局), научно-исследовательский (кэнкюкёку 研究局) и договорный (дзёяккёку 条約局). Кроме того, в ведении секретариата министра (дайдзинкамбо 大臣官房) находились: отдел кадров (дзиндзика 人事課), протокольный отдел (гитэнка 儀典課), отдел документации (кирокка 記録課), финансовый отдел (кайкэйка 會計課) и отдел связи (цусинка 通信課). Каждый департамент также включал в себя несколько отделов. Так, наиболее важный политический департамент состоял из 6 отделов — общего отдела планирования внешнеполитических акций (сога гайко сэйсакка 総合外交政策課), отдела по взаимодействию с азиатскими странами (Адзия оёсюка アジア大州課), отдела по взаимодействию с СССР (сорэнка ソ連課), отдела отношений со странами Европы и Африки (осюафурикака 欧州アフリカ課), отдела взаимоотношений с

США (бэйкокка 米 国 課) и отдела по связям с Великобританией (эйкокка 英国課)¹.

Такая структура министерства как нельзя лучше подходила грандиозным планам японского руководства. Неслучайно, отдельно был отдел Европы и Африки и отделы Советского Союза и Соединенных Штатов. В 1940 г. МИД обозначило первичные и вторичные цели Японии, необходимые для установления своего контроля в регионе. К первичным целям был отнесен захват Китая, Индокитая, Таиланда, Малайи, Голландской Индии, Новой Гвинеи и Филиппин. К вторичным (по срокам, а не важности) целям были отнесены Австралия, Бирма, Индия и Новая Зеландия².

Таким образом, мы имеем еще одно подтверждение того, что японские дипломаты накануне и в ходе войны на Тихом океане шли в едином с военным руководством русле. Только события 1944–1945 гг., поставившие Японию на грань поражения, заставили ряд дипломатов и министра иностранных дел активизировать «миротворческие дипломатические усилия», направленные на то, чтобы страна смогла заключить мир без унизительной капитуляции. Однако все их попытки оказались тщетны.

В августе 1945 г. судьба Японии, ее внешней политики и дипломатии была решена. В 1946 г. японское МИД прекратило свое существование, а все зарубежные представительства Японии были ликвидированы. Так была поставлена точка в сравнительно недолгом, но чрезвычайно интересном и важном периоде истории японской внешней политики.

¹ Гаймусё но хякунэн. С. 99–102.

² Зайцев Е.Б., Смирнов А.Н. Суд в Токио. М., 1978. С. 179.

ОБЩЕПОЛИТИЧЕСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ 1907 Г.

Главным документом русско-японских переговоров в 1907 г. стало Общеполитическое соглашение, определившее возможности сотрудничества двух стран. Эти направления достаточно очевидно вытекали из общей послевоенной геополитической ситуации, сложившейся в начале XX столетия, важнейшими элементами которой были борьба в Китае и создание коалиций в мировой политике.

Прологом к появлению Общеполитического соглашения стали переговоры по вопросу о плавании японских судов по реке Сунгари. Этот достаточно частный вопрос возник в ходе переговоров о торговом соглашении. Хотя плавание по реке Сунгари не имело отношения к русско-японской торговле, и больше затрагивало отношения России и Китая, японское правительство приложило к договору проект отдельной ноты, касавшийся вопроса о судоходстве на этой реке. Далее в соответствии с поручением японского правительства представитель Японии на переговорах о торговом договоре Мотоно в ходе дискуссии с сенатором Малевским-Малевичем поднял вопрос о судоходстве на реке Сунгари, мотивируя свои претензии договоренностями Японии с Китаем.

Как писалось в записке Малевского-Малевича, датированной 13 ноября 1906 г., по мнению японского посланника, вопрос имел политическую составляющую, которая заключалась в том, что «Япония, опираясь на состоявшиеся с Китаем соглашения, могла бы и без нашего формального согласия открыть плавание своих пароходов по реке Сунгари, но не желала поступать так по

соображениям корректности и миролюбия»¹. В заключении Мотоно сказал, что в Японии придают этому вопросу весьма большое значение, «считая вопрос о Сунгари непосредственно связанным с общим политическим положением в Маньчжурии как оно определилось в Портсмуте»².

В записке Малевского-Малевица также сообщалось, что, по словам Мотоно, в Портсмуте предлагалась следующая альтернатива: «или разделить Маньчжурию на северную и южную, предоставить первую влиянию России, а вторую влиянию Японии, или признать всю Маньчжурию открытой влиянию всех держав»³.

20 ноября 1906 г. вопрос о плавании по реке Сунгари был вынесен на обсуждение Особого совещания. На заседание был приглашен Малевский-Малевиц, который сообщил, что точка зрения Мотоно сводится к следующему: «при переговорах в Портсмуте возникло... предположение о разделении Маньчжурии на сферы влияния между Россией и Японией, причем границей являлась бы Сунгари»⁴.

Решение Особого совещания не содержало жестко сформулированных задач, связывавших А. Извольского, от которого ожидалось принятие всех «доступных мер к устранению притязаний Японии на плавание по Сунгари, но что, с другой стороны, за вопросом этим нельзя признать значения, которое могло бы оправдать возможное обострение наших отношений с Японией, если его не удастся решить в нашу пользу»⁵. Журнал совещания был

¹ АВПРИ, опись 470, дело 135, л. 154 об.

² Там же. Л. 155.

³ Там же. Л. 154 об.

⁴ Там же. Л. 93.

⁵ Там же. Л. 100 об.

представлен императору, который выразил своё согласие с вынесенными решениями, чем санкционировал дальнейшие действия министра.

А. Извольский использовал для консультаций с японской стороной не только представителя Японии на переговорах Мотоно, но и свои связи с прессой. Тогдашний министр иностранных дел Японии Хаяси Тадасу написал в своих записках, что предложение о переговорах по вопросу об общеполитическом соглашении было сделано косвенным путем. В конце 1906 и начале 1907 г. известный своими связями с Витте корреспондент «Дейли Телеграф» Диллон поместил в своей газете две статьи, в которых говорилось о проблемах с заключением рыболовной конвенции и желательности русско-японского сближения. Эти статьи затем были показаны А. Извольским японскому посланнику в Петербурге Мотоно. Последний, зная о тесных связях Диллона с русскими правительственными кругами, обратил на них внимание японского МИДа и испросил разрешения начать переговоры по тем пунктам, которые были затронуты в ее содержании. С одобрения Ито Хиробуми и Ямагата Аритомо переговоры были начаты¹.

В тот период времени состоялась поездка в Париж министра финансов Японии Такахаси Корэкиё, который занимался вопросом о дополнительных кредитах для своей страны. Только в Париже министр получил обнадеживающие заявления, но там они были обставлены некоторыми условиями, такими как заключение договора с Францией относительно южного Китая и скорейшего улаживания проблем с Россией. Министр иностранных дел

¹ *Pooley A. M. The Secret Memoirs of Count Tadasu Hayashi, London: Eveleigh Nash, 1915, P. 227-228.*

Франции Пишон в беседе с японским послом Курино одним из условий поставил «скорейшее заключение к взаимному удовлетворению русско-японских соглашений, питаемых духом Портсмутского договора»¹.

Хаяси Тадасу очень предельно серьезно прореагировал на французские предложения, запросив на них конкретных разъяснений, после чего начались консультации сразу в Париже и Петербурге.

16 декабря в Петербурге было опубликовано официальное заявление российского МИДа о ходе русско-японских переговоров. В его начале опровергались разноречивые, преувеличенные слухи распространялись в последнее время по поводу переговоров между Россией и Японией о торговом трактате и рыболовной конвенции. Затем в заявлении делался обнадеживающий вывод о том, что «соглашения по вышесказанным вопросам еще не достигнуто, но переговоры продолжаются и течение их может быть названо вполне нормальным»².

В день обнародования заявления российского МИДа А. Извольский встретился с Мотоно и сообщил о готовности пойти на значительные уступки во имя прочного мира в отношениях между Россией и Японией, а также намекнул, что Россия, возможно, выдвинет предложение, направленное на обеспечение мира в Восточной Азии³. В ответ Мотоно сразу запросил мнение министра иностранных дел телеграммой, доставленной в Токио 19 января 1907 г. по новому стилю.

¹ Нихон гайко бунсё, т. 40, ч. 2, С. 47.

² Официальные сообщения. Новое время. 17-го декабря (30-го декабря) 1906. с.3

³ Нихон гайко бунсё, 40-1, С. 97.

Кроме того, в Париже Мотоно дал развернутое интервью газете «Ле Тан», опубликованное 2 января по новому стилю. В нем японский посланник в Перербурге выступил с заверениями об успешном окончании переговоров между Россией и Японией. В частности, заявив, что «вопросы об Амуре и Сунгари на переговорах не поднимались и Япония не выдвигала таких требований»¹. При этом Мотоно уже знал, что за решением спорных вопросов последует важная инициатива со стороны России.

А. Извольский сообщил Бахметеву о возможности поворота в отношениях с Японией только в своей депеше от 4 января 1907 г.² (по старому стилю). Он сообщил, что решение в принципе принято Императорским правительством. Это подразумевало, что на запрос Мотоно от 19 января предполагалось получение японского официального ответа на уровне правительства, а не одного министра иностранных дел.

Поэтому в ежегодном послании премьер-министра Сайондзи, в котором впервые в официальном выступлении были признаны позитивные перемены в отношениях Японии и России. Сайондзи сказал о наличии у сторон искреннего стремления к разрешению в духе согласия вопросов, связанных с заключением торгового договора, рыболовной конвенции, решением вопроса о выплате компенсации за содержание военнопленных и других проблем, вытекавших из мирного договора, и о поступательном развитии дружеских отношений на этой основе³.

¹ Нитиро данпан дзёкё, Асахи симбун, 6 января 1907, С. 2.

² АВП РИ, опись 470, дело 127, л. 21.

³ Сори дайджин но эндзэцу, Дзидзи симпо, 22 января 1907. С. 3.

Реакция английской прессы на выступление премьер-министра Сайондзи подтвердила, что Англия заинтересована в «сердечности» отношений между Россией и Японией. В редакционной статье газеты «Таймс» писалось: 'The chief object of the [Anglo-Japanese] alliance is the maintenance of the peace of Asia and of the world, and that object may be most easily and most satisfactorily attained by the establishment of cordial understanding between each of the allies and their Russian neighbour'¹. Обращает внимание на себя формулировка 'cordial understanding', которая свидетельствовала, что переговоры между Россией и Японией воспринимаются как элемент формирования Антанты. Одновременно редакционная статья содержала критику японской политики в Китае и требование ее трансформации с учетом политики «открытых дверей»².

Через несколько дней после этих выступлений руководителей японского правительства последовало объявление о начале досрочного вывода русских войск из Маньчжурии, которое оказало существенное влияние на процесс улучшения отношений между двумя странами. 12 января (по старому стилю) было сделано соответствующее заявление русского правительства³. 25 января (7 февраля) японский посланник Мотоно передал официальное заявление⁴ японского министерства иностранных дел, в

¹ The Times, 23 January 1907.

² Ibid.

³ Новое время. 12 января. Досрочная эвакуация Манчжурии. 13-го (26-го) января 1907 г. С. 2.

⁴ Г. Мотоно сообщение из Петербурга, 7 февраля (н.ст.) 1907:

Я был уполномочен виконтом Хаяши проинформировать, что императорское правительство, чтобы восстановить как можно скорее нормальную ситуацию в Маньчжурии и продемонстрировать свое

котором еще раз заявлялось о желании японского правительства «продемонстрировать свое искреннее желание правительству России возобновить отношения с Россией». Было ясно, что, хотя вывод войск был направлен на улучшение отношений с Китаем¹, наиболее благожелательную реакцию он вызвал в Японии.

Во второй половине января 1907 г. состоялась встреча А. Извольского с Мотоно, на которой русский министр иностранных дел изложил мысль о желательности общего соглашения, призванного прочно обеспечить мирное развитие взаимных отношений обеих держав². По ее

искреннее желание правительству России возобновить отношения с Россией, уже в качестве открытого и дружеского шага вывело за последние годы почти все свои войска, за исключением тех, кто содержится для охраны самой железной дороги.

Даже в отношении этих последних, императорское правительство в настоящее время готово приступить к частичному выводу своих войск, чтобы ограничить их количество до минимума. (РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Ед. хр. 485. Л.14)

¹ Решение о досрочном выводе войск было принято на совещании на 4 декабря 1906 г. и обосновывалось необходимостью «поставить вопрос о досрочной эвакуации Маньчжурии в связь с происходящими ныне переговорами между ИМПЕРАТОРСКИМ и Пекинским Правительствами касательно урегулирования русских интересов в названной части Китая» (РГИА, Ф. 1276, Оп. 2, Ед. 485, Л.1) Покотиллов также предложил сделать специальное заявление в форме телеграммы ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА на имя Богдыхана с поручением передать таковую чрез Вайвубу. В телеграмме этой следовало бы, по его мнению, прежде всего указать, что мотивом досрочной эвакуации являются истинно дружественные отношения, существующие между двумя соседними Империями, и желание еще теснее связать таковые. (Там же. Л.11)

² АВП РИ, опись 493, дело 202, л. 2.

результатам оба участника встречи направили официальные сообщения своим руководителям.

Мотоно написал Хаяси Тадасу, что «Министр иностранных дел России руководствуется желанием добиться удовлетворительных результатов при заключении обсуждаемых договоров, но и заложить основы для продолжительных, искренних и дружеских отношений с Японией. И вывод войск из Маньчжурии раньше намеченных сроков является ничем иным как частью этого мирного плана»¹.

28 января (по старому стилю) А. Извольский доложил о желательности общего соглашения между Россией и Японией русскому императору.

6 февраля 1907 г. проект соглашения был представлен Николаю II. Проект был написан на французском языке и включал только две статьи, в одной из которых давались взаимные гарантии территориальной целостности и использование в мирных целях прав, вытекающих из договоренностей с Китаем, а, в другой, стороны обязывались оказывать взаимную поддержку друг другу в сохранении «статус кво» и прав, вытекающих из статьи первой. Резолюция императора состояла из одного слова «одобряю»².

7 февраля на дипломатическом приеме в Санкт-Петербурге проект был вручен Мотоно. При этом в статье 1 появилось дополнение о Портсмутском договоре и «специальных конвенциях, заключенными между Россией и Японией»³. Упоминание конвенций заслуживает

¹ Нихон гайко бунсё, т. 38, ч.1, С. 415-416.

² АВП РИ, опись 493, дело 202, л. 25.

³ Нихон гайко бунсё, т. 40, ч.1, С. 107.

определенного внимания, и, вероятно, относилось к форме проектируемого соглашения, в качестве которой с большой долей вероятности могла быть избрана конвенция.

Таким образом, первоначальный проект соглашения включил в себя помимо взаимного признания территориальной целостности также обязательство сторон оказывать взаимную поддержку всеми мирными средствами и подтверждение незыблемости Портсмутского договора.

Проект статьи 2 предлагал установление союзных отношений по образцу договоров типа Антанта, что легко позволяло превратить двусторонние договоренности в тройственное или даже многостороннее соглашение.

Ответ японского МИДа, составленный на основе решений совета гэнро, поступил уже в конце февраля (по старому стилю). В нем предлагались 4 статьи. Первая без существенных изменений повторяла русское предложение. Во второй статье¹ помимо обязательства поддерживать и защищать друг друга появилась четкая декларация признания независимости и территориальной целостности Китайской империи и соблюдения на ее территории принципа равных возможностей в торговле и промышленности для всех наций. Была выбрана такая формулировка, которая, с одной стороны, позволяла связать будущее русско-японское политическое соглашение с договором об Англо-японском союзе, но, с другой стороны,

¹ Обе высокие договаривающиеся стороны признают независимость и территориальную целостность Китайской империи, и принцип равных возможностей по отношению к торговле и промышленности всех наций и обязуется поддерживать и защищать этот «статус кво» и этот принцип всеми мирными средствами в их распоряжении.

суживала обязательства поддерживать и защищать друг друга только пределами территории Китайской империи.

Кроме того, японский ответ содержал две новые статьи, которых не было в русских предложениях. Статья 3 содержала предложение о разделе Маньчжурии на сферы влияния, в которых стороны обязывались не добиваться железнодорожных и телеграфных концессий в своей сфере влияния и не чинить препятствий другой стороне по приобретению концессий в ее сфере влияния.

В статье 4 России предлагалось признать договоры правительств Японии и Кореи, заключенные в 1904–1905 гг., и не вмешиваться и не чинить препятствий дальнейшему развитию двусторонних отношений. В обмен России предлагалось расширение присутствия России в Корее на принципах наибольшего благоприятствования¹. Обязательство «не чинить препятствий дальнейшему развитию двусторонних отношений» с Кореей было воспринято А. Извольским как стремление Японии продолжить курс на усиление контроля в этой стране и как попытка получить одобрение со стороны России этих действий.

Принципиальные моменты проекта соглашения между Россией и Японией были сообщены также японской стороной Британскому МИДу 6 марта (по новому стилю), когда ставший послом в Великобритании Комура Дзютаро встретился с главой внешнеполитического ведомства Англии. Комура докладывал Хаяси Тадасу, что министр выразил «огромное удовлетворение» таким соглашением, поскольку оно не только будет способствовать достижению целей Англо-японского союза, но и окажет благотворное

¹ Там же. С. 111–112.

влияние на проходящие переговоры об англо-русских соглашениях¹.

Проект соглашения из четырех статей получил одобрение гэнро и мог быть подписан в ближайшее время. Однако А. Извольский запросил мнение посланника в Китае Покотилова относительно возможных последствий подписания политического соглашения для политики в Китае. Посланнику в Китае предлагалось выяснить, насколько задуманное соглашение может повлиять на политику Китая в неблагоприятном для России смысле.

Покотиллов усмотрел в обсуждаемых вопросах возможность негативного влияния на политику в Китае, поэтому в своем ответе он выступил против придания гласного характера договоренностей относительно Маньчжурии. Посланник писал: «считаю долгом ныне же доложить, что что придание гласного характера соглашению с Японией касательно Маньчжурии я признавал бы весьма опасным с точки зрения нашего политического положения в Китае»².

В конце марта А. Извольский представил проект соглашения, в котором предложил сделать статьи 3 и 4 секретной частью. Одновременно в обмен за обязательство «не вмешиваться и не чинить препятствий дальнейшему развитию двусторонних отношений» А. Извольский предложил японской стороне признать преимущественные интересы России в Монголии и в прилегающих провинциях Китая за пределами Маньчжурии, которые должны были стать компенсацией за согласие России на продолжение японской политики в Корее. На переговорах появляется

¹ Там же. С. 113.

² АВПРИ. Оп. 493. Д. 202. Л. 32.

новый вопрос о специальных интересах России в Монголии, который ранее не поднимался сторонами.

В итоге переговоров Япония согласилась признать за Россией специальные интересы и несколько ограничить свою деятельность в Монголии. В окончательной редакции статья выглядела следующим образом: «Императорское японское правительство, признавая во Внешней Монголии специальные интересы России, обязывается воздержаться от всякого вмешательства, способного нанести ущерб этим интересам»¹.

Дополнительное обсуждение монгольского вопроса на русско-японских переговорах была также использована Хаяси Тадасу для выработки соглашения с Францией. Французский финансовый рынок был необходим Японии после отказа Англии и Америки финансировать японское правительство. Со своей стороны, французское правительство обоснованно опасалось за свои владения в Индокитае и интересы в Южном Китае, которые в условиях эйфории победы над Россией в русско-японской войне легко могли стать предметом притязаний японцев.

6 марта (по новому стилю) во время встречи с японским послом в Париже Курино министр иностранных дел Франции Пишон предложил заключить соглашение по вопросам, касающимся Дальнего Востока. 27 марта Пишон предложил проект соглашения, предусматривающий «помощь друг другу, чтобы гарантировать мир и безопасность в регионе»².

¹ Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. С. 475.

² Там же. Т. 40. Ч.1. С.48.

Секретные ноты, которыми стороны обменялись после подписания соглашения, предусматривали, что сферой интересов Франции признаются провинции Гуандун, Гуанси и Юньнань, а сферой интересов Японии — провинция Фуцзянь и области Маньчжурии и Монголии, в которых Япония имеет специальные интересы. Таким образом в японо-французском соглашении была реализована идея оформления всех конкретных договоренностей по поводу разграничения сфер интересов в виде секретных частей договора.

В опубликованном тексте договора содержалась только «обязательство сторон оказывать поддержку друг другу, чтобы гарантировать мир и безопасность» в соответствующих регионах «в видах сохранения мира и безопасности соответствующего положения и территориальных прав двух договаривающихся сторон на Азиатском материке¹». В этой формулировке уже отсутствовало упоминание о мирных средствах, которое имелось в проекте русско-японской конвенции, одобренном гэнро и доведенном до сведения английского правительства. В договоре также говорилось только об особой заинтересованности «в поддержании порядка и мира в областях китайской империи, соседних с территориями, в которых они имеют право суверенитета, протектората или оккупации»².

Подписание Общеполитического соглашения России с Японией состоялось 17/30 июля 1907 г. В нем говорилось,

¹ *Гримм Э. Д.* Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М.: 1927. С. 170.

² Нитифуцу дзёяку но эйго, Дзидзи симпо, 19 июня 1907. С. 3.

что Россия и Япония «признают независимость и целостность территории Китайской империи и принцип общего равноправия (*opportunité égale*) по отношению к торговле и промышленности всех наций в этой империи и обязуются поддерживать и защищать сохранение *status quo* и означенный принцип всеми мирными средствами, имеющимися в их распоряжении», и соответственно взяли на себя обязательство поддерживать друг друга всеми мирными средствами.

Признание принципа равных возможностей (принцип общего равноправия) являлось более декларацией, чем реальным обязательством¹. В секретной части соглашения было зафиксировано, что Япония обязалась не приобретать железнодорожных или телеграфных концессий в Маньчжурии к северу от линии, установленной дополнительной статьей конвенции. Линия разграничения проходила «из сев.-зап. пункта русско-корейской границы и представляя совокупность прямых линий, линия идет, проходя через Хунчун и крайний северный пункт озера Пиртанг на Сюшуйган; отсюда она следует по Сунгари до устья Наньцзяня и подымается отсюда вверх по течению этой реки до устья реки Толахо. Начиная от этого пункта, линия следует по течению этой реки до пересечения ее с 122 меридианом к вост. от Гринвича».

Заключение

Для России заключение соглашения давало возможность сохранить остатки своего влияния в Китае,

¹ Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. С. 474.

значительно утраченного в результате русско-японской войны. Русская сторона путем разграничения сфер интересов в Китае могла сохранить остатки своего влияния в северных районах страны, где пролегла Китайская Восточная железная дорога.

С точки зрения геополитики соглашение России с Японией стало элементом новой системы отношений в Азии, возникшей в результате подписания договоров между Англией и Россией, Францией и Англией, Японией и Францией. Как оценивал общеполитическое соглашение с Японией А. Извольский, «сила и значение его усугубляется тем обстоятельством, что он является как бы звеном целой цепи других международных соглашений, преследующих те же мирные цели, и что он вполне гармонирует с общей системой наших международных договоров»¹.

Кроме того, как оценивал в своей речи в Государственной Думе общеполитическое соглашение А. Извольский, «в этом международном акте вполне ясно выражено обязательство как России, так и Японии уважать как взаимную территориальную неприкосновенность и общую совокупность всех договорных прав, определяющих положение обоих государств в пределах Азии»².

¹ Там же.

² Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1908 г. Сессия первая, часть 2. Заседания 31–60. С.-Петербург, Государственная типография. 1908. С. 117.

НАУЧНО-УЧЕБНАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ «ИСТОРИЯ ЯПОНИИ» В ПЕТЕРБУРГЕ–ПЕТРОГРАДЕ–ЛЕНИНГРАДЕ–ПЕТЕРБУРГЕ

Отечественное японоведение традиционно делится на несколько аспектов, одним из которых является история изучаемой страны. Данный обзор призван осветить истоки и становление «истории Японии» в Санкт-Петербурге как профиля обучения, проанализировать тенденции, определявшие развитие данной специализации в рамках японоведения в целом.

Истоки научного востоковедения в России восходят ко временам Петра I, ещё в 1700 г. издавшему указ об изучении восточных языков¹. Его же усилиями в Санкт-Петербурге в 1714 г. создана «праматерь всех наших музеев» Кунсткамера (открывшаяся в 1719 г.), а в 1724 г. основана Академия Наук (с академическим университетом и академической гимназией), став базой в том числе и для развития востоковедения. Столетием позже, в 1818 г. при Академии был создан Азиатский музей, объединивший на своей базе имевшиеся восточные коллекции. Последний весьма почитали европейские учёные и академики XIX в. Опять же благодаря Петру I в 1702 г. было решено положить начало преподаванию японского языка (предполагалось, что учительствовать будет Дэмбэй — один из первых японцев, оказавшихся в России). Учреждена школа японского языка (при «школе навигацких и математических наук») была в Петербурге в 1706 г. К моменту воссоздания в 1819 г. Петербургского

¹ См., напр.: *Самойлов Н. А.* Основные этапы истории отечественного востоковедения / Введение в востоковедение: Общий курс. СПб.: Каро, 2011. С. 530.

университета центр «всаяческого востоковедения» уже однозначно переместился в северную столицу из Казани, Москвы и Омска. С открытием в университете в 1854–1855 гг. факультета Восточных языков (ФВЯ) приоритеты в востоковедении от задач научных переходят к практическим. При этом ФВЯ активно взаимодействовал с Азиатским музеем. В 1863 г. на факультете появилась кафедра истории Востока, что обозначило выделение «истории Востока» в самостоятельную дисциплину. В те годы японский язык преподавали на факультете нерегулярно, он не сразу вошёл в круг обязательных предметов. Хотя уже тогда на факультете прошёл японоведную подготовку В. Я. Костылев в рамках введённого с октября 1870 г. китайско-маньчжуро-монгольского разряда (впоследствии первый профессиональный историк в российском японоведении). Только в 1898 г. в Петербургском университете была учреждена кафедра японского языка и словесности¹. Силами прежде всего командированных выпускников ФВЯ шло становление знаменитого Восточного института во Владивостоке, учреждённого в 1899 г. — поднимать новое учреждение были отправлены Алексей Матвеевич Позднеев, Евгений Генрихович Спальвин, Николай Васильевич Кюннер и др.

¹ В ознаменование 110-летия со дня основания (ныне — кафедра японоведения) в С.-Петербургском госуниверситете проходила международная конференция (с участием учёных из Москвы, Петербурга и разных университетов Японии), с материалами которой можно ознакомиться в следующем издании: «Issues of Japanology=Вопросы японоведения» №2. Материалы научной конференции, посвящённой 110-летию со дня основания кафедры японоведения С.-Петербургского университета. 28 февр. 2008 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 314 с.

Своего рода шоком для японоведов стала и русско-японская война, «внезапно» выявив недостаток всяческих пособий и словарей. Привело это и к своеобразному рывку в книгоиздательском деле по окончании войны — именно тогда появился, в частности, уникальный Японо-русский иероглифический словарь Димитрия Позднеева, опубликованный в Токио в 1908 г. (переиздавался в Японии и впоследствии). Отметим, что только тогда начала реально функционировать и кафедра японского языка и словесности — с зачислением в приват-доценты В. Я. Костылева в 1908 г.¹ Именно он впервые ввёл на ФВЯ полноценный курс истории Японии (к сожалению, В. Я. Костылев проработал на факультете лишь один 1908 год). За пару десятилетий до того В. Я. Костылев явился и автором первого в русском японоведении подлинно научного труда по истории Японии — «Очерка истории Японии» почти в 450 страниц объёмом.

Приход XX в. принёс нашей стране и внешние, и внутренние проблемы, серьёзно повлиявшие на общие тенденции развития японоведения и специфику подходов к исследованию истории. Изменения в обществе обусловили и специфику развития японоведения в России (и изучения истории Японии) в XX–XXI вв.

В начале XX в. уже сложилась целая плеяда блестящих японоведов (Д. М. Позднеев, Е. Г. Спальвин, В. Я. Костылев, В. М. Мендрин, С. Г. Елисеев, Н. А. Невский, Н. В. Кюннер, Е. Д. Поливанов, Е. М. Жуков, Н. И. Конрад и др.). Высокому уровню профессиональной подготовки способствовали

¹ Подробнее см.: *Филиттов А. В.* Василий Яковлевич КОСТЫЛЕВ (из истории востоковедения и африканистики) // Народы Азии и Африки. 1987, №2. С. 53–58.

длительные стажировки в Японии — после «оставления при университете для подготовки к профессорскому званию» и проч.

Вступление в советскую эпоху обусловило постепенное становление марксистского (марксистско-ленинского) японоведения. Важно, что это происходило на прочном фундаменте уже сложившегося на рубеже веков отечественного японоведения. Но утрата кадров оказалась неизбежной и в связи с эмиграцией, и в связи с репрессиями как первых послереволюционных лет, так и 30-40-х гг. Весьма любопытно, хотя и грустно выглядят преобразования и бесконечные реорганизации востоковедных учреждений в те годы — на фоне марксистско-ленинского совершенствования сфер науки и образования (ситуация чем-то неуловимо напоминает ряд «новшеств» последних двух десятилетий). Ограничимся просто перечислением названий востоковедных заведений, существовавших в Петрограде–Ленинграде 20-30-х гг. (начиная с 1918 г.). Ряд из них был связан с единственным тогда в городе Университетом, другие существовали параллельно:

- Петроградский (затем Ленинградский) ИЖВЯ (Институт живых восточных языков);
- ЛВИ (Ленинградский Восточный институт), так в 1928 г. переименовали ЛИЖВЯ;
- ФОН (факультет общественных наук) Первого Петроградского университета;
- Ямфак (факультет языкознания и истории материальной культуры Ленинградского университета);
- ФИЛ (историко-лингвистический факультет Ленинградского университета);

• ЛИЛИ (Ленинградский историко-лингвистический институт);

• ЛИФЛИ (Ленинградский историко-философско-лингвистический институт), вскоре вошёл в состав литературного, лингвистического, исторического и философского факультетов Ленинградского университета;

• Филологический факультет Ленинградского университета — с 1934 г. остался в Ленинграде единственным востоковедным учебным заведением.

Впечатляет даже простое перечисление этих организаций. При этом ФВЯ более не существовало. Как ни удивительно, но он был возрождён, хоть и с трудом, в 1944 г.

К счастью, укреплению позиций востоковедения способствовало принятие в 1929 г. Совнаркомом (СНК) *«Декларации о задачах востоковедной науки»*, подчёркнувшей важность изучения Востока как будущего очага революций. В 1934 г. было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома *«О преподавании гражданской истории в школах СССР»*, что привело к усилению внимания к исторической науке и очередным реорганизационным новшествам. Подъём статуса истории как идеологической дисциплины способствовал созданию с сентября 1934 г. исторического факультета в Ленинградском университете. Тогда история Японии относилась к ведению появившейся на истфаке кафедры истории колониальных и зависимых народов — в сознании советских людей Восток воспринимался именно так. Соответственно, *на фоне этих постановлений, ключевое и идеологическое значение стали придавать и такой отрасли науки как востоковедение (для контраста отметим, что несмотря на международную ситуацию*

последних лет востоковедение *ныне* на грани ликвидации как науки). Впрочем, невзирая на постановления «партии и правительства», репрессии конца 1930-х гг. практически «обескровили» советское японоведение и привели к полной утрате опытного преподавательского состава (расстреляны Д. М. Позднеев, Е. Д. Поливанов, Н. А. Невский, К. А. Харнский и др.)¹. Поэтому становление «нового» марксистского японоведения и историографии Японии оказалось нелёгким процессом. Ко втор. пол. 30-х гг. некоторые успехи были всё же достигнуты прежде всего усилиями Н. И. Конрада (Япония: Народ и государство, 1923 г.) и Е. М. Жукова (История Японии, 1939 г.). Последний труд ознаменовал появление подлинно марксистской историографии Японии, а сам учебник играл роль базового пособия на протяжении многих десятилетий. Не утратил он своего значения и ныне: если даже классовый подход не очень моден среди отечественных историков — то в японской исторической науке воспринимается как вполне рациональный. Великая Отечественная война, Блокада Ленинграда, эвакуация стали очередным ударом по японоведению.

Однако, ещё до победы над Германией, в 1944 г., был воссоздан Восточный факультет Ленинградского университета, вновь (как и до революции) став самостоятельным и независимым от исторического и филологического. В те годы на Востфаке преподавал академик Н. И. Конрад, постоянно касавшийся в своих исследованиях истории Японии. С воссозданием факультета, в том же 1944 г. появилась кафедра

¹ См., напр.: Аллатов В. М. Репрессированные японисты // Япония. 1989: Ежегодник. М., 1991. С. 310–319.

средневекового и нового Востока. Несколькими годами позже, в 1949 г. с исторического факультета на Востфак перевели кафедру истории колониальных и зависимых стран, что привело к переходу и целого ряда преподавателей-историков, органично влившихся в новый коллектив. На их плечи как учёных-историков (далеко не всегда владевших восточным языком) легло тяжёлое бремя стать лидерами для востоковедов, которые ещё готовились историками стать. *Специальность «История Японии» с 1949 по 2008 гг., почти шесть десятилетий, относилась к ведению кафедры истории стран Дальнего Востока.* Кафедру до 1980 г. возглавлял китаист Геронтий Валентинович Ефимов (1906–1980) (кстати, не владевший китайским языком). Затем в 1980–1997 гг. кафедру возглавил снова историк-китаевед — Георгий Яковлевич Смолин (1930–2011). После чего кафедрой заведовал Борис Николаевич Мельниченко (1997–2006), а ныне — Владимир Николаевич Колотов (с 2006 г.).

С появлением кафедры истории стран Дальнего Востока в 1949 г. в качестве японоведов-историков начали работать Николай Васильевич Кюннер (1877–1955, приглашён академиком В. М. Алексеевым и Г. В. Ефимовым) и Давид Исаакович Гольдберг (1908–1982). Историкам-японоведам повезло — оба мэтра блестяще владели японским языком. С 1950 г. по окончании аспирантуры на кафедру как новый историк Японии пришла Любовь Васильевна Зенина — блестящий оратор, знаток японских реалий, с той поры и по сегодняшний день продолжающая работать на факультете (свыше 65 лет), став наставником для всех нынешних поколений японоведов-восточников. В 1970-1990-х гг. на восточном факультете преподавателями по истории и культуре Японии в разное время были:

Михаил Васильевич Воробьёв (1922–1995), Каринэ Генриховна Маранджян, Евгений Борисович Ковригин, Николай Борисович Цветков, Александр Юрьевич Сеницын, Алексей Михайлович Боголюбов и др. Вопрос о *кафедральной принадлежности профиля «История Японии»* несколько лет назад претерпел изменения. В целях консолидации сил японоведов факультета на восточном факультете было принято решение о создании нового структурного подразделения с 2008 г. — *кафедры японоведения*. Преподаватели истории Японии с кафедры истории стран Дальнего Востока (Л. В. Зенина, А. В. Филиппов, С. Х. Булацев, В. Ю. Климов, М. В. Строева) объединились в один коллектив с кафедрой японской филологии (В. В. Рыбин, Аракава Ёсико, И. С. Ибрахим, Н. Х. Исса, Н. К. Снежкова, Л. Ю. Хронопуло). За последние годы к составу кафедры японоведения присоединился ряд новых преподавателей (А. А. Борисова, В. В. Щепкин, А. В. Леленкова, Н. Е. Ковригин, Н. А. Маслова, Охира Рэйко), отметим, четверо из них — историки. В действительности, к кругу историков-японоведов востфака принадлежат ещё несколько человек с факультетской кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки — Е. М. Османов и М. Н. Малашевская (отчасти тяготеют к истории Японии и научные интересы заведующего этой кафедрой — Н. А. Самойлова). Однако, завершив обзор организационных структур, вернёмся к рассмотрению *тенденций, определявших развитие профиля «История Японии», начиная с середины XX в.*

Воссоздание Восточного факультета в 1944 г., усиление его кадрами историков соответствовало и тенденциям во всей стране. Новшеством в характере научной работы становится *проблемный подход*. На повестку дня выходят

комплексные обобщающие исследования, подготовленные на основе разработок по узкой конкретной тематике. Завидная стабильность научных, академических и учебных заведений (особенно — начиная с времён хрущёвской «оттепели») способствовала плановости и основательности в ведении научной работы. Плановая тематика научной работы, зачастую определяемая самим автором (особенно в Ленинграде), вне давления чиновников и при отсутствии системы грантов (часто дающей лишь «точечные» наработки какой-либо темы) — давали возможность ведения действительно фундаментальных научных исследований на протяжении десятков лет. Это ставило советскую науку (и историков Японии) на недосягаемый пьедестал по сравнению с достижениями «западных и американских товарищей». Всё это привело в том числе к всплеску в публикациях переводов исторических источников по Японии. Определённый консерватизм советской издательской сферы имел немало позитивного — советский период выделяет высочайшее качество продукции (редактура, подготовка текста, ответственность авторов, логика в структуре крупных изданий). Тиражи изданий, выходивших в СССР сейчас трудно даже представить себе — столь они были велики (нынешние 100–200 экз. почти любого научного издания заведомо загоняют науку в тупик). В период до начала «перестройки» (1950–1980-е гг.) историки-японисты были обеспечены добротной научной литературой — советское японоведение (включая историков) вышло на качественно новый этап. «История Японии» как научная специальность достигла зрелости и поступательно развивалась, росло число научных исследований, ряды преподавательских кадров, появлялись новые кандидатские и докторские

диссертации. Советские институты-университеты (в том числе ЛГУ им. А. А. Жданова) регулярно и эффективно готовили кадры японоведов для «стран народной демократии» — социалистического лагеря. К числу реально «проблемных моментов» можно было отнести разве крайне слабую вероятность даже краткого «пребывания в изучаемой стране». Историк-японовед высочайшего уровня, доктор исторических наук, сотрудник Института востоковедения АН СССР и преподаватель Ленинградского университета М. В. Воробьёв НИКОГДА не видел Японию воочию.

С начала перестройки и до рубежа XX–XXI вв. ситуация в японоведении (и в кругу историков Японии) вновь изменилась. Стало больше ощущаться влияние специфики региона, где расположено учебное заведение, на профиль изучаемой специальности (ранее отличия между историками-японоведами, выпускниками Ленинграда, Москвы и Владивостока были слабее). Так, развитию интереса к Японии в Петербурге активно способствовали Генеральное консульство Японии, Японский центр, Общество дружбы Россия–Япония (при Ассоциации международного сотрудничества С.-Петербурга). Возрос интерес к изучению японского языка, истории и культуры Японии на базе Университета культуры и искусств, Педагогического университета им. А. И. Герцена, частного Восточного института, Института Восточных рукописей РАН, Кунсткамеры и Эрмитажа, ряда библиотек нашего города (РНБ, БАН). Появились даже средние школы с преподаванием японского языка (№83 и №583), не считая многочисленных курсов по языку и культуре. Однако, лидером в подготовке именно по специальности «история

Японии» продолжал (и продолжает ныне) оставаться Восточный факультет СПбГУ.

В то же время, в целом в сфере высшего образования имелись «минусы» — кадровые потери (эмиграция и смена рода деятельности профессорско-преподавательского состава), проблемы финансирования. Внедрение системы грантов сказалось на независимости исследований, снизился интерес к научным исследованиям с расчётом на долгосрочную перспективу. Несмотря на «модную специальность» историка-японоведа — среди выпускников тяга к ведению научной работы по большей части отсутствовала. Стала остро ощущаться тенденция к утрате классического образования японоведа (и японоведа-историка) — образования, которое всегда выгодно отличало отечественных специалистов от бакалавров и магистров европейской и американской школ. Рассчитывать, что потери в уровне образования компенсируются технологиями и контактами с носителями культуры — весьма сомнительно.

Впрочем, появились и «плюсы», несколько сгладившие проблемные моменты — возможность повышения квалификации благодаря свободе контактов, стажировок и т. д. (при общем оттоке кадров), рост объёма печатной продукции по специальности (при сомнительном её качестве и научной ценности).

Самое начало 2000-х гг. неожиданно вновь принесло повышение интереса к научной работе. Появились желающие закончить аспирантуру, остаться преподавать в ВУЗах. Впрочем, это продолжалось недолго... В последние годы появились проблемы с защитой кандидатских и докторских диссертаций. Так, Диссертационный совет для защиты по трём востоковедным профилям при Восточном

факультете СПбГУ, созданный и десятилетиями действовавший трудами заслуженного академика М. Н. Боголюбова — с конца июля 2013 г. лишён прав рассматривать диссертации историков. Даже готовые, прошедшие обсуждение работы, не могут увидеть свет — ибо их не защитить. На ситуацию с защитой влияют сложности скорее бюрократические, чем объективные (напр., наличие обязательных публикаций, зачастую даже в непрофильных изданиях и т. п.). Наличие степени кандидата или доктора наук — отнюдь не пустая формальность. Вопросы защиты диссертаций в итоге порождают проблему преемственности кадров в процессе обучения и в научной работе историков-японистов. Как ни печально это звучит, но последняя кандидатская диссертация японоведа-историка была защищена на Восточном факультете в 2010 г. — М. В. Строевой. Уже несколько лет ждут шанса защиты две готовые работы выпускников факультета (речь именно об историках-японистах).

В завершение следует добавить нотку «оптимизма». Помимо фактически готовых к защите работ, прошедших обсуждение — на выходе и ещё несколько кандидатских диссертаций. Несмотря на сложности, историки-японисты продолжают вести научную работу и преподавательскую деятельность.

На сегодняшний день то самое «классическое образование японоведа» Востфака Университета всё-таки ещё не утрачено, стоит попытаться его сохранить.

ВОСПРИЯТИЕ «ЗЕМЕЛЬ АЙНОВ» В КНЯЖЕСТВЕ МАЦУМАЭ И ПРАВИТЕЛЬСТВЕ ЯПОНИИ ВО 2-Й ПОЛ. XVIII В.

Во второй половине XVIII в. произошла цепь событий, приведших в итоге к переводу земель айнов в 1799–1807 гг. под прямое управление центрального правительства Японии, что в целом обозначило начало восприятия этих земель как части японского государства. К ним относятся посещение северо-восточной оконечности Хоккайдо участниками российской экспедиции в 1778–1779 гг., первая японская правительственная экспедиция в земли айнов 1785–1786 гг., а также восстание айнов Кунашира и Мэнаси 1789 г. Ниже будут рассмотрены данные события и процесс изменения восприятия земель айнов сначала княжеством Мацумаэ, а затем центральным правительством Японии и столичными интеллектуалами.

В 1778–1779 гг. северо-восточную оконечность современного Хоккайдо посетили участники российской экспедиции на южные Курильские острова под руководством Д. Я. Шабалина и И. М. Антипина. В 1778 г. Д. Я. Шабалин встретился с чиновником княжества Мацумаэ Ниида Дайхати, исполнявшим должность экспедитора (яп. *уванорияку* 上乘役)¹. На предложение русских об установлении торговых отношений чиновник ответил, что не может приступить к ней «без позволения своего монарха». Тем не менее стороны условились «до указа японского государя... приходить российским и их,

¹ Экспедиторы направлялись княжеством Мацумаэ в отдаленные торговые участки, пограничные с Сахалином и Курильскими островами, для приобретения у местных айнов товаров, которые дом Мацумаэ монопольно приобретал и преподносил сёгуну в качестве редких даров — орлиные хвосты и шкуры каланов.

японским, судам на два десятый остров»¹ Кунашир. Согласно японским источникам, Ниида Дайхати сообщил русским, что «ответ сможет дать только летом следующего года на Итуруп»². Так или иначе, приезд русских на Кунашир или Итуруп считались допустимыми.

Весной 1779 г. Шабалин и Антипин отправились на встречу с японцами и 24 июня прибыли в Ноккамапу в северо-восточной оконечности Хоккайдо. Русские прождали японцев до 21 августа, после чего решили отправиться в расположенный южнее Аккэси. 26 августа Шабалин и Антипин встретились с капитаном японского судна, который зачитал им письмо «от Матмайского начальника». В нем в том числе говорилось, что если русские желают что-либо от японцев, то должны на следующий год ожидать посланное от него судно на Кунашир. При этом начальник запрещал приезжать впредь в Аккэси, «потому что Аткисская земля наше место и жительствоющие атаманы мохнатых курильцов от нас получают всякое платье, пшено, табак и другие вещи»³.

2 сентября тот же начальник японского судна вызвал Антипина и курильского переводчика Чикина и посоветовал им возвращаться в свое государство, отметив при этом, чтобы они не зимовали в Аккэси или на Кунашире⁴. 3 сентября русские, собравшись уезжать,

¹ Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. М.: Наука, 1989. С. 168.

² Цуко: итиран 通航一覽 (Обзор внешних сношений). Т. 7. Осака 大阪: Сэйбундо: сюппан 清文堂出版, 1967. С. 85–86.

³ Полонский А. С. Курилы. Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 4. СПб., 1871. С. 460.

⁴ Русские экспедиции. С. 193.

поднесли японцу подарки, на что тот ответил, что свои подарки он привезет на следующий год, «потому [что] мое судно шло сюда для торгу со здешними народами, а с вами для переговору и торгу шли посланные начальники главные, которых погоды не допустили»¹.

Упомянутые «главные начальники» все же приехали в Аккэси 5 сентября, а 9 сентября состоялись их переговоры с русскими. На вопрос об установлении торговли японские чиновники ответили, что «есть место Самур и там есть их бог, который с русскими знакомиться и торговать запрещает и для того, чтобы они на Кунашир и Иторпу (20 и 19 о.) неходили, а буде нужда их есть в пшене и вине, то посылали бы к ним с о. Урупа мохнатых курильцов, чрез которых обещались те японцы оные доставлять». Если же русские непременно хотят торговать, «то есть место Нагасаки, их же государства, где со всех сторон собираются народы и торг производят, тоб туда к торгу ходили»².

В приведенных выше словах японских чиновников мы можем увидеть определенные различия в позиции относительно посещения русскими Кунашира и Итурупа. В 1778 г. чиновник-экспедитор не высказывал никаких запретов и сам предложил встретиться для переговоров через год на Кунашире (на Итурупе — согласно японским источникам). Чиновник, который первым встретился с русскими в 1779 г. и зачитал им письмо от своего начальника, был, вероятно, Сибата Дзимбээ, судовой надзиратель (яп. *сэнтю: мэцукэ* 船中目付)³. В прочитанном

¹ Там же. С. 194.

² Полонский А. С. Указ. соч. С. 461.

³ Подробнее об этом см. Щепкин В. В. Экспедиция И. М. Антипина и Д. Я. Шабалина 1778–1779 гг. в российских и японских источниках //

письме и последующих словах чиновника мы видим запрет русским приезжать в Аккэси (то есть на Хоккайдо), в то время как проезд на Кунашир допускается (хотя и рекомендуется не зимовать там). Наконец, чиновники княжества Мацумаэ, направленные специально для переговоров с русскими, однозначно запрещают русским приезжать на Кунашир и Итуруп, рекомендуя в случае необходимости посылать за товарами айнов с о. Уруп.

К тому времени японцы не посещали Кунашир уже пять лет с 1774 г., когда местный айнский вождь Цукиноэ напал на судно японского купца Хидая Кюбээ и разграбил его (торговый участок на Кунашире был основан в 1754 г.). Итуруп японцы не посещали вообще, за исключением случайно занесенных течением рыбаков. Вероятно, озвученный запрет стал результатом определенных интриг Цукиноэ, который, с одной стороны, был проводником экспедиции Шабалина и Антипина, а с другой, хотел сохранить независимость как от русских, так и от японцев, и выступать посредником в торговле между ними.

Между прочим, несмотря на то, что еще в 1768 г. казачий сотник И. Черный приводил в подданство айнов Итурупа, а в 1778 г. Д. Я. Шабалин собрал ясак с 1500 айнов Итурупа, во время переговоров 1779 г. на вопрос японцев о целях посещения русскими Урупа Антипин ответил, что «на Курильской остров Уруп для курильцов ходим, на которой приходят и жительствоуют наши верноподданные курильцы шестаго на десять острова, с коих збираем в казну ясаки и торгуемся шитыми платьями и протчими, где и

зимовку судном имеем и промышляют наши люди бобров сетками, ис коих делаем себе одежду, а с мохнатыми курильцами никакого торгу и вымену ни на что не имеем»¹. То есть, на Уруп русские приезжали для сбора ясака с айнов Симушира, находившихся там для промыслов, а с айнами Итурупа и Кунашира никаких отношений не имели.

Таким образом, на момент переговоров между русскими и японцами в 1778–1779 гг. айны Кунашира и Итурупа сохраняли независимое положение. Уруп при этом являлся своего рода контактной зоной русских и айнов южных Курил, а северо-восточная оконечность Хоккайдо (торговые участки Киитаппу и Аккэси) — контактной зоной японцев и айнов южных Курил. Цукиноэ благодаря японцам смог добиться запрета на приход русских на Кунашир и Итуруп. В то же время данный запрет, как и сами переговоры в целом, обозначили начало перемен в восприятии чиновниками княжества Мацумаэ северо-востока Хоккайдо, Кунашира и Итурупа как пограничных территорий, прилегающих к России.

Что касается центральной Японии, то там вплоть до 1780-х гг. господствовали представления о землях айнов как об иностранном государстве. Так, Кудо Хэйсукэ (1734–1801) писал: «Чтобы увеличивать мощь [государства], важнейшим [условием] является ввозить богатства других стран в нашу страну. [...] Таким образом, чтобы увеличить мощь Японии, не остается ничего другого, кроме как разрабатывать рудники Эдзо и увеличивать количество добываемых там товаров»². Другой известный мыслитель

¹ Русские экспедиции. С. 197.

² Кудо Хэйсукэ 工藤平助. Камусасука коку фуэсэцуко: 加模西葛杜加国風説考 (Изучение слухов о Камчатке) // Ивасаки Наоко. Акаэдзо

Хаяси Сихэй в своем трактате «Общий обзор трех стран» предлагает разное видение вопроса о землях айнов:

Если рассматривать Кумаиси пределом японских земель, как это было сделано выше, то Эдзо нужно считать иностранным государством. Это мягкая, но правдивая позиция. Однако если поразмыслить глубже, то пределом японских земель следует считать Соя, Сирануси и остальной крайний север Эдзо. Это позиция, согласно которой Эдзо входит в территорию Японии¹.

В 1785–1786 гг. земли айнов посетила первая японская правительственная экспедиция. Одной из причин отправки экспедиции стали слухи о нелегальной торговле между княжеством Мацумаэ и русскими². Слухи эти не подтвердились, однако подозрения сохранялись, поскольку вожди айнов рассказали членам экспедиции, что власти княжества Мацумаэ и купцы-откупщики запрещали айнам рассказывать о контактах с русскими под угрозой расправы

фусэцуко: но кэнкю: 赤蝦夷風説考の研究 (Исследование «Акаэдзо фусэцуко») // Хэйсэй 18–20 нэндо кагаку кэнкюжи ходзёкин кэнкю: сэйка хоккокусё 平成 18~20 年度科学研究費補助金研究成果報告書 (Отчет о результатах исследования по научно-исследовательскому гранту на 2006–2008 гг.). Киото 京都, 2009. С. 8–20.

¹ «Эдзо си» («Описание Эдзо») Хаяси Сихэя (вступительная статья и перевод с японского языка В.В. Щепкина) // Письменные памятники Востока, 2011, №1 (14). С. 5–17.

² Подробнее об этом см. Щепкин В. В. Первая японская правительственная экспедиция в земли айнов (1785–1786 гг.) // Страны и народы Востока. Вып. XXXV. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2015. С. 371–390.

и прекращения торговли. Также айны поведали, что русские ежегодно приезжают на Уруп, где торгуют парчой, ситцем и сахаром¹.

Характеризуя территории на Хоккайдо, прилегающие к Курильским островам и Сахалину, члены экспедиции, а вслед за ними и чиновники центрального правительства употребляли по отношению к ним такие термины, как «место переправы» (яп. *ватаригути* 渡口) или «проход» (яп. *цу:рогути* 通路口)². Тем самым подчеркивался их потенциал как мест, связывающих Японию с Камчаткой (Россией) и Приамурьем (яп. *Сантан* 山丹). В этом находит свое отражение изначальная установка экспедиции на изучение возможности торговых отношений на севере Японии.

Однако в 1786 г. в Японии произошла смена власти: одного из инициаторов экспедиции Танума Окицугу (1719–1788) сменил на посту главы правительства Мацудайра Саданобу (1758–1829), который поначалу относился пассивно к вопросу освоения земель к северу от Японии. Экспедиция была свернута, ее участникам даже не дали возможности представить свои отчеты. Однако не прошло и трех лет, как Мацудайра Саданобу был вынужден обратить внимание на северные пределы своего государства.

В 1789 г. произошло восстание айнов Кунашира и Мэнаси, вызванное жестокостью работников торгового дома Хидая Кюбээ, нанимавших айнов для вылова рыбы и заготовки удобрений. Центральное правительство Японии,

¹ Эдзоти иккэн 蝦夷地一件 (Дело о землях Эдзо) // Син Хоккайдо: си-но-хэйдо-ши (Новая история Хоккайдо). Т. 7. Источники (1). Саппоро 札幌: Губернаторство Хоккайдо 北海道, 1969. С. 340–341.

² Эдзоти иккэн. С. 327, 329.

узнав о восстании, обеспокоилось возможным сближением населения Кунашира и Мэнаси с русскими¹. Среди японцев даже прошел слух о том, что русские, возможно, подстрекали айнов к восстанию. Чтобы разобраться в ситуации непосредственно, бакуфу направило в земли айнов одного из членов правительственной экспедиции 1785–1786 гг. — Аосима Дзюндзо. На представленный последним отчет, в котором он приходил к выводу, что основными причинами восстания стали принудительный низкооплачиваемый труд и жестокое обращение со стороны работников торгового дома Хидая Кюбээ и вассалов княжества Мацумаэ, Мацудайра Саданобу ответил весьма интересной запиской. В ней он задал вопросы: «Какими островами ограничиваются земли айнов, подчиненные Мацумаэ? Почему, хотя остров Ракко и входит в земли, подчиненные Мацумаэ, на нем не организованы торговые пункты и сторожевые посты?»². В другой записке, говоря о торговых делах откупщика Хидая Кюбээ, он употребляет слова «иностранное государство» (яп. *гайкоку* 外国) по отношению к землям айнов³.

Однако чиновники княжества Мацумаэ в своей переписке с центральным правительством употребляли другие термины по отношению к землям айнов. Так, в проекте реформы управления землями айнов, преподнесенном бакуфу после подавления восстания, говорится о том, что княжество впредь намерено не передавать на откуп торговые участки на окраине земель айнов и направлять вассалов княжества для охраны

¹ Там же. С. 437–507.

² Там же. С. 458–459.

³ Там же. С. 437.

пограничных с иностранным государством земель (яп. *икоккё*: 異国境)¹. В другом документе чиновники Мацумаэ подробно разъясняют, какие именно земли они имеют в виду:

В 1604 г. [княжеством] была получена лицензия с черной печатью на управление страной, [которая] включала Мацумаэ и земли айнов. [...] Под землями айнов [имелись в виду] земли, продолжающиеся на восток, север и запад от Мацумаэ, границей между землей страны и землями айнов были места под названием Оясу на востоке и Кумаиси на западе, для охраны там были учреждены сторожевые посты. [...] Что касается окраинных земель на западе и на востоке, они постепенно осваивались со времени правления вышеупомянутого Ёсихиро: в западных землях айнов Соя — в годы Дзёкё (1684–1687), в восточных землях айнов Аккэси — в годы Канъэй (1624–1645), Киитаппу — в годы Гэнроку (1688–1704), Кунашир — в годы Хорэки (1751–1764), и сейчас в вышеуказанные места отправляются торговцы. [...] Все земли, населенные айнами, включая, конечно, Карафуту, Итуруп и Уруп, пусть в них и не ведется торговля, составляют владения Сима-но ками. Упомянутые земли являются пограничными с иностранным государством, и подчинены ли они также иностранному государству, выяснить сложно. Ткани, что приносят айны Карафуту, выглядят так, словно изготовлены в иностранном государстве. Поскольку земли айнов обширны, граница с

¹ Там же. С. 490–491.

иностранными государствами до сих пор не была установлена¹.

Высказанные в данном документе положения являются весьма расширенным толкованием лицензии с черной печатью Токутава Иэясу, которая лишь предоставляла дому Мацумаэ право на контроль над торговыми отношениями между японцами и айнами и ничего не сообщала о подвластных ему территориях². Однако к концу XVIII в. под влиянием приездов русских и айнского восстания эта позиция, очевидно, стала общепринятой в княжестве Мацумаэ, а затем была воспринята и центральным правительством Японии.

¹ Там же. С. 482–483.

² Перевод лицензии на русский язык см. Позднеев Д. М. Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материкам Азии и России. Т. 2. Ч. 1. Отношения к народам Маньчжурии и данные по истории Мацумаэского клана. Токио: Тоё: инсацу кабусики кайся, 1909. С. 142.

РОЛЬ ЯПОНСКОЙ ВОЕННОЙ МИССИИ В ХАРБИНЕ В ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВКАХ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В МАНЬЧЖУРИИ: 1932–1945 ГГ.

Японская военная миссия в Харбине (далее ЯВМ. — прим. автора) была создана в 1918 г. С этого времени она начала вести свою разведывательную деятельность в Маньчжурии. Активно она взаимодействовала как с маньчжурами, так и с китайцами, но особую роль в её работе играли русские¹. После окончания гражданской войны в России деятельность ЯВМ продолжилась. Её деятельность активизировалась после создания в 1932 г. Маньчжоу-Го. Руководители ЯВМ ставили большую ставку на роль русской эмиграции в построении нового государства в Маньчжурии и в предстоящей войне против СССР. В нашей небольшой статье рассмотрим то, как развивалась политика японских властей, на примере ЯВМ в вопросе идеологических установок для русской эмиграции; какие задачи и цели ставили японские военные в период существования Маньчжоу-Го и Маньчжу-Ди-Го; а также к каким итогам пришла ЯВМ в конце своего существования.

В первые годы японской оккупации Маньчжурии активную работу с эмигрантами вел Акикуса Сюн, который с 1931 г. занимал должность заместителя начальника ЯВМ, а также был начальником русского отдела ЯВМ. Акикуса считал, что русскую эмиграцию необходимо объединить, для того чтобы её можно было использовать в антисоветских восстаниях и диверсиях на советской территории. Главой же русской эмиграции, по мнению

¹ Полутов А.В. Японские военные миссии в Маньчжурии, Сибири и на Дальнем Востоке России (1918-1922 гг.) // Вестник ДВО РАН (Владивосток). 2012. №4. С. 72.

майора Акикуса, должен был быть атаман Семенов. При содействии ЯВМ в 1935 г. было создано Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии. В это время Акикуса уделял особое внимание русским фашистам во главе с Родзаевским и всячески их поддерживал. Русских эмигрантов в это время привлекали для диверсий против Советского Союза. В 1937 г. Акикуса Сюн был переведен на другие должности, после этого делами идеологических установок в основном занимались сами начальники ЯВМ¹.

С началом Второй мировой войны начальники ЯВМ стали выступать с публичными заявлениями в русской эмигрантской периодической печати: журналы «Рубеж», «Луч Азии», «Друг полиции», газеты «Харбинское время», «Голос эмигрантов».

В 1940–1943 гг. начальником ЯВМ был Янагита Гэндзо². В 1941 г. журнал «Рубеж», издававшийся в Харбине, выпустил материал, посвященный начальнику ЯВМ. Материал представлял собой биографию заслуженного генерала, а также интервью с ним. Все было подано в восторженных тонах: например, в статье приводятся довольно примечательные слова о генерале: «Чутко и заботливо относится ген. Г. Янагита к нуждам населения, способствуя осуществлению идеи дружного сотрудничества на общее благо всех народностей, населяющих страну,

¹ Справка 2-го отделения 1-отдела УНКШБ по Хабаровскому краю на начальника японской военной миссии в Харбине генерал-майора Акикусу Шун // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Том 6. Победа. М.: Кучково поле, 2015. С. 219-224.

² Японские имена нами даются по правилам японской письменности – сначала фамилия, затем имя. В цитируемых эмигрантских источниках наоборот.

устроению их духовного и материального благополучия. [...] Особенно любим и уважаем ген. Г. Янагита русской эмиграцией, к которой он относится с исключительным доброжелательством, симпатией и заботливостью. Многочисленные проявления доброго отношения ген. Г. Янагита к эмиграции у всех на виду, — о них говорят все деяния начальника миссии. Он, действительно, является верным и искренним другом русских эмигрантов»¹.

В своем интервью Янагита ясно указывает цели и задачи российской эмиграции в Маньчжурии. В частности, он говорит в своем интервью: «Русские эмигранты продолжают стойко отстаивать антикоммунистические идеалы, оставаясь непримиримыми к коммунизму и воспитывая в этом духе и свою молодёжь». Живя здесь, в Маньчжу-Ди-Го, русские эмигранты, пользуясь равными правами с остальными населяющими страну народностями, упорно трудятся и принимают участие в общем строительстве государства. Эта стойкость русской эмиграции и привлекает к ней наши симпатии». Касаясь отношения русской эмиграции к японскому командованию Янагита отметил, что русская «эмиграция должна всегда верить нам, верить в искренность наших добрых отношений к ней, в готовности помочь ей и, вместе с тем, должна исполнять свой долг среди пяти народностей страны и являться примером лучших граждан государства. Среди эмиграции часто возникают ложные неосновательные слухи, но это может быть потому, что она не имеет ещё достаточно крепкой духовной базы и душевного спокойствия. Над этим положением эмиграция

¹ Генерал Г. Янагита о себе и о российской эмиграции // Рубеж (Харбин). 1941. №12 (658). С. 6–8.

должна сама хорошенько подумать и не придавать значения различным слухам. Они рождаются от душевных колебаний, а чтобы изжить эти колебания, эмиграция должна быть крепкой и единой»¹. Из всего сказанного в своем интервью журналу «Рубеж» генералом Янагитой можно выделить то, что он призывал русскую эмиграцию исполнить свой долг по «строительству» Маньчжу-Ди-Го, быть единой и верной Японской Военной Миссии и Главному Бюро по делам российской эмиграции (далее ГБРЭМ. — прим. автора) в Маньчжурии.

8 июня 1941 г. в Харбине произошло важное общественное мероприятие — открытие памятника борцам с Коминтерном. Прежде всего, памятник был посвящен белым воинам и Михаилу Натарову, павшему в боях с Красной Армией в ходе номонханского инцидента в августе 1939 г.² В открытии памятника принимали участие официальные лица, которые играли важную роль в среде русской эмиграции. Это начальник ГБРЭМ генерал кавалерии В. А. Кислицин, представитель от воинского соединения армии Маньчжу-Ди-Го — отряда «Асано», где служили русские эмигранты, — подполковник Гурген Наголян. Также присутствовал начальник Японской Военной Миссии генерал Янагита Гэндзо, который выступил с речью. Приведем наиболее важные моменты: «Мир оказался в настоящий момент в полосе неопределенности и внезапных перемен. Европейская война, в своем неизбежном расширении охватила Ближний

¹ Там же.

² Имеется ввиду вооруженный конфликт вблизи реки Халхин Гол в мае — августе 1939 г. между советско-монгольскими войсками с одной стороны и японо-маньчжурскими с другой.

Восток. Но в Восточной Азии, через расцвет и рост Ниппон и Маньчжу-Ди-Го, неуклонно приближается к заветной цели дело установления новой, справедливой системы межгосударственных отношений»¹. Из этой части речи можно отметить, что в ней затронуты важнейшие международные события. Уже второй год идет мировая война, которую Янагита называет «Европейской», так как нацистской Германии противостояла тогда только одна Великобритания. В своей речи генерал особый упор делает на роли Японии и Маньчжу-Ди-Го в Юго-Восточной Азии — стремлении создать Японией новый порядок в этом регионе. В продолжение своих мыслей Янагита отмечает, что «быть может, мы и запоздали в выполнении нашего святого долга перед погибшими, но никогда не поздно то, что освещает значение создания Маньчжу-Ди-Го и пропагандирует великую идею «хакко ити-у» — мир под одной крышей»². В этой паназиаатской идеологии особо отмечалась главенствующая роль Японии при «Новом порядке». В этом же духе генерал продолжил свою речь: «Теперь, через десять лет после основания Маньчжурской Империи, на несокрушимом фундаменте покоится ее правовой порядок, растет хозяйство и крепнет государственная мощь. Одновременно с этим, несравнимо поднялся и международный авторитет Империи среди других держав мира. В этом поразительном успехе, за столь короткий промежуток времени, немалую роль сыграли и российские эмигранты, нередко жертвовавшие своими жизнями для прогресса Азии и устроения жизни на

¹ Открытие памятника борцам с коминтерном // Луч Азии (Харбин). 1941. №6 (82). С. 29-32.

² Там же.

справедливых принципах Ван-Дао и дружественного единения наций...»¹.

События 22 июня 1941 г. не привнесли особо новых изменений в идеологических установках ЯВМ, но японскому командованию необходимо было теперь говорить о советско-германском фронте и готовить русскую эмиграцию к предстоящей войне с Советским Союзом. Незадолго до нападения Германии на Советский Союз в Маньчжурии прошел съезд руководителей русской эмиграции в Маньчжу-Ди-Го, который проходил в отеле «Ямато», на нем вначале выступил начальник ГБРЭМ генерал В. А. Кислицин. В своей речи он подчеркнул исключительное благожелательное отношение к российской эмиграции японского военного командования. Далее выступил начальник ЯВМ генерал Янагита, который «отметил значение российской эмиграции, ее исключительную важность в мировой обстановке, необходимость сплочения ее вокруг руководящего эмигрантского Органа — Главного Бюро». Закончил свою речь генерал такими словами: «В последнее время темные элементы распространяют различные безосновательные и ложные слухи, но нужно твердо помнить, что политика Маньчжу-Ди-Го, в соответствии с основной идеей маньчжурской государственности, не изменится никогда»². Это последнее заявление было вызвано подписанием договора о ненападении между СССР и Японией, что вызвало определенную волну недовольства и разочарования среди русской непримиримой эмиграции. Но эта неопределенность еще больше стала запутанной, из-за

¹ Там же.

² Там же. С. 33.

начавшейся войны Германии против СССР, в которой Япония не участвовала. Тем не менее, японское командование всячески намекало русской эмиграции, что Советский Союз остается главным врагом и рано или поздно война между Японией произойдет, и в ней эмиграции будет дана своя особая роль. В этой связи велась работа с руководством ГБРЭМа, а также с казачьей эмиграцией. Так 15 октября 1941 г. прошел казачий съезд в Хайларе. На этом съезде присутствовал генерал А. П. Бакшеев (доверенное лицо атамана Семенова. — прим. автора), а также начальник ЯВМ в Хайларе генерал Суганами. Генерал Бакшеев говорил про начавшееся «крушение демократизма в мире и гибель коммунизма на нашей Родине России», в частности он заявил: «Порабощенные народы России хотят видеть в этом знамении Всевышнего — новый строй новой Национальной России. Эти неожиданные мировые события и вам, захинганцы, диктуют быть готовыми к любой жертвенности, а потому необходимо еще больше возвысить дух, закалить тело для подвигов, для борьбы с порабощателями. Внутренние и внешние условия как никогда способствуют этому успеху борьбы». Генерал Суганами продолжил: «Все ваши помыслы и энергия должны быть направлены к созданию самой твердой спайки среди эмиграции, к проявлению строгой лояльности к народам страны, где вы живете, и к активной борьбе с общим врагом — коммунизмом во всех проявлениях»¹. 27 ноября 1941 г. в Харбинском железнодорожном собрании прошел «Бал российских дружинников». На этом бале присутствовали представители ЯВМ во главе с генералом

¹ Казачий съезд в Хайларе // Луч Азии (Харбин). 1941. №10 (86). С. 33.

Янагитой. Бал должен был служить укреплению русско-японской дружбы, готовности русских дружинников защищать «новый порядок» и выполнять трудовую повинность¹.

Первоначально японское командование планировало и готовило русскую эмиграцию к войне против Советского Союза, но после поражений немецких войск под Москвой в ноябре — декабре 1941 г. отложило идею нападения на Советский Союз, а затем и вовсе отказалось. Для Японии главным врагом оказались США и Великобритания. После нападения японской палубной авиации на Перл-Харбор 7 декабря 1941 г. началась новая война для Японии, получившая официальное название Великой Восточноазиатской войны. ЯВМ в Харбине и её филиалам в Маньчжурии оставалось только объяснять новые цели перед русской эмиграцией, но не забывались и старые.

По инициативе ЯВМ 21 июля 1942 г. в отеле «Нью-Харбин» прошло совещание по вопросам воспитания русской молодежи Маньчжу-Ди-Го. С речами выступили начальник ЯВМ генерал-майор Янагито Гэндзо и начальник ГБРЭМ генерал В. А. Кислицин. Генерал Янагита в своей речи активно акцентировал внимание на правильном воспитании молодежи — молодое поколение должно всемерно поддерживать Японию и Маньчжу-Ди-Го. Отметим наиболее важные его заявления: «В связи с быстротемпным развитием мировых событий имеет исключительно важный характер воспитание молодежи на принципах обновления духа». Далее генерал отметил, то что, по его мнению, играет большую роль в воспитании

¹ Аргус Смотр молодежи Харбина. Бал русских дружинников // Рубеж (Харбин). №10 (724). С. 18.

молодежи — это введение военного обучения в российских эмигрантских школах, а также проведение летнего военного лагеря, «в котором российская эмигрантская молодежь получила военную предварительную подготовку, показав блестящие успехи, что меня очень порадовало». В своей «инструктивной речи» генерал Янагита пытался связать мировые события и ту роль, которую должна играть российская молодежь, живущая в Маньчжурии. В своем выступлении перед эмигрантским руководством Янагита говорил: «В настоящее время в Восточной Азии Японской Империей ведется борьба за построение нового, светлого порядка, дающая исключительный, небывалый в истории результат. [...] Российские эмигранты должны быть участниками ведущейся священной борьбы, и помнить, что, участвуя в борьбе, они тем самым делают большой шаг вперед для достижения своей национальной цели [...]. Российская молодежь, родившаяся для созидательной работы в такой исторический и критический момент, должна в будущем принять участие как святая сила будущей великой созидательной войны». Обращаясь к руководству ГБРЭМ Янагита сказал: «Я прошу вас, когда вы приступите к воспитанию молодежи, стойте на передовой линии работы и показывайте первый пример, для того чтобы молодежь была трудолюбивой, честной, храброй, а также исполняющей полученные задания, и хорошо понимающей современное международное положение, не поддающейся провокации третьих государств, не поступающей легкомысленно, обладающей крепким антикоммунистическим духом и жертвенным характером». В ответной речи генерал В. А. Кислицин сказал: «Мы, старшее поколение эмиграции, желаем видеть нашу молодежь воспитанной в национальном духе, в духе

преданности идеалам Святой Православной Руси, в духе сознания священного долга — борьбы с Коминтерном и его союзниками — англосаксами, с которыми доблестные армии и флот Великой Японской Империи ведут героическую борьбу за торжество нового, светлого порядка в мире»¹.

В марте 1943 г. сменилось командование ЯВМ, новым начальником стал генерал-майор Дои Акио, который продолжил политику своего предшественника. 16 марта 1943 г. на вокзал прибыл поезд с новым начальником ЯВМ. Ему была устроена торжественная встреча. В этот же день генерал-майор Дои вместе с высшими чинами ЯВМ принял начальника ГБРЭМ генерала В. А. Кислицина. На встрече присутствовали и журналисты. Начальник ЯВМ, обращаясь к начальнику ГБРЭМ генералу Кислицину дал следующие указания: «Мне известно, что вы, как глава российской эмиграции в Маньчжурской империи и Квантунской области хорошо понимали цели нашей армии, стремились к объединению всех российских эмигрантов и постепенно достигли в этом отношении успехов. Этим фактом я чрезвычайно доволен. Безусловно, в направлении руководства нашей армии российской эмиграцией не предстоит никаких изменений. Поэтому, точно выполняя мои приказы, относитесь ко мне так, как вы относились к прежнему начальнику Военной Миссии и храня доверие к Японской Императорской армии. Повышайте антикоммунистический дух. Стремитесь к полному объединению всей эмиграции вокруг Бюро. Сохраняйте

¹ Великие цели перед российской эмигрантской молодежью и ответственные задачи ее воспитания // Голос эмигрантов (Харбин). 26 июля 1942. №31 (219). С. 7.

простоту в жизни и твердость. И также я искренне желаю, чтобы вы являлись примером образцового руководителя в антикоммунистической борьбе». В ответном слове генерал В. А. Кислицин заявил: «Возглавляемая мною российская эмиграция считает себя целиком в распоряжении Императорского военного командования и всегда готова выполнить свой долг благодарности перед ним. Главное Бюро по делам российских эмигрантов руководит деятельностью эмигрантов по указаниям Императорской военной миссии в Харбине, строго выполняя все ее распоряжения»¹.

Основные же установки для российской эмиграции начальник ЯВМ, генерал-майор Дои Акио сделал 26 марта 1943 г. ? выступая перед журналистами. В своей речи он призывал русскую эмиграцию помогать Японии в «Великой священной войне». По своему содержанию его речь выдержана в чисто милитаристских и пропагандистских тонах. К эмигрантам он обратился с таким призывом «Я надеюсь, что все российские эмигранты будут еще более укреплять тесную, объединенную работу вокруг Главного Бюро и еще более активно содействовать важным задачам в деле устройства Нового порядка на Востоке Азии и в непрестанной борьбе с Коминтерном... Задачей российских эмигрантов в данных условиях является сохранение ясной, неколеблющейся и ответственной позиции, чтобы не поддаваться различным провокаторским обращениям, прекращать в корне всякие вздорные слухи, сокрушать все

¹ Начальник Ниппонской Императорской военной миссии генерал-майор А. Дои прибыл в Харбин // Луч Азии (Харбин). 1943. №3 (103). С. 57.

попытки темного англосаксонского вмешательства и довести до победного конца борьбу против Коминтерна»¹.

События на тихоокеанском фронте складывались не в пользу Японии. На восточном фронте — не в пользу союзника Японии, Германии. Из-за этого все больше внимания в обращении и инструкциях по пропаганде в отношении русской эмиграции в Маньчжурии уделялось «Великой Восточноазиатской войне», про грядущую войну с Советским Союзом вообще не упоминали. Так в начале 1944 г. в новогоднем обращении к русской эмиграции Дои заявил: «Российские эмигранты, принадлежащие к семье народов Маньчжу-Ди-Го, должны также участвовать в этой величественной Священной войне, проводя основной принцип “делить вместе с Японией и Маньчжу-Ди-Го радость и горе, и жизнь и смерть”»². К этому времени вся жизнь русских эмигрантов была милитаризована. Еще в конце 1943 г. стали создаваться Русские воинские отряды армии Маньчжу-Ди-Го (далее РВО. — прим. автора) по примеру отряда «Асано». В создании РВО активное участие приняла Японская Военная Миссия, в особенности в идеологических установках. Согласно основным указаниям Квантунской армии сотрудники ЯВМ должны были участвовать в подготовке, наборе и в делах резерва РВО. Особый упор делался на то, что ЯВМ должна поддерживать моральный дух бойцов³.

¹ Слово начальника Ниппонской военной миссии генерал-майора А. Дои // Друг полиции (Харбин). 1943. №5 (63). С. 1–2.

² К решительной победе над врагом. Новогоднее заявление начальника Императорской военной миссии А. Дои // Луч Азии (Харбин). 1944. №1 (112). С. 1.

³ Основные указания разведотдела Квантунской армии об увольнении из белоэмигрантских воинских частей в Маньчжурии. 10 января

Для поддержания морального духа новобранцев в РВО были проведены отрядные праздники. 6 мая (день Св. Великомученика Георгия Победоносца) 1944 г. в Сунгарийском отряде, а 22 мая (день Св. Николая Чудотворца) 1944 г. в Ханьдаохэцзском. На этих мероприятиях присутствовал представитель ЯВМ подполковник Маэда, который зачитал обращение к чинам отрядов начальника ЯВМ, генерал-майора Дои Акио, который по каким-то причинам не смог присутствовать. В тексте речи снова звучали нотки про «Великую Восточноазиатскую войну». Дои призывал еще больше «проникнуться духом жизни и смерти вместе с Японской и Маньчжурской империями», крепить железную спайку, повышать свои военные знания, равняться на командира. Его речь дополнил новый начальник ГБРЭМ, генерал Л. Ф. Власьевский: «Переживаемое время характеризуется борьбой — упорной, настойчивой и жестокой. Смысл этой борьбы вам ясен и понятен. Здесь на востоке она ведется Японской империей во имя справедливости, за новую светлую, радостную и свободную жизнь — за новый порядок. Она ведется против гнета и жестокой эксплуатации, с носителями и проводниками мирового зла — англосаксами. Она ведется за полнокровную национальную жизнь народов, против коммунизма и его разлагающего влияния. Ведущаяся восточноазиатская война таит большие возможности для нас, российских эмигрантов, открывая перед нами светлые желанные горизонты». Таким

1944 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 1. Вперед на Запад (1 января — 30 июня 1944 г.), М.: Кучково поле, 2007. С. 593–594.

образом, главным врагом были англосаксы, а уже затем говорилось о необходимости борьбы с коммунистическим режимом¹.

В последний раз Дои Акио появился на публике 25 января 1945 г. на медицинском осмотре юношей призываемых в РВО. Начальник ЯВМ ознакомился с ходом работы комиссии, вместе с полковником Асано Макото и подполковником Г. Х. Наголяном задал вопросы призываемым новобранцам о целях «Великой Восточноазиатской войны». Как сообщает эмигрантская пресса, он остался доволен ответами. В конце своего недолгого пребывания он высказал пожелание молодым новобранцам об успешной службе в русских воинских отрядах, после чего отбыл к себе обратно². В феврале 1945 г. Дои Акио был переведен на должность начальника штаба 13-й армии в Шанхае. На посту начальника Японской Военной Миссии в Харбине его сменил генерал-майор Акикуса Сюн³.

Акикуса никаких публичных заявлений не делал. Более того всякая пропагандистская деятельность фактически была свернута. В июле были распущены и РВО армии Маньчжу-Ди-Го. Всё это поспособствовало активизации

¹ Торжества в Сунгарийском и Ханьдаохэцзском Российских воинских отрядах армии Маньчжу-Ди-Го // Луч Азии (Харбин). 1944. № 6 (117). С. 58–59.

² Российская эмигрантская молодежь — под воинские знамена // Луч Азии (Харбин). 1945. №3(129). 1945. С. 18–20.

³ Справка 2-го отделения 1-отдела УНКШБ по Хабаровскому краю на начальника японской военной миссии в Харбине генерал-майора Акикусу Шюн // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Том 6. Победа. М.: Кучково поле, 2015. С. 219.

просоветских настроений среди эмиграции и полному провалу всей пропаганды и идеологических установок ЯВМ по итогам советско-японской войны августа 1945 г. Русских эмигрантов уверяли в необходимости помогать Японии и Маньчжу-Ди-Го в борьбе с англосаксонским миром, а уже затем с коммунистическим режимом в России. При том на первое ЯВМ делала больший упор в последние годы. В результате всех этих изменений большая часть русской эмиграции не поддержала Японию и её союзников, оставаясь во многом равнодушной, из-за чего произошел быстрый крах власти на местах, и советским вооруженным силам пришлось прилагать меньше усилий в последней схватке во Второй мировой войне.

Источники:

1. Аргус Смотр молодежи Харбина. Бал русских дружинников // Рубеж (Харбин). №10 (724).
2. Великие цели перед российской эмигрантской молодежью и ответственные задачи ее воспитания // Голос эмигрантов (Харбин). 26 июля 1942. №31 (219).
3. Генерал Г. Янагита о себе и о российской эмиграции // Рубеж (Харбин). 1941. №12 (658).
4. К решительной победе над врагом. Новогоднее заявление начальника Императорской военной миссии А. Дои // Луч Азии (Харбин). 1944. №1 (112).
5. Казачий съезд в Хайларе // Луч Азии (Харбин). 1941. №10 (86).
6. Начальник Ниппонской Императорской военной миссии генерал-майор А. Дои прибыл в Харбин // Луч Азии (Харбин). 1943. №3 (103).

7. Основные указания разведотдела Квантунской армии об увольнении из белоэмигрантских воинских частей в Маньчжурии. 10 января 1944 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 1. Вперед на Запад (1 января — 30 июня 1944 г.). М.: Кучково поле, 2007.
8. Открытие памятника борцам с Коминтерном // Луч Азии (Харбин). 1941. №6 (82).
9. Российская эмигрантская молодежь — под воинские знамена // Луч Азии (Харбин). 1945. №3(129). 1945.
10. Слово начальника Ниппонской военной миссии генерал-майора А. Дои // Друг полиции (Харбин). 1943. №5 (63).
11. Справка 2-го отделения 1-отдела УНКШБ по Хабаровскому краю на начальника японской военной миссии в Харбине генерал-майора Акикусу Шун // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Том 6. Победа. М.: Кучково поле, 2015.
12. Торжества в Сунгарийском и Ханьдаохэцзском Российских воинских отрядах армии Маньчжу-Ди-Го // Луч Азии (Харбин). 1944. № 6 (117).

Литература:

1. Полутов А. В. Японские военные миссии в Маньчжурии, Сибири и на Дальнем Востоке России (1918–1922 гг.) // Вестник ДВО РАН (Владивосток). 2012. №4.

КУЛЬТУРА ЯПОНИИ: СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТРАДИЦИЙ

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ ГЕРБОВ ВОЕННОГО СОСЛОВИЯ В ЭПОХУ ЭДО*

Эпоха Эдо 江戸時代 (1603–1868) ознаменовалась рядом коренных изменений в политической, экономической и социальной сферах жизни японского общества, которые оказали значительное влияние не только на состояние геральдики в данный период, но и на формирование геральдической системы в целом.

Прекращение крупномасштабных боевых действий после Осакской кампании (яп. *Оосака-но дзин* 大阪の陣) 1615 г., закончившейся уничтожением рода Тоётоми 豊臣氏¹, сыграло большую роль в функциональной эволюции геральдической системы [Такасава Хитоси, Тикано Сигэру, 2012. С. 146–172]. Военное снаряжение (стяги *хата-дзируси* 旗印, штандарты *ума-дзируси* 馬印, флажки *сасимоно* 指物 и др.), неотъемлемой частью которого являлись геральдические символы, потеряло свою актуальность, поскольку основные материальные носители гербов больше не являлись частью повседневной жизни японцев. Геральдические символы перестали выполнять одну из

*Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

¹Речь идет об осаде замка Осака-дзё: 大阪城, в котором жил малолетний сын Тоётоми Хидэёси — Хидэёри 豊臣秀頼 (1593–1615). В результате Осакской кампании замок был захвачен союзной армией под руководством Токугава Иэясу 徳川家康 (1542–1616), Хидэёри вместе с матерью совершил самоубийство.

самых важных функций — инструмента идентификации на поле боя. В результате геральдика оказалась на грани острого кризиса, следствием которого могло стать полное отмирание геральдической традиции на архипелаге. Однако функциональная гибкость геральдики, с одной стороны, и особенности исторических процессов, протекавших в эпоху Эдо, с другой, создали предпосылки для дальнейшего существования и развития геральдической традиции. Более того, изменения, произошедшие в геральдике в XVII–XIX вв., в конечном итоге обусловили современное состояние геральдической системы в Японии, которая сохраняет свое место в японской культуре и в наши дни, являясь важным элементом церемониально-обрядовой стороны жизни населения Японского архипелага.

В первой половине XVII в. в функциональном назначении гербов военного сословия произошли некоторые изменения, которые оказали непосредственное влияние на последующее развитие геральдической системы в Японии.

После разгрома оппозиционной коалиции в битве при Сэкигахара (яп. *Сэкигахара-но татакаи 関ヶ原の戦い*) Токугава Иэясу направил усилия на укрепление могущества рода Токугава 徳川氏 и ослабление положения *даймё*. Одним из эффективных инструментов контроля над потенциальными соперниками стала система заложничества *санкин ко:тай* (参勤交代)¹, по которой представители военной элиты были обязаны раз в два года в

¹ Система начала применяться еще при Тоётоми Хидэёси и полностью оформилась при Токугава Иэмицу 徳川家光 (1604–1651).

течение одного года¹ жить в призамковом городе Эдо (яп. Эдо *дзё:камати* 江戸城下町) вместе с семьей и вассалами. С одной стороны, система наносила удар по экономическому благосостоянию *даймё*: строительство усадеб и дорожные траты составляли от трети до половины доходов со всех земельных владений. Но, по мысли Токугава Иэясу, угроза для жизни близких людей должна была удерживать *даймё* от необдуманных решений и поступков.

Система *санкин ко:тай* сыграла большую роль в смещении функционального полюса геральдики от военных нужд к утилитарным потребностям. Идентификация с помощью геральдических символов вновь стала актуальна для представителей служилого сословия, но уже применительно к придворному церемониалу и организации процесса межличностной коммуникации на самом высоком уровне.

Обязательства, наложенные системой *санкин ко:тай* на элиту военного сословия, привели к появлению нового феномена в жизни японского общества — длинных процессий *даймё*, путешествовавших в ставку сёгуна вместе с необходимым скарбом и слугами. На подъездах к замку Эдо образовывались очереди, так как, согласно придворному этикету, при встрече двух и более процессий обязательно должны были совершаться церемониальные приветствие и прощание. Содержание и порядок этих церемоний отличался в зависимости от социального положения, происхождения и ранга собеседника. Согласно правилам субординации, тот *даймё*, чей ранг или происхождение были ниже, должен был остановиться

¹ При Токугава Ёсимунэ 徳川吉宗 (1684–1751) с 1722 по 1731 гг. срок пребывания в Эдо был сокращен до шести месяцев.

первым, выйти из паланкина и поприветствовать своего визави. Нарушение строгих правил этикета грозило большим скандалом и наказанием, вплоть до приказа сёгуна совершить *сэткуку* (см.: [Нихон монсё: дайджукан, 1978. С. 19; Тикано Сигэру, 1993. С. 7].

В этих условиях гербы как наиболее простой и быстрый способ идентификации личности на расстоянии вновь приобрели актуальность. Герадика трансформировалась в маркер общественного положения и происхождения, который позволял заблаговременно подготовиться к необходимым церемониям. Вновь возросшая важность герадики послужила предпосылкой для появления новой должности в свитах высокопоставленных представителей служилого сословия: *даймё* начали нанимать или вводить в круг своих приближенных разбирающихся в семейных гербах людей, которые помогали сюзеренам соблюдать строгие правила этикета, установленные при дворе сёгунов Токугава.

Герадика как инструмент идентификации личности была актуальна не только для представителей военного сословия. Функционирование всей системы *санкин ко:тай* во многом зависело от использования семейных гербов.

Ко всем воротам в замок Эдо и в приамковый город указом сёгуна были приставлены смотрители *гэдзами* 下座身 (букв. «сидящий у ворот»), в чьи должностные обязанности входила фиксация прибытия и отъезда представителей военной элиты. Идентификация личности осуществлялась с помощью семейных гербов *ка-мон* 家紋, нанесенных на многочисленные материальные носители.

Так, на сохранившихся до наших дней своеобразных «памятках привратников» в виде игральные карт *гэдзами*

карута 下座身かるた изображены семейные гербы, штандарты, копья *яридзириси* 槍印, церемониальное оружие *тё:то*: 長刀 (или *нагагатана*), зонты на длинной ручке *кинугаса* 衣笠 и другие предметы, облегчающие процесс установления личности *даймё* [Нихон монсё: дайзукан, 1978. С. 10, 19; Такасава Хитоси, Тикано Сигэру, 2012. С. 6]. Помимо этого, в них были зафиксированы такие важные сведения, как родовые имена, должности, доходы, места проживания, наличие или отсутствие замков. Эти данные впоследствии легли в основу создания игральных карт¹ — любимого развлечения привратников, и которые, вероятно, стали предтечей многих развлечений и развивающих игр, предназначенных для княжеских детей.

Так, игра «продвижение по службе» (яп. *сэсё* *сугороку* 出世双六) в японской истории осталась связанной с именем 13-го правителя княжества Овари² (западная часть нынешней префектуры Айти) — юным Токугава Ёсицугу 徳川慶臧 (1836–1849), находившемся формально у власти в период 1845–1849 гг. Седьмой сын Токугава Наримаса, он родился в 7-й год Тэмпо (1836), а уже во 2-й год Кока (1845) стал правителем княжества Овари. Спустя

¹Большой популярностью пользовалась игра на основе гербов *даймё* острова Сикоку, нанесенных на парусные суда. Суть игры заключалась в том, чтобы подобрать к карте с геральдическим символом парную ей карту с информацией о главе клана [Нихон монсё: дайзукан, 1978. С.19].

²Княжество Овари 尾張藩 с его политико-административном центром в замке Нагоя входило в число трех наиболее значительных ветвей рода Токугава *госанкэ* 御三家 (по имени трех младших сыновей сёгуна Токугава Иэясу — 9-го сына Ёсинобу в Овари, 10-го сына Ёринобу в Кии и 11-го сына Ёрифуса в Мито). Княжество Овари считалось самым крупным и влиятельным в боковой ветви династии Токугава и просуществовало вплоть до эпохи Мэйдзи (до 1871 г.).

четыре года, во 2-й год Каэй (1849) Ёсицугу скоропостижно скончался в возрасте 14 лет. Он был похоронен в восточной части г. Нагая, в храме Кэнтюдзи 建中寺, который находится на территории храма Бодайдзи 菩提寺, принадлежащего клану Токугава в княжестве Овари.

В 27-м году эры Сёва (1952) при реконструкции городских районов, пострадавших во время войны, было произведено перезахоронение могил храма Кэнтюдзи. При этом в могиле Ёсицугу было неожиданно обнаружено множество вещей, включая редкие гравюры *укиё-э* 浮世絵 знаменитых мастеров Кацусика Хокусай (1760–1849) и Утагава Хиросигэ (1797–1858), историко-героические гравюры в жанре *муся-э* 武者絵 Утагава Куниёси (1798–1861), печатные и рукописные книги, разнообразные игры *сугороку*¹.

С наступлением эпохи Эдо молодые правители княжеств воспитывались не только и не столько в духе воинской культуры. В условиях мирного времени куда важнее было хорошо разбираться в особенностях жизни обычных горожан, знать их нужды и заботы, быть сведущими в их играх и развлечениях, способах проведения досуга. Среди множества игр *сугороку*, найденных в захоронении князя Токугава Ёсицугу, была игра с кубиком и игровым полем, готовящая молодых людей к карьере, обучающая их на конкретных примерах различным трудностям, которые могут возникнуть в реальности при продвижении по службе (яп. *кодомо сюссэ сугороку* 子供出世双六). Извлеченный из могилы текст с картинками, долго

¹Все найденные артефакты хранятся в Национальном музее Токугава в г. Нагая (徳川美術館).

пролежавший в земле, оказался сильно попорчен. Чтобы восстановить текст и краски, пришлось приложить немало усилий. После цифровой обработки игровое поле было восстановлено, и его смогли напечатать. Автором полотна, размеры которого ограничены прямоугольным полем 46,8 см x 34,6 см, является известный художник Утагава Садахидэ (1807–1879?), плодотворно работавший в жанре *укиё-э* на рубеже конца эпохи Эдо и начала Мэйдзи.

Игровое поле представляет собой схематичное изображение различных жизненных ситуаций, в которые попадают герои феодальной Японии – обычные горожане: наемные служащие, рабочие, посыльные, счетоводы, уборщики, нищие монахи, просящие подаяние, владельцы домов, сдающие комнаты в наем, ученые книжники, певички из веселых кварталов, бездельники-гуляки, пьянчужки и проч. Цель игры, по-видимому, состояла в том, чтобы провести представителей пяти феодальных родов через определенные жизненные препятствия и соблазны к успеху, которые, по мысли феодальных моралистов, сводились, прежде всего, к овладению знаниями, обзаведению семьей, к быстрой карьере и наживанию богатства. В качестве фишек в игре использовались изображения гербов пяти крупнейших феодальных кланов Японии — Токугава, Ода, Тоётоми, Такэда, Мори. Бросая шестигранный кубик с вырезанными на его гранях иероглифами с числовыми значениями от «одного» до «шести», игроки продвигали свои фишки по полю, «задерживаясь» на участках, изображавших то игорный дом, то трактир, то келью книжника, то лавку счетовода, то молельню при храме, где приготовлены свадебные угощения, то служилый дом, то торговую лавку.

Победителем считался тот игрок, который проведет представителя «своего клана» первым к богатству и успеху¹.

Рис. 1. Игровое поле к игре «продвижение по службе»
(出世双六 *сэсю сугороку*)
(Национальный музей Токугава в г. Нагоя 徳川美術館.
Фото из коллекции Е. Э. Войтишек).

¹ Об истории игры *сугороку* см. Войтишек Е. Э. Игровые традиции в духовной культуре стран Восточной Азии. Новосибирск, 2011. С. 44–50. Описание данной игры сделано по игровому набору из коллекции Е. Э. Войтишек (六ごす出世子供板新・徳川美術館。〒 461-0023 名古屋市東区徳川著町 1017).

Вероятно, эта игра не только обладала богатым гражданско-социальным содержанием и воспитательным значением, но и отражала определенную конкуренцию среди феодальных родов Японии в период Сэнгоку-дзидай 戦国時代 (1467/1493–1573/1603), где наибольшим авторитетом пользовались кроме сёгунского рода Токугава еще и кланы Ода, Тоётоми, Такэда и Мори, что и отражено в гербах, использующихся в игре¹.

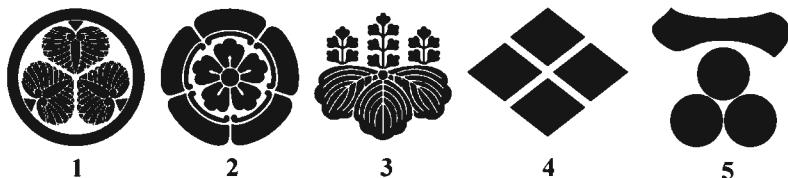

Рис. 2. Фишки к игре в виде гербов пяти основных воинских родов эпохи Сэнгоку-дзидай 戦国時代 (1467–1603).

- 1 — герб Токугава 三つ葉葵 *мицу-ба аой* («три листа мальвы»),
- 2 — герб Ода 織田瓜 *Ода ури* («цветок дыни рода Ода»),
- 3 — герб Тоётоми 五七桐 *го-сиппи кюри* («павловния с семи- и пятилепестковыми цветами»),
- 4 — герб Такэда 武田菱 *такэда хиси* («ромб рода Такэда»),
- 5 — герб Мори 長門三つ星 *нагато мицу-хоси* («три звезды Нагато»).

¹ Другое дело, что к середине XIX в. роды Такэда, Ода и Тоётоми были уже уничтожены, а сам сёгунат находился в состоянии глубокого политического, социального и экономического кризиса. В этом контексте данная игра, обращаясь к национальной ностальгической героике, воссоздает некоторые реалии жизни военных сословий эпического прошлого, вследствие чего может рассматриваться как дополнительный исторический источник по изучению японской геральдики.

Таким образом, уже в начале эпохи Эдо основными материальными носителями гербов (вместо военного снаряжения) стали парадные мужские костюмы *катагину-камисимо* 肩衣・袴¹, лакированные дорожные ящики *саситару* 差し樽, паланкины *каго* 駕籠, масляные фонари *тё:тин* 提灯, форменная одежда слуг и др. Новые материальные носители оказали существенное влияние на форму гербовых изображений. В начале эпохи Эдо наблюдалось тяготение гербов представителей военной элиты к симметричной форме. Широкое распространение получили геральдические символы, вписанные в круглую рамку. Кроме того, существенно больше стало гербов, которые сами по себе имели округлую форму. Во многом это было обусловлено тем, что симметричные круглые знаки было легче наносить на различные предметы при имевшихся на тот период технологиях.

Увеличение количества материальных носителей гербов, особенно за счет нанесения геральдических символов на утварь, одежду и другие личные вещи, впоследствии приведет к повышению важности декоративной функции геральдики. Данная тенденция станет своеобразным «возвращением к истокам» — к тем временам, когда прообразы геральдических символов использовались представителями хэйанской аристократии, в первую очередь, для украшения быта.

Важным новшеством данного периода является использование гербов в культурно-развлекательных и

¹ Комплект одежды, состоящий из набедренной повязки *фундоси* 褌, исподней рубашки *дзюбан* 襦袢, кимоно *косодэ* 小袖, штанов *хакама* 袴, накидки *катагину* 肩衣, носков *таби* 足袋, сандалий *варадзи* 草鞋 и опционально головного убора *эбоси* 烏帽子.

образовательных целях, что существенно расширяет источниковую базу исследования по истории японской геральдики. Данная тенденция в числе других может быть причислена к факторам, способствовавшим распространению геральдических символов в среде городского сословия в XVIII в.

Список литературы

Войтишек Е. Э. Игровые традиции в духовной культуре стран Восточной Азии. Новосибирск: изд-во Новосибирского гос. ун-та, 2011. 312 с., 44 илл.

Нихон монсё: дайдзукан 日本紋章大図鑑 (Иллюстрированное руководство по японской геральдике). Токио: Синдзинбуцу о:райся, 1978. 112 с.

Тикано Сигэру, Такасава Хитоси. Ка-мон-но дзитэн 家紋の事典 (Энциклопедия семейных гербов). Токио: То:кё:до:, 2012. 358 с.

Тикано Сигэру. Нихон ка-мон сокан 日本家紋総鑑 (Сборник японских семейных гербов). Токио: Кадокава сётэн, 1993. 1357 с.

НЕ ТОЛЬКО ВАБИ: ЯПОНСКАЯ ЭСТЕТИКА И ИСКУССТВО КЕРАМИКИ ЭПОХИ ЭДО

На протяжении конца XIX — начала XX вв., времени сложения науки о японском искусстве в самой Японии и на Западе, японское искусство (как и культура в целом) воспринималась европейцами как последнее прибежище красоты; страной, в которой любой житель — от императора до крестьянина — обладают тонким эстетическим чувством и подчиняют свою жизнь идее красоты. Так, в 1916 г. К. Бальмонт писал в письме Е. А. Андреевой: «Вся Япония — *chef d'oeuvre*, вся она — воплощение изящества, ритма, ума <...>, тонкой внимательности» [Азадовский, Дьяконова, 1991, с. 76–77]. Западным ценителям и искусствоведам не приходилось рассчитывать на помощь со стороны японских коллег: эстетика и искусствоведение как научные дисциплины появляются в Японии лишь под влиянием западной философии в конце XIX в. (эпоха Мэйдзи, 1868–1912) и первоначально являются «калькой» с западных образцов. Японская наука сталкивается с проблемами отсутствия аналогий японским феноменам культуры на Западе, разработанного понятийного аппарата на японском языке. Заметную сложность представляет также и своеобразие мировоззрения Дальнего Востока, особенности религиозно-философского и социального мышления.

Традиционная японская эстетика в европейском видении второй половины XX в. была сконцентрирована на тех эстетических категориях и представлениях, которые не были свойственны Западу во второй половине XIX в. Они наделялись особыми духовными совершенствами и

противопоставлялись ориентированной лишь на визуальные эффекты эстетике западного декоративно-прикладного искусства. Идея противопоставления «чистой», органичной, ориентированной на красоту культуры Японии — технократическому и антигуманному обществу Запада на протяжении долгого времени диктовала избирательность в восприятии культурных феноменов Японии и их интерпретации.

Японская традиционная керамика завоевала популярность на Западе только в середине — второй половине XX в. Одним путём распространения её известности была деятельность японских и западных керамистов, которые нашли в японском традиционном гончарстве источник вдохновения для создания нового, современного художественного языка. Вторым проводником японской эстетики на Запад оказалась чайная церемония. И в первом, и во втором случае внимание художников и зрителей было привлечено именно теми качествами японской керамики, которые выступали своеобразной антитезой вещному окружению западного человека XX в. или японца, ориентированного на ценности западного мира.

Так Бернард Лич (1887–1979) и Хамада Сёдзи (1894–1978) были основателями движения «Мингэй» («Народного искусства») и убеждёнными последователями идей, выраженных Янаги Сёдзи (1889–1961) в сборнике эссе «Безымянный мастер». Нельзя сказать, что движение Мингэй чётко сформулировало свои эстетические представления; кажется, что главную ценность изделий народного ремесла в понимании Янаги представляют не его эстетические, а его этические качества. Анонимность произведений, их функциональность и бытование в

народной среде, невысокая стоимость и характерность для определённого региона — те характеристики народного творчества, которые относятся скорее к социально-хозяйственным аспектам керамики, чем к её художественным качествам. В этико-философском плане Янаги приписывает изделиям *мингэй* свойство будды (buddhahood) [Yanagi, 2013, p. 141], полную отрешённость от дихотомии «прекрасного» и «безобразного». Эти изделия «растворяются» в бытовой сфере человека, как и художник совершенно «растворяется» в материале и процессе ремесленного производства, что — по мнению Янаги Сōэцу — и придаёт результатам его труда истинное совершенство.

Отказываясь от таких характеристик, как «прекрасное» или «безобразное» в оценке керамики *мингэй*, Янаги практически уходит от серьёзной теоретической проблемы: до появления движения Мингэй в 1926 г. народное ремесло не рассматривалось как художественное творчество, не было включено в иерархию видов искусства Японии, и, таким образом, не требовало создания эстетического понятийного аппарата. Теория *мингэй* — «*минсю-тэки когэй*» («ручное производство простых людей») и этика *мингэй*, раскрытые Янаги Сōэцу в его эссе, определили эстетическое своеобразие керамики мастеров этого круга. Во многом благодаря популяризаторской деятельности Б. Лича и С. Хамада на Западе в 1950-60-х гг. распространяется представление о японской керамике как об образце лаконизма, простоты (как технологической, так и эстетической), непритязательности и «дружественности» к человеку.

Под влиянием этих мастеров начал свои творческие поиски и Пол Солднер, однако его внимание оказалось

сосредоточено на традиции керамики киотской мастерской Раку. Создание «американских раку» шло параллельно с популяризацией буддизма дзэн (определяющую роль в которой сыграл Судзуки Дайсэцу Тэйтарō (1870–1966)) и чайной церемонии *тя-но ю* (школа Урасэнкэ начала распространять традицию особенно активно после Второй мировой войны). Эти религиозные и культурные практики ввели в лексикон западного обывателя понятия *ваби* и *саби* и способствовали распространению западной моды на эстетику *ваби*.

Одно из самых ранних описаний феномена *ваби* (но без упоминания собственно термина) на английском языке можно найти в «Книге о чае» художественного критика и историка искусства Окакура Какудзō (1863–1913). Книга была написана в 1906 г. на английском языке для ознакомления западного читателя с одним из наиболее влиятельных «практических искусств» Японии. Обращаясь к западному читателю, Окакура преследовал и внутреннюю цель. В 1874 г. был принят закон, по которому чайная церемония была отнесена к исполнительским видам искусства, что выхолащивало её философскую идею и этическую сущность; и распространение знаний о чайной церемонии должно было утвердить роль *тя-но ю* как традиционного духовного наследия Японии и мирового культурного достояния. В главе «Дао и Дзэн» (Taoism and Zennism) Окакура описывает «три сокровища» жизни последователя Дао: «сострадание, ограничение и скромность» («Pity, Economy, and Modesty») [Okakura, 66]. Описывая свойства эстетического чувства *ваби*, Хага Косирō предлагает следующие характеристики этой красоты: простота и непритязательность, несовершенство, самобытность и спокойствие [Haga, 1995, p. 245]. Можно

сказать, что Окакура Какудзō описывает *ваби*, не называя его.

Само слово *ваби* впервые встречается на английском языке у Судзуки Дайсэцу Тэйтарō в книге «Дзэн и японская культура», впервые опубликованной в 1938 г.; автор раскрывает понятие как «запредельная отрешенность, возникающая посреди разнообразия жизни» [Suzuki, 2003, с. 28] и иллюстрирует стихотворением Фудзивара Иэтака (1158–1237):

Тем, кто молит только о вишнях в цвету,
 Как хотел бы я показать родник,
 Который отражает пучок травы,
 Выросшей в заснеженной горной деревне!
 [Suzuki, 2003, с. 31]

Очевидно, экзотическая поэтика этих определений, присутствие эзотерической составляющей, востребованной идеологией движения Нью Эйдж, набравшей последователей одновременно с распространением и популяризацией японской культуры на Западе в 1950–1960-е гг. и остающейся привлекательной в современном мире, так сильно повлияли на восприятие японского искусства западным человеком, что феномен *ваби* (и его почти постоянный компаньон — *саби*) практически заслонили всё многообразие японской художественной традиции. Исключительный авторитет Судзуки на Западе также способствовал этому сужению зрения: его довольно субъективное утверждение о том, что *ваби* и сопредельные этой категории феномены «являются наиболее заметными, специфическими признаками японского искусства и культуры» [Судзуки, 2003, с. 17] сделали *ваби* общим местом

в определении своеобразия художественной традиции Японии.

Ревизия содержания и истинной ценности *ваби* и *саби* началась уже во второй половине XX в. Хоригути Сутэми (1895–1984), выдающийся архитектор и один из главных членов группы *Бунриха Кэнтикукай* (традиционно название группы переводится как «Архитектурное общество Сецессион») ¹, основанной в 1920 г. и намеревавшихся создать современное движение новой архитектуры в Японии. Манифест группы постулировал решительный отказ от старой архитектурной традиции в пользу свободного творчества, свободного самовыражения в новых формах.

Тем не менее, Хоригути Сутэми высоко ценил чайную традицию и, так же как и многие исследователи XX в., считал её квинтэссенцией «японского стиля», который следовало лишь освободить от неверного толкования [Turning Point, 2002, p. 113]. Он предполагал, что чайная церемония базируется не только на эстетических категориях *ваби* и *саби*, но включает в себя также экстравагантность, блеск и развлекательность. В результате он заинтересовался «Золотой чайной комнатой» Тоётоми

¹ На название группы и некоторые аспекты его деятельности значительное влияние оказал Венский Сецессион, объединение венских художников, основное в 1897 г. Однако один из участников японской группы, Ямада Мамору (1894–1966) настаивал на том, что название следует понимать исключительно как указание на намерение группы отказаться от устоявшихся закостенелых традиций и название «Бунриха» (分離派, дословно: «группа отделившихся») в публикациях на иностранных языках следует давать в транскрипции, а не в переводе, чтобы не допустить ошибочного понимания характера деятельности японской группы [Reynolds, 1998, p. 229], [Amanai, 2009, p. 235–248].

Хидэёси и нашёл оправдание этому памятнику, спорному с эстетической и этической (в рамках традиций *ваби-тя*, «чая в стиле *ваби*») точки зрения. Изучая тексты современников этого одиозного интерьерера, Хоригути Сутэми обнаружил, что, несмотря на вызывающе роскошный вид, архитектура комнаты соответствовала стилю *суки-я* — чайных домиков, а её декор включал золотой, киноварный и зелёный цвета. Он пришёл к выводу, что использование этой комбинации цветов не противоречило эстетике чайной церемонии, а, значит, и сама комната вполне укладывается в рамки «национального стиля» [Reynolds, 1998].

Наличие нехарактерных для общепринятого понимания *ваби*, но от этого не менее характерных для Японии, явлений художественной практики требовало расширения поля зрения, включение в культурный контекст искусства не только традиционно элитарных форм художественной деятельности (таких как живопись традиционных школ, каллиграфия), но и тех, которые долгое время намеренно исключались из картины культуры Японии.

Философ Куки Сюдзō (九鬼周造, 1888–1941), обращаясь к истории культуры периода Эдо в своей работе «*Ики-но кодзō*» («Понятие “ики”»), выдвинул понятие *ики* на роль основного эстетического идеала городской культуры Эдо [Kuki, 1997].

Феномен *ики* восходит к синтезу двух аспектов традиционной японской философии: буддийскому самоотречению (*акирамэ*) и конфуцианскому понятию о чести (*икидзи*), унаследованных от этики и эстетики самурайского сословия. Условием *ики* в понимании Куки Сюдзō была свобода от условностей и открытость к

возможностям. *Ики*, словами Куки, чуждо вульгарности, но наполнено глубоким переживанием полноты жизни, напряжённостью восприятия каждого момента. Несмотря на то, что понятие *ики* и аналогичное ему, использовавшееся в других городах Японии (кроме столицы Эдо) — «*суи*» появляются в литературе в интеллектуальной среде в XIX в. [Karatani, 2002, с. 271–273], это понятие больше относилось к образу жизни и внешнему поведению, чем к сфере эстетики как таковой. Тем не менее, гравюра *укиё-э* и некоторые другие городские искусства (например, миниатюрная резьба *нэцкэ*, театральные жанры Кабуки и Дзёрури) вполне воплощают эстетику *ики*.

Близко к *ики* трактуется и понятие *кабуку*, своим названием связанное с первоначально уничижительной характеристикой площадных театральных представлений. Цудзи Нобуо (род. 1932) первым из японских исследователей выделил понятие *кабуку* как категорию эстетики городской культуры эпохи Эдо. В своей книге «Lineage of Eccentrics Matabei to Kuniyoshi» он описывает *кабуку* как «экстравагантную элегантность» [Tsuji, 2012]. Патриция Грэм, впервые среди западных специалистов включившая *кабуку* и близкое ему понятие *басара* в обозрение эстетических категорий японского искусства, иллюстрирует эти понятия произведениями живописи, доспехами и вооружением эпохи Эдо, а также керамикой провинции Мино, выполненной в традиции *орибэ-яки* [Graham, 2014, с. 36–39].

Новое понимание в городской среде получило и понятие *фурю*, первоначально принадлежавшее интеллектуальной элите Японии, бундзин. Эстетика *фурю* (кит. *fengliu*, *фэнлю*) возникает в поэтической среде Китая. Первоначально она предполагала изысканную утончённость

придворной, часто куртуазной, поэзии. В Японии, освободившись от эротических коннотаций, *фурью* стало расцениваться как красота и утончённость отшельнической жизни мудреца-поэта [Magsea, 2000]. Значение термина в Японии (как и в Китае) со временем изменялось и адаптировалось к японским литературным и художественным традициям. Эстетика *фурью* была увидена в чисто японской по происхождению поэзии хокку и танка, в творчестве Мацуо Басё (1644–1694), Ёса Бусон (1716–1783) и других поэтов [Qiu, 2000]. В XVIII в. появляется травестированное прочтение понятия *фурью*, предполагающее только «элегантность» и не связанное с интеллектуальной традицией. В конце XVIII — начале XIX вв. *фурью* фактически означало «моду», «современный модный стиль» и существовало в контексте городской разночинной культуры. Тем не менее, эстетика *фурью* оказала большое влияние на керамику XVII–XVIII вв., когда новые культурные традиции, ориентированные на китайские источники, распространились в Японии (о чайной церемонии *сэнтя* и роли керамики в формировании эстетики *бундзин* подробно писала П. Грэм [Graham, 19986 сс. 81–91, 118–135]). Примером могут сложить многочисленные подражания исинским глинам в мастерских Бидзэн, Токономэ и пр.

Пышность парадных построек и облачений японской знати определялись понятием *карэй*, дословно — «пышная (цветущая) красота». Эта эстетическая категория с IX в. использовалась для описания церемоний хэйанского императорского двора, но позднее распространилась на любые празднества (в том числе городские *мацури* — храмовые шествия и городские фестивали). Декоративно-прикладные искусства также стремились к

соответствующей пышности и приподнятой торжественности. Однако изделия японских мастерских практически не использовались в аристократической среде: керамическая технология в XVI в. была сравнительно примитивна, что не давало мастерам возможности повторять китайские образцы или создавать собственные изделия, отвечающие высоким требованиям *карэй*. В создании образа «роскоши» немалую роль играли полихромность изделий, обилие золота, впечатляющий сюжет декора или сложность орнаментального оформления — применительно к керамике все эти черты требовали безупречного владения технологией цветных глазурей, приёмами подглазурной живописи и надглазурной росписи эмалевидными красками, росписи золотом. Лишь в конце XVI в. некоторые из этих приёмов стали доступны японским мастерам, а получили широкое распространение и усложнились ещё позже.

Введение в искусствоведческий оборот таких категорий японской художественной практики как *карэй*, *кабуку*, *басара* и пр. не снимают всех проблем, возникающих перед исследователем в процессе изучения японского декоративно-прикладного искусства, в частности керамики.

Как показывает практика общения с современными художниками-керамистами, даже те из них, кто сам занимается изучением истории японского гончарства, не склонны к оценке своих работ (и работ своих предшественников) в подобных категориях. На вопросы — в каком стиле вы работаете, каких эстетических канонов придерживаетесь, современные мастера в основном ссылаются на попытку работать в духе старых мастеров, в манере своих предков или конкретного выдающегося

гончара. В случае более глубокой рефлексии, попыток осмысления своего места в контексте японской и мировой художественной культуры, можно получить ответы, сходные с ответами Раку Китидзаэмон XV на вопрос о связи его работы с творчеством первого представителя, Тёдзирō: «До меня был мой отец, мой дедушка и прадедушка, и, возможно, если все мои предки соберутся здесь, мы с ними сядем в круг и станем рассказывать друг другу о Тёдзирō, то окажется, что у нас у всех разные образы мастера Тёдзирō. Каждое новое поколение думало о нём, и жило в свою собственную эпоху. Они не подражали ему, они создавали собственный дух (*ики-ката*), формы, чайные чаши, живя в своё время»¹.

Тем не менее, расширение лексикона японской эстетики способствуют более глубокому пониманию японской художественной традиции и более широкому взгляду на японскую национальную эстетику. Следует отметить, что все каждая из категорий, рассмотренных в работах современных исследователей связана, с определённой исторической эпохой, являясь наиболее ярким выражением её духа и поведенческого модуса, и с определённой социальной группой или субкультурой. В Японии на протяжении многих веков (фактически — с начала формирования государственности и элитарной культуры в поле китайской цивилизационной модели в эпохи Асука (538–710) и Нара (710–794) формируется разнообразие культурных форм, культурная полифония, нашедшая отражение в том, что в Японии одновременно (формально — не пересекаясь, в действительности же —

Лекция «Керамика Раку: космос в чайной чашке», прочитана в Государственном Эрмитаже 11 июля 2015 г.

оказывая существенное влияние друг на друга) существовало несколько субкультур, художественных направлений и эстетических систем. Каждая из них порождала свои представления о прекрасном и безобразном, общественно приемлемом и поощряемом и «модном».

Таким образом, выделение в произведении керамики некого основного качества, эстетического свойства позволяет не только точнее соотносить предмет с эпохой её создания, но и раскрывать полнее характер бытования этого предмета, его вещное окружение, функцию и, в некоторой степени, его историко-культурную ценность.

Список литературы:

1. *Daiki Amanai* The Founding of Bunriha Kenchiku Kai: "Art" and "Expression" in Early Japanese Architectural Circle, 1888-1920. AESTHETICS No.13 (2009): The Japanese Society for Aesthetics. 2009. P. 235-248.
2. Graham, P. J. *Tea of Sages: The Art of Sencha* / P. J. Graham. – Honolulu : University of Hawai' i Press, 1998.
3. Graham, P.J. *Japanese Design. & Culture*. Tokyo-Ruthland, Vermont – Singapore, 2014.
4. Haga, Koshiro. *The Wabi Aesthetics through the Ages* / Koshiro Haga // *Japanese Aesthetics and Culture* / ed. by N. G. Hume. New York: State University of New York, 1995.
5. Karatani, Kojin. *Edo Exegesis and the Present* / Kojin Karatani // *Modern Japanese Aesthetics*. – Honolulu : University of Hawai' i Press, 2002.
6. Kuki, Shūzō *The Structure of "Iki"* / Shuzo: Kuki ; transl. by John Clark. – Sidney : Power Publications, 1997.
7. Okakura Kakuzo. *The book of tea/ forewprd and afterword* by Soshitsu Sen XV. Tokyo-New York-London: Kodansha International, 1989.

8. Reynolds J.M. The Bunriha end the Problem of “Tradition” for Modernist Architecture in Japan (1920-1928)/ Japan's Competing Modernities: Issues in Culture and Democracy, 1900-1930 ed. Sharon A. Minichiello. Honolulu: University of Hawai’ i Press, 1998.
9. Tsuji Nobuo. Lineage of Eccentrics Matabei to Kuniyoshi. Kaikai Kiki Co., Ltd.; 1st Edition. 223 p
10. Turning Point Toward Modernization of Ceramics. Catalogue, Crafts gallery, The National Museum of Modern Art, Tokyo, 28 Sept.-24 Nov., 2002.
11. Yanagi, Soetsu. The Unknown Craftsman: A Japanese Insight into. – New York: Kodansha USA, 2013.
12. Азадовский К.М., Дьяконова Е.М. Бальмонт и Япония. М.: Наука, 1991.
13. Судзуки Д. Т. Дзэн и японская культура. СПб.: Наука, 2003.
14. Танидзаки Дзюнъитиро. Похвала тени: рассказы, эссе. СПб, 2006.

ИСТОКИ ОБРАЗНОСТИ ТВОРЧЕСТВА ЯПОНСКОГО ДИЗАЙНЕРА ТОКУДЗИНА ЁСИОКА

Образ в дизайне — это представление, которое создаётся и закрепляется в сознании человека благодаря характерным чертам и визуальным впечатлениям от объекта восприятия. Эти впечатления и эмоции создаются свойствами объекта, которые формирует дизайнер в процессе проектирования. Те образные характеристики, которые дизайнер вкладывает в идею своего проекта, отражают его личное видение, взгляды, вкус и предпочтения. Образные характеристики задаются определёнными художественными приёмами и всем комплексом средств, присущими дизайну. Они влияют на рождение образов, их выразительность и новизну. У каждого дизайнера своя палитра и арсенал средств в создании визуальных образов. На их богатство и неповторимость влияют как личные качества дизайнера, образование, опыт, культура, творческая индивидуальность, так и система ценностей и предпочтений, присущая обществу в данное время и в данном месте. Исторически в японском дизайне сформировалась система ценностей, вектор направления которых указывает на поиск образного начала в природе и наблюдения за всеми её проявлениями в богатстве композиции, гармонии цвета, фактуры, многообразии форм и вниманию к нюансам и деталям её пластических характеристик, единству целого и частей.

Образ в дизайне — это результат художественного, творческого обобщения автора, который неотделим от материального воплощения. Это своего рода живой организм, рождённый в воображении автора и существующий первоначально в его сознании, а затем

воплощённый в проекте и материализованный в определённой технологии из конкретных материалов для выполнения заданных функций. При создании новых образов дизайнер не только черпает их из своей фантазии и воображения, но и использует арсенал научных знаний о технологических свойствах материалов и их конструктивных, пластических особенностях в процессе создания той или иной формы. Зачастую эти поиски носят экспериментальный характер, где в лабораторных условиях не только используются новые материалы, но и стимулируется процесс их создания в соответствии с заданными требованиями.

Российский теоретик и исследователь дизайна Г. А. Демосфенова подчёркивала, что «образ выражает сплав эмоционального и смыслового восприятия явлений действительности, содержательную оценку этих явлений, их предметное представление и сопоставление в нерушимой целостности»¹.

К творцам новых, впечатляющих образов относится дизайнер Токудзин Ёсиока, чья популярность, как внутри страны, так и за её пределами, постоянно растёт.

Токудзин Ёсиока принадлежит к числу перспективных японских дизайнеров. В одном из последних изданий, посвящённых Ёсиока — «ТОКУЇН YOSHIOKA Crystallize» Масанори Аояги, специальный уполномоченный агентства по вопросам культуры, характеризует дизайнера, как творца и мыслителя, создающего мир новых образов². Эти

¹ Демосфенова Г. А. К проблеме художественного образа в дизайне // Конструкция, функция, художественный образ в дизайне. Труды ВНИИТЭ, вып. 23. С.31

² ТОКУЇН YOSHIOKA Crystallize. Japan, Seigensha, 2013. С. 7.

образы рождаются на стыке неконтролируемой мощной энергии силы природы и образов искусства и технологии. Его работы открывают новую страницу в истории дизайна, основанную на контрасте между прошлым и будущим, связывая природу и смелые эксперименты будущего, которые пока находятся в изоляции друг от друга.

Биография Токудзина Ёсиока достаточно типична для представителя дизайнеров его поколения. Родился в 1967 г. в префектуре Сага. В 1986 г. получил диплом токийской школы дизайна Кувасава (Kuwasawa Design School –KDS). Эта школа была открыта в 1954 г. в Токио журналисткой и дизайнером модной одежды Ёко Кувасава. Она училась в Новой Академии Архитектуры и промышленного искусства в Токио и ориентировалась на методiku и педагогические принципы немецкого Баухауза (1919–1933).

Первым японцем, занесённым в список студентов Баухауза, стал Такехико Мидзутани (1898–1969), который учился там с 1927 по 1929 г. После своего возвращения из Германии Мидзутани преподавал в Токийской Школе искусств и одними из его учеников были архитектор Ивао Ямаваки (1898–1987) и его жена Митико (1910–?), уехавшие в Баухауз в 1930 г. и успешно прошедшие курс обучения. Митико училась у известного педагога Баухауза Йозефа Альберса, специализируясь на художественном текстиле. Именно она повлияла на изменение общественного мнения о значении текстиля в интерьере. Благодаря множеству выставок текстильных работ Митико Ямаваки и системе преподавания, ориентированной на педагогику Баухауза, она оказала большое влияние на понимание современной европейской культуры и использование её достижений. Последние два курса Ёко Кувасава училась у Митико Ямаваки, что значительно

повлияло на её творческую позицию и взгляды на методику преподавания.

Школа Дизайна Кувасава носила новаторский характер и ориентировалась на концепцию Баухауза. Вальтер Гропиус посещал её в год открытия. Эта школа дизайна — KDS существует и остаётся привлекательной и в наше время. А в далёком 1956 г. в возрасте 22 лет, за 30 лет до Токудзина Ёсиока, Школу Дизайна Кувасава закончил Сиро Курамата, с которым Токудзин Ёсиока будет сотрудничать и стажироваться в его творческой мастерской после окончания той же школы.

Сиро Курамата — одна из влиятельных фигур в дизайне, смелый изобретатель и новатор, обладающий яркой образной фантазией, творческий наставник Токудзина Ёсиока. Творчество Курамата относится к послевоенному периоду развития мирового дизайна 1960–1980-х гг., который характеризуется поисками и открытиями, задававшими вектор движения на будущее.

Особенностью дизайнерского подчёрка Сиро Курамата является поэтическая образность и метафоричность. Кроме того, в восточное мышление, неуловимость, иллюзорность и простоту японского видения предметного пространства он привнёс элементы западного сюрреализма и авангардизма.

Совместная работа с Сиро Курамата существенным образом повлияла на дальнейшее профессиональное развитие молодого дизайнера Ёсиока. Его эксперименты с прозрачностью, игрой света и тени, новыми материалами и их свойствами берут своё начало в творчестве наставника. Ведь именно Сиро Курамата в легендарных проектах мебели: кресле с поэтическим названием «Как высоко луна» (1986) из металлической сетки, стуле «Мисс Бланш» (1988)

из прозрачного плексигласа с застывшими внутри «вечными цветами», экспериментировал с иллюзией исчезновения предмета в пространстве. Он наслаждался магией света и тени, которую воспеал Дзюнъитиро Танидзаки в своём эссе «Похвала тени»: «Мы предпочитаем этот свет на стенах, вернее, этот полумрак всяким украшениям — на него никогда не устанешь любоваться»¹.

Можно смело утверждать, что импульс, принятый от Сиро Курамата получил богатую почву для развития в творчестве Токудзина Ёсиока, неповторимости его образов.

В свою очередь, Сиро Курамата, поработав с молодым талантливым дизайнером, представил его Иссэй Миякэ, известному японскому кутюрье, для которого проектировал интерьеры магазинов и мебель.

Иссэй Миякэ, сам талантливый дизайнер и культовая фигура в мировом дизайне, является своеобразной «лакмусовой бумажкой» для большинства дизайнеров. Он сотрудничает только с самыми талантливыми и неординарными дизайнерами со всего мира. Но если проект для Иссэй Миякэ сделан, то это своеобразный «знак качества», как самого дизайнерского продукта, так и профессионального уровня молодого дизайнера. Девизом Иссэй Миякэ является то, что одежда становится особым инструментом творчества для тех, кто её носит. Всё в его творческой концепции подчинено идее свободы и самовыражения. Иссэй Миякэ опытным глазом сразу распознал яркое дарование Токудзина Ёсиока. Их опыт сотрудничества распространился на долгие годы.

¹ Танидзаки Д. Похвала тени. / Пер. с япон. СПб.: Азбука-классика, 2001. С. 330.

До основания собственной студии «Токудзин Yoshioka Design» в 2000 г., Ёсиока создал множество проектов и участвовал в выставках Иссэй Миякэ, как в Японии, так и за её пределами. Он стал работать со студией Миякэ в 1988 г. Именно в это время стратегия фирмы Миякэ была направлена на привлечение к работе команды молодых творческих сил. Он советовался со своим другом, дизайнером Сиро Курамата, кто из молодых, не работавших в сфере дизайна модной одежды, может привнести свежий взгляд и собственные, оригинальные идеи, концепции новых образов. Курамата порекомендовал Токудзина Ёсиока.

Начало было положено с проектирования сумок, аксессуаров для парижской коллекции Иссэй Миякэ. Первое задание, полученное Ёсиока от Миякэ, были шляпы и аксессуары для модного шоу. Токудзин Ёсиока показал, что, не обладая опытом работы в дизайне модной одежды, он способен создавать проекты, которые будут двигать команду вперёд, к освоению новых творческих рубежей. Он мог увлечь своей работой, своей активностью, ломать сложившиеся стереотипы, предлагать нестандартные решения. И Иссэй Миякэ решил для себя, что с этим молодым, активным, талантливым дизайнером он будет сотрудничать долгие годы. Так и случилось. Уже покинув студию Миякэ и открыв собственное дело, Токудзин Ёсиока постоянно сотрудничает с Миякэ, выполняя для него проекты и до сих пор удивляя неординарностью своих предложений.

В 1990 г., когда Миякэ участвовал в выставке в Амстердаме, Ёсиока создал свою первую инсталляцию, которая имела большой успех и резонанс в профессиональных кругах. С этого времени началась его

продуктивная и успешная работа в области создания инсталляций, которая постоянно пополняется новыми фантастическими идеями волшебных превращений выставочного пространства. Инсталляция в дизайне – форма творческого самовыражения дизайнера. Инсталляцией (англ. Installation — установка) называют объёмно-пространственные объекты, выражающие какую-то идею автора с помощью различных аудиовизуальных, световых, пластических и др. средств, где обыгрываются свойства материалов, отражений, света и тени.

Одним из самых известных проектов, выполненных для Иссэй Миякэ, стал интерьер магазина в Токио. Он спроектирован для коллекции одежды и аксессуаров, которые носят название 132 5, так же называется магазин. Коллекция одежды построена на игре преобразования геометрических форм, отсылающих к традиционным конструкциям из бумаги — «оригами» и превращение их в объёмно-пространственное решение одежды. Она сохраняет простоту и вариабельность геометрических превращений квадрата, создавая всё новые и новые варианты формы одежды на объёмной фигуре манекена. В интерьере магазина и прозрачных окнах витрин видно, что одежда одета на прозрачные манекены, которые исчезают, растворяются в пространстве. Рядом с каждым манекеном располагается маленький iPad, интернет-планшет, выпускаемый корпорацией Apple, на котором демонстрируется процесс создания конкретной модели одежды. Таким образом представлено не только волшебство удивительного превращения плоскости в объём, остроумное соединение традиций искусства оригами, где требуется сноровка рук и развитое объёмно-пространственное

мышление, но и владение современным компьютерным моделированием.

Одним из ведущих направлений в творчестве Токудзина Ёсиока является проектирование мебели. Каждый образец — одна из граней превращения материала в волшебный мир иллюзий исчезновения и возникновения, образов нового фантастического мира своеобразных миражей, «дематериализации» объекта в окружающей среде.

Идея «невидимых» объектов появилась у Ёсиока много лет назад, в 1999 г. Безусловно, на концепцию мебели «Невидимок» повлияли проекты Сиро Курамата, создававшего мебель из металлической сетки, прозрачного плексигласа и включавшего в прозрачную массу то яркие цветы, то лёгкие и воздушные птичьи перья. Токудзин Ёсиока в 2004 г. создал знаменитое прозрачное кресло «Kiss Me Goodbye». Сидящий в нём человек как бы «парит» в воздухе.

Примером создания новых образов в мебельном дизайне является коллекция кресел (2001 г.) «Honey Pop», представляющих собой трансформеры, выполненные из прессованной бумаги. Бумага, с её прозрачностью, гибкостью, готовностью к различным трансформациям, всегда являлась одним из ведущих материалов в традиционном японском доме, наполняя его магией неувидимой игры света и тени. Кроме того, бумага — лёгкий, экологически чистый, приятный для визуального восприятия и осязания материал.

Концепция «Honey Pop» получила дальнейшее развитие в коллекции «Токуо Pop» (2002 г.). Кресла были выполнены из полимерных материалов и имели большой успех на престижном Миланском салоне мебели, который

является стартовой площадкой для многих молодых дизайнеров.

Новым примером иллюзий и преобразований в создании образов, основанных на инновационных технологиях, стало кресло «Pane Chair» (2006 г.). Технология его изготовления, действительно, основана на выпекании формы кресла, напоминающей выпекание хлеба. Мебель изготавливается из волокон полиэфирного эластомера, использующихся в медицине. Из волокон эластомера формируется объём, который, как тесто, помещают в цилиндрическую форму, где он и запекается. Форма кресла, как в цирковом фокусе, начинает «оживать» в тот момент, когда вступает в контакт с садящимся в него человеком. Она принимает изгибы тела сидящего человека, проявляя дружелюбность и коммуникабельность при контакте с ним.

Как фокусник в цирке достаёт из цилиндра бесконечную вереницу салфеток, так и Токудзин Ёсиока создаёт волшебство кресла «Букет» из 30 тысяч цветных салфеток. В первоначальном варианте это были бумажные салфетки, в последующем их сменила ткань разного цвета.

Волшебство превращения проявилось в мебели, представленной на выставке «Second Nature» (2008–2009 гг.). Это выставка, организованная Ёсиока, представляет новые материалы и технологии, с помощью которых можно создавать различные виды форм, выращивать их из кристаллов. Токудзин Ёсиока определяет дизайн, как взаимодействие между человеком и материалом — веществом с определёнными технологическими характеристиками. Опыты с созданием «кристаллизованных» объектов состоят в том, что полиэфирная основа мебели помещается в ванну с солью,

где в течение определённого времени (примерно месяца) на основе вырастают мелкие кристаллы. Одним из самых известных проектов мебели, выполненных в этой технологии, является стул «Венера».

Обожествление природы, уважение к её сущности и мощи, выражается в том, что дизайнер, используя в своих проектах искусственные, а не естественные материалы, имитирует процесс самого природного созидания. Это вызывает ответную реакцию удивления и радости, поскольку обращается непосредственно к чувственной, эмоциональной сфере человеческого восприятия, создающего резонанс сердец и душ, не зависимо от возрастной, гендерной, языковой, этнической и национальной принадлежности, одухотворяя взаимоотношения человека с миром, создавая новый уровень понимания среды обитания.

В комплексном исследовании современной японской массовой культуры Е. Л. Катасонова отмечает: «В своей культурной политике, характеризующейся всё возрастающей активностью, Япония, прежде всего, выступает в качестве креативной силы, способной формировать глобальные культурные феномены, отталкиваясь от своего национального восприятия мира. Фактически сегодня Япония и идеологически, и коммерчески, и технологически начинает формировать новую среду обитания, в которой национальность потребителя, в конечном счете, не важна. Создаётся такой новый продукт, который, ассоциируясь по базовым признакам с Японией, тем не менее, носит универсальный

характер и обеспечивает глобальное проникновение на мировой рынок»¹.

Истоки создания образов в дизайнерском творчестве Токудзина Ёсиока находятся в явлениях и предметном мире могущественной природы, свойствах традиционных материалов, экспериментах с новыми технологическими и объёмно-пластическими свойствами материалов.

Зачастую на фотографиях и видеосъёмке Токудзин Ёсиока предстаёт в роли иллюзиониста, который покоряет природные стихии ветра, снежной бури, кристаллизации льда, сгенерированные природой и следующие за творческим воображением дизайнера. Это полностью соответствует японской «эстетике мимолётности»: прозрачность, иллюзорность, простота и естественность окружающего мира, в котором человек чувствует себя гармоничной частью природы. Жизнь человека наполнена впечатлениями образов внешнего мира, которые составляют богатство памяти наших чувств. Для Токудзина Ёсиока важен механизм взаимодействия природы и человека, поиск новых технологических возможностей для воплощения авторских идей. В разгадке этого механизма он видит ответ на прогнозы будущего в дизайне и жизни, импульс для создания новых творческих образов в дизайне.

Список использованной литературы:

1. Катасонова Е.А. Японцы в реальном и виртуальном мирах: очерки современной японской массовой культуры. Ин-т востоковедения РАН. – М.: Вост. лит., 2012. – 357 с.

¹ Катасонова Е. А. Японцы в реальном и виртуальном мирах: очерки современной японской массовой культуры. М.: Востлит., 2012. С. 327.

2. Конструкция, функция, художественный образ в дизайне. Труды ВНИИТЭ, вып. 23. – М. 1980, 140 с.
3. Танидзаки Д. Похвала тени: / Пер. с япон. – СПб.: Азбука-классика, 2001. – 384с.
4. The concise history of Japanese modern design. Japan, Bijutsu Shuppan-sha, 2003. - 192 p.
5. Penny Sparke. Japanese design. New York: The Museum of Modern Art, 2009. - 144 p.
6. ТОКУЇН YOSHIOKA Design. London: Phaidon, 2010. – 208 p.
7. ТОКУЇН YOSHIOKA Crystallize. Japan, Seigensha, 2013. – 192 p.

A STUDY ON “TSURUSHI-BINA NO MINATO”
—THE DEPICTION CONCERNING AN EXCHANGE BETWEEN
JAPAN AND RUSSIA IN VILLAGE HEDA —

『つるし雛の港』を読む
—文学に描かれた戸田の日本人とロシア人の交流—

【1】戸田の日露交流と文学

1855年に日露和親条約が締結されてすでに160年が経った。この間に日本とロシアの間には様々な歴史が刻まれたが、隣国であるにも関わらず人々の日露交流はそれほど深まったとは言えないのが現状である。このような昨今もう一度想起したいのは、日露和親条約締結に伴う戸田で繰り広げられた日本人とロシア人の交流である。

周知のように条約締結のためにプチャーチンはディアナ号に乗って来日した。しかし、下田で安政の大地震の津波に襲われ、ディアナ号は修理のために戸田に向かう途中に嵐によって沈没。ロシア人約500名は徒歩で戸田に向かいこの小さな村に滞在し、約三か月間で日露両国民が協力して代替船を建造した。この体験は遅れていた日本の造船技術を大いに前進させた。言葉の壁、単位の違い、材料の収集など困難も多かったが自然と相互理解が生まれ、人々の素朴な交流の様子を彷彿とさせる記録が残っている。この間にプチャーチンは日露和親条約を締結し、日本への敬意を込めてヘダ号と命名したこの代替船で帰国を果たした。まさに戸田は人間と技術の日露交流の原点というべき土地なのである。

では、この戸田の日露交流を文学はどのように描いてきたのだろうか——。

ロシアにはニコライ・パヴロヴィッチ・ザドルノフの『津波』(1972年)、『下田』(1975年)、『戸田』(1979年)の三部作がある。¹これら

¹ Цунами: роман / Николай Задорнов. Советский писатель, 1972. Симода: роман / Николай Задорнов. Советский писатель, 1975. Симода: роман / Николай Задорнов. Советский писатель, 1975.

は日本語訳で¹計 2000 ページを超える壮大な歴史小説で、その中にディアナ号乗組員と伊豆の人々との関りも描かれている。一方、日本ではなぜか戸田での日露交流は文学に描かれてこなかった。しかし、2012 年に刊行されたのがザドルノフの三部作と全く対極的な掌の小品、中尾ちゑこの『つるし雛の港』である。²本論では、この『つるし雛の港』の世界を表現に即して検証する。

【2】巧みな異文化受容の表現

三方を山で囲まれた小さな戸田村に、500 名ものロシア人が滞在したことは大きな出来事であったに違いない。たとえロシア人の滞在する家屋は決められていたにしてもロシア人の一挙手一投足に人々の関心が向かったであろうことは想像に難くない。初めて目にする異国人への驚きと興味は次のように表現されている。「頭に黒い布の盆のをせ、黒い上着、下は二股に分かれた袴より細い白い筒にそれぞれ足を入れている」。これは帽子と上着、ズボンを初めて目にした者の感慨であろう。そして、「父さんがおろしゃの食べ物だって餅みて一なものくれたけん、牛の乳の腐ったような匂いがしたで、ようたべられんで」とは「チーズ」を表現したに違いない。そして、次は「鍋割」と呼ばれた果実を食べて死んだロシア人の葬式に際しての描写である。

足首まである黒い合羽のようなものを着、その上から幅の広い派手なたすきを下げ、これも色鮮やかな頭巾をかぶった初老のおろしゃ人が前に進み出た。／野太い声で高らかに謡いだす。／それは幸や美津が今まで聴いたこともない旋律で、空の彼方からおりてくるような、あるいは地底から湧いてくるような耳慣れぬ響きだった。／時々おろしゃ人が唱和し、右のてのひらを内向きにすばめ、そのまま

¹ 『津波』日本語版『北から来た黒船』朝日新聞社 1977 年。『下田』日本語版『北から来た黒船(2)』朝日新聞社 1980 年。『戸田』1 日本語版『北から来た黒船(3)』朝日新聞社 1982 年。

² 2012 年 9 月、文芸社刊。

腕を胸から腹のあたりに下ろし、右から左の肩先に軽く触れて頭を下げている。

ロシア正教の司祭の服装と、ロシア正教独特で厳かな聖歌を初めて耳にした敬虔な感動を記している。そして、十字架の宗教的な意味やその背景を知る現代人であれば「十字を切る」と簡単に表現してしまうところであろうが、江戸末期の片田舎の日本人は十字を切る仕草を初めて見たのに違いなく、その不思議な手の動きをそのまま表現するしかなかったのであろう。十字を切る仕草を模し、このような異文化に初めて触れた日本人の驚きを巧みに表現している。

同時にロシア人から見た日本の生活も驚きの連続であったに違いない。ロシア人が見た日本文化への驚きは次のように表現されている。「外から内への境界が曖昧な不思議な空間」「三方の壁が自由自在に左右に開いてしまうので自分の居場所が定まらないようで落ち着かなかった」——これはふすまに囲まれた日本の和室のことである。ふすまを開けることで部屋の大きさは変幻自在に変化する。ドアと壁に囲まれた生活を送ってきたロシア人は戸惑いを感じたことだろう。そして、「夕食は重蔵が箱のようなものに入れて運んできた」とあるのは食事が膳に並べられた状態であることを描写しており、そこに登場する「褐色のスープ」とはみそ汁のことである。

このように、この『つるし雛の港』には未知なるものに触れる日露両国民の互いの異文化受容の様子が巧みに表現されている。同時に、心情を象徴する表現も巧みである。それを辿る前に小説に登場する主要人物を概観し、そこから本作品の基本的な枠組みを明らかにしたい。

【3】『つるし雛の港』の登場人物

『つるし雛の港』の主人公は「幸」である。幸の父・新井仁左衛門は廻船問屋で、造船御用掛を拝命した。彼は「開国」への積極的な動きを感知し、「この国もこれから変わるだろう、いや変わらねば

な」と語る進歩的で先見性のある父親として描かれた。¹母・多可は初孫の幸せを祈り、つるし雛を子どもたちと作るやさしい母親である。兄・嘉輔は「もっと何かを学びたいという別な志をいだき」「いつか異国へ行くぞ」と語り、父親譲りの進取の気性に富んでいる。一方、姉の紅は出産間近で帰省し、もう一人の姉・郁は幸と3つちがいがだが美人で縁談が整っている。だが、幸から見ると「すかしている」²存在で、村にやってきたロシア人にも無関心だ。主人公の幸は父親似。そして、男勝りの「まだ大人の娘になりきっていない、かといって子供というには大人びた女の子」である。周囲からは弟と代わつたらよかったと思われている。その弟・平太は虚弱で喘息持ち、内向的である。

このように新井家は進歩的な思想を持った父親中心の父系の家庭であり、女性は旧来の枠組みに留まっている。が、例外的な存在が幸である。幸は女だが、進歩的な父・兄に連なる位置を与えられていて、弟・平太と逆転していると言えるだろう。

その幸が恋した相手はアレクサンドル・アレクセイビッチ・ホルコンスキー。愛称サーシャ。船医研修生で、ディアナ号が津波を受けた際、大砲により左足を負傷し初めは新井仁左衛門の離れで治療する。オランダ語ができ、ヘダ号の建設に翻訳の仕事で協力した。当時の記録「水兵ヴィクトロフは腰から下に裂傷」(『高野明要約』)を元にした人物造形と考えられる。この二人の恋を援護するのが幸と同年の親友、美津。代々の廻船問屋の娘で、家に仮奉行所が置かれた。この他、新井家を拠り所とする手代の重蔵がいる。彼はサーシャの看病をし、サーシャと幸の恋の手助けもする。そして、コロメイツォフ(漢語通訳)³と密談しロシアへ密航する謎の僧侶・道慈をロシア船

¹ 小説末尾でサーシャと生きる決意をした幸は、この決断を父は理解してくれると考え、「父はいつも、遠くを見ている男だ」と認識している。

² 「すましている」「気取っている」の意味。

³ ディアナ号に乗船していた中国語通訳ゴシケヴィチがモデル。

に送り届ける。この道慈は実際にロシアに密航した橋耕斎をモデルにしていると考えられる。¹

このように、実在の人物を点描しながら開国を巡る幕末の大きな時代のうねりの中で、日露和親条約締結・ヘダ号の建造という歴史的事実を背景にしたロシア青年士官と戸田の娘の新しい時代を予感させる恋を描いている。

【4】アレクサンドルと幸の恋の描き方

サーシャと幸は互いの言葉を学び合うことから親しくなっていく。しかし、二人に別れの時がやって来る。サーシャは幸に母から健やかな成長を願って贈られた「柄に飾りの付いた銀の匙」を贈った。サーシャの贈ったスプーンは大事なお守りの意味を持ち、それを贈ったことは幸への愛情の深さを示す。一方、幸はサーシャのために漆蒔絵の文箱に「戸田の港からみる富士の絵と、端切れで作った一對のつるし雛の這い子人形」を入れた。「つるし雛」とは江戸時代以降、高価な雛段飾りの代わりに子どもの幸せを祈り、布製のさまざまな人形や野菜などを作り吊るして飾ったもの。特に幸が送った二つの這い子人形には、離れても二人は一緒という思いが込められているのだろう。そして、這い子—赤ちゃんが沢山這い這いをして元気に丈夫に育つように、犬—安産、子宝、羽子板—厄を撥ね返すなど、一つ一つの雛には意味がある。とすれば、サーシャと幸、両者ともに互いの行く末の健康を願ったということになるが、それだけではないはずだ。二人とも子供の象徴を贈りあっているのであり、精神的な愛情で結ばれた二人が互いに二人の子供を求める気持ち、つまり、心身ともに結ばれることを願う二人の思いが象徴的に表された部分とも解釈できるだろう。

¹ 1820-1850. 掛川藩士で、脱藩して戸田村の蓮華寺に寄寓。プチャーチン一行が戸田村に滞留中、中国語通訳官ゴシケヴィチと知り合い、随行して1855年ロシアに渡航。ゴシケヴィチと日露辞典『和魯通言比考』を刊行。ペテルブルグ大学東洋語学部日本語教師も勤めた。1874年帰国。

重蔵と道慈の船に乗って幸が見送りに来たのを知り、サーシャは「今、戻らなければ一生後悔のままの人生を送る」、そして、日露両国が「大きな変革の時代を迎えようとしている」と感じ、いずれ幸と共に帰国することもあろうと考え日本に留まることを決意する。幸も「これから自分はアレクサンドルの生きる地で、彼と共に生きていく」ことを決心する。こうした幸の精神的な成長は「富士」の描写にも表れている。「いずれ新井の家から嫁ぐときがきても、富士山から離れることはないだろう。／富士山はいつも幸についてきてくれると思えた」のだが、サーシャと生きていくことを決心した今、「それは富士山も見えない遙かな地であろう。(中略)幸は、初めて見るように富士の頂を見上げ、その頂の先にある旅路を辿ろうとしていた」とある。富士山の庇護から脱し、「外」で生きていこうとする幸の決意が富士山の頂を超えさせるのである。

このように、ヘダ号建造の陰に咲いたサーシャと幸の恋は新しい時代を予感させる。先に挙げたニコライ・ザドルノフの三部作でも富士宮嶋と戸田の日本女性とロシア人乗組員の4組の恋愛が描かれている。¹貧農の娘や、幸と同じように廻船問屋で造船御用掛の娘などの恋が描かれるが、特徴的なのは三人が妊娠をすること。そしてこうした国境を超えた新しい生命の誕生を、総じて新しい時代の到来として肯定的に描いていることだ。しかし、これら4組の男女ともロシア人の帰国によって別離の道を歩む。それに比して、象徴的な表現を用いて水彩画の如く淡い色調を用い、ハッピーエンドであるが『つるし雛の港』である。

ただ、末尾に付された「作者贅言」は、この小説のリアリティを補強する役目を果たしている。ここには二人が伊勢の廻船問屋に預けられた後、長崎へ渡り異国人相手の雑貨商として成功したこと。しかし、二人はそれぞれの故郷に戻ることなく日露開戦前に死亡し、日露戦争時には子孫がウラジオストックまで商圏を広げたことなどが綴

¹ ニコライ・ザドルノフの三部作については、拙論「文学に描かれた戸田の日露交流」（『日本大学国際関係学部研究年報』第37集、2016.3）を参照されたい。

られている。二人のその後を点描し、特に、二人とも故郷には帰ることが出来なかったと記すことで、二人の後の人生が決して順風満帆ではなかったことが想像され、一抹の悲哀を感じさせる。また、子孫についての部分は、歴史的に明らかにされているウラジオストックにできた日本人街の存在なども彷彿とさせ、フィクションをノンフィクションに近づけている。

以上、『つるし雛の港』は我々に日本とロシアが共に戸田村で洋式帆船を建造した歴史を想起させ、その陰に咲いた若者の淡い恋を通して新しい時代の幕開けを描いた作品である。日露双方の人口に膾炙することを期待したい。

СОВРЕМЕННАЯ ЯПОНИЯ: ПОЛИТИКА, ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

JAPAN AND THE TRANS-PACIFIC PARTNERSHIP AGREEMENT

Though Japan is seen as one of the world's great powers, its aircraft carriers do not plough seas and oceans. Similarly, there are no Japanese military bases scattered around the world. It is international trade in goods and services (as well as direct investment) that is attracting special attention to Japan. In every corner of the globe one can come across products of Sony or Toyota, Fanuc robots or Nintendo games, or other electronic or mechanical innovations. In the eyes of the humankind, until very recently Japan proudly ranked second as the world's trading nation (next only to the U.S.), a leading exporter of many highest quality and most technologically sophisticated manufactures. For those countries that are abundant with raw materials, Japan has been also a major importer of various natural resources needed for its economic survival.

When the 2nd World War was over, all the nation's efforts were directed to the continuous increase of exports overseas, first of all to the United States. The energy of Japanese people and activities of its economic diplomacy were crowned with success: by the late 1960s, the country became the world's number two trading nation, keeping this ranking for the next 40 years. Worldwide, this achievement was often popularly called as a "Japanese economic miracle".

However, since the end of the 20th century, it was increasingly clear that Japan would be overtaken by China both as an exporter and as an importer in a near future. It really happened in 2010. Nowadays, Japan occupies the 4th

place in the list of trading nations as it is seen below (2014 fiscal years, billion U.S. dollars):

	USA	Germany	China+Hong Kong	Japan
exports (A)	1,610	1,547	2,750	710
imports (B)	2,380	1,319	2,809	812
trade turnover (A+B)	3,990	2,866	5,559	1,522
trade balance (A-B)	-770	+228	-59	-102

For the last several decades, there have been drastic changes in the structure and geography of Japan's external trade. The statistical tables at the end of this paper show that China which only fifteen years ago was an insignificant partner, nowadays (Hong Kong included) consumes not less Japanese goods than the giant market of the U. S. As a supplier of consumers' goods and commodities to Japan, China is already more than twice as important as the U. S. Equally interesting is the fact that the four newly industrialized economies (NIEs) of Asia (Singapore, Hong Kong, South Korea, and Taiwan) taken as a whole import more products "made in Japan" than the whole of the USA does. On the other hand, the ten ASEAN member-states dispatch to the Japanese ports more goods (in value) than the U. S. Given the increasing role of China, ASEAN, and NIEs, it is not surprising that nowadays the so called "asianization" of Japan is often mentioned in mass media.

International trade is in many ways a conflicting process. As a rule, each government strives to increase its nation's exports and decrease imports in order to achieve an active

(positive) trade balance or to avoid its deficit. Tariff and non-tariff barriers are the two principal tools which are used to protect domestic enterprises. Sometimes, the tariff duties levied on imported goods can be so high that a customer cannot afford buying them (the so called “prohibitive” tariffs). The average figures for tariff rates in the middle of the 2000s) were as follows: the United States, 3.6% and the European Union, 4.1%, while in Malaysia this figure equaled 14.5%; in South Korea, 16.1%; in the Philippines, 25.6%; and in Indonesia was as high as 37.5%. Naturally, liberalization of trade with East and Southeast Asia could help facilitate the activities of Japanese businesses and increase their profits in a big way.

While trying to promote Japan’s exports, its policy-makers for decades used to focus on multilateral negotiations over trade frictions within frameworks of GATT and later, its successor – the World Trade Organization (WTO). However, at the start of 21 century, Japan considerably changed its traditional course by increasingly seeking bilateral “Free Trade Agreements” (FTAs) or Economic Partnership Agreements (EPAs). Japan’s pro-FTA policy was certainly triggered by unsuccessful results of protracted Doha Round of WTO multilateral negotiations and the APEC’s inability to implement its own accords on the free trade and investment regime within the APR in due time (the year 2010 for the developed nations and the year 2020 for the developing countries of the APR). Prime Minister Jun’ ichiro Koizumi’s era (2001-2006) is likely to be remembered as the start of Japan’s FTA-oriented international trade policy.

After having nearly lost faith in the multilateral negotiations, Japan’s authorities and business leaders decided to embark on bilateral trade deals. The first accord – one with

Singapore – was inked as late as in 2002. After Singapore's pact, FTAs or EPAs with Mexico, Malaysia, Chile, Brunei, Thailand, the Philippines, Indonesia, Vietnam, India, Peru, Australia and Mongolia followed suit (the only country outside the APR appeared to be Switzerland). By 2020, about 90 per cent of the trade between Japan and the countries involved is expected to be custom-free. In addition to bilateral agreements, in 2007, Japan concluded an economic partnership agreement with ASEAN as a body (later than China and South Korea did it) covering the trade in goods, services, and investment.

Japan's accords with the developing nations of Asia and Latin America have some peculiarities. The low level of liberalization is the most salient deviation from the pattern established between developed (Western) countries and their counterparts in the developing world. Most importantly, all of Japan's free trade pacts do not cover trade in rice, meat, dairy products and some other farm and alimentary goods. The persistent omitting of rice from negotiation table has really been reflecting the popular mood in the country. A number of public opinion polls have shown that most people do support free trade agreements as such but only if they would not involve trade in rice. It is widely believed that the custom-free importation of this staple (which would be three or four times cheaper than domestic rice) would lead to mass bankruptcy of Japanese farmers and near disappearance of rice paddy-fields as a part of the national culture and landscape. Influential Shinto organizations with links to the Government oppose the free trade of rice because of "traditional sacred ties" between rice cultivation and Shinto religious rituals.

Naturally, ASEAN member states may not be totally satisfied with Japan's EPAs because of exclusion of food

and, additionally, because movement of manpower from Asian countries is not stipulated either. Meantime, the problem of influx of manpower to Japan is of great concern for the relevant governments overseas as their remittances to home-countries could be a valuable source of foreign currency. The freedom of migration of working force has been making its way steadily to the top of international affairs agenda worldwide. (So far only three Japan's agreements – those with the Philippines, Vietnam and Indonesia – provide for the intake of a mere handful of foreign workers, namely medical nurses and caretakers).

As a result, not few observers argue that these trade pacts can be hardly called free trade agreements at all, label them as grossly incomprehensive, even “dirty”. However, the nations in question and ASEAN (as a body) need trade pacts with Japan first and foremost in order to counterbalance similar China-ASEAN free trade agreement and prevent the giant China from gradually “swallowing up” ASEAN's economy.

By the end of the first decade of the 21 century, hundreds of free-trade agreements had been inked between individual countries of the APR or between individual countries and organizations (like the one between Japan and ASEAN). The region began to look like a “spaghetti bowl” with its entangled bilateral trade treaties. The web of different free trade agreements has seriously complicated the work of custom offices in importing countries.

The problem of “the country of origin” for imported goods is one of the most scabrous ones. For example, let us imagine that Japan is importing raw tuna from Peru and vegetable oil from Indonesia. Japanese companies process these raw products on its own territory, pack them and export

cans to third countries, let us say to the U.S. How should the American custom authorities consider canned tuna imported from Japan: as Japanese or as partly Peruvian or as partly Indonesian product, given that the U.S.A. has a free-trade agreement with Peru and does not have similar treaties with both Japan and Indonesia?

Failure of multilateral negotiations on trade liberalization in the frameworks of WTO and APEC led the U.S. administration to launching the movement for the creation of the enlarged treaty named Trans-Pacific Partnership. The TPP has been envisaged as a free-trade pact that would require in principle member nations to eliminate all tariffs within the zone. President Obama himself voiced this idea in Tokyo in November 2009. The TPP is supposed to bring benefit, first of all, to the U.S. exporting companies; it corresponds with Obama's aim to double the value of the American exports. Prior to Obama's initiative, the TPP was a little-known and modest free-trade pact that had taken effect in 2006 between 4 small nations such as Brunei, Chile, New Zealand and Singapore. However, after the American involvement it became an increasingly prominent idea. In prospect, the TPP could become the path to a Free Trade Area of the Asia Pacific (FTAAP) – a goal which has long been cherished in the U.S.A.

Since then, negotiations went under way among the above mentioned four nations (Brunei, Chile, New Zealand and Singapore) and another 7 countries including major agricultural exporters (the U.S., Canada and Australia) as well as Peru, Malaysia, Mexico and Vietnam. Japan was also invited by Obama to join the talks. It has been a common belief that the U.S. needs Japan within the Pacific trading bloc in order to counterbalance and restrain China, a nation that has been

expanding its global economic clout in recent years (China was not invited to the negotiations).

Interestingly, Japan and the United States combined would account for roughly 90% in terms of all 12 member-nations economy scale if Japan joins the TPP talks. It is widely believed that in this case, the word “Trans-Pacific” would be a misnomer and the pact would effectively be a bilateral agreement between Japan and the U.S. (other 10 nations would look as an appendage to Japanese-American trade relations). For this reason, for Japan joining the TPP negotiations could make future exhausting bilateral free-trade negotiations with the U.S. unnecessary.

During the Yokohama APEC summit (November 2010) Asian-Pacific leaders agreed to take steps towards creating a free-trade zone in the APR, though they failed to set a timetable. The domestic rift within Japan began to grow by the next APEC meeting to be held in Honolulu (2011). Meanwhile, the Americans appeared increasingly insistent saying that Japan’s government should quickly decide whether join to free-trade talks on the TPP or not because potential member-states cannot delay the negotiation process.

As mentioned earlier, while negotiating previous bilateral agreements with Asian countries, Japan managed to persuade them not to include rice and other alimentary products into the list of custom-free goods. Now due to the U.S. and some other APEC countries’ position Japan in principle was obliged to agree to custom-free rice importation – if it decided to join Trans-Pacific Partnership.

That way or another, it was clear that in Japan there would be losers. If Japan opted for joining the TPP, numerous farmers and their relatives would suffer greatly, the number of rice-paddies would reduce, and Japanese landscape would

look differently. Domestic rice and beef could become expensive delicacies as most consumers will naturally opt for buying much cheaper imported foods.

On the contrary, if the government opted out of Trans-Pacific agreement, many manufacturing companies would have to further move their factories and other facilities overseas, while industrial workers in Japan would lose their jobs. Besides, as customers, Japanese men and women would continue to pay extra money for domestic rice and other alimentary products. So, Japan confronted a really hard choice and the nation seemed to be split.

Agricultural organizations were increasingly voicing resistance to the TPP on the grounds that it would mean the sacrifice of agriculture. Chairman of the Central Union of Agricultural Cooperatives (JA-Zenchu) Akira Banzai handed to the Japanese government more than 11 million signatures demanding Japan not joining TPP negotiations. The task of joining Trans-Pacific pact was further complicated by the fact that all the five prefectures that have borne the brunt of the Tohoku triple disaster on March 11, 2011 (Miyagi, Fukushima, Iwate, Ibaraki and Aomori) are also major agricultural producing areas. To impose any kind of a FTA on Japanese farmers at this time, perhaps, would be like adding insult to injury.

The other part of Japanese society saw the problem differently. Leaders in the manufacturing industries insisted that supporting low-effective agriculture was against the policy of consumer protection. They said that the opportunity to buy cheaper food for millions of Japanese consumers is more important than the conservation of ineffective small farms. Moreover, they are sure that the Trans-Pacific Partnership would provide a chance for Japan's agricultural

sector to become more high-tech, enlarged and more specialized.

Major export-oriented industries, such as steel, vehicle, and electronics makers were pushing for Japan to join negotiations on TPP as early as possible to avoid being left out. Industrialists said that if such important players as the U.S., Australia, and others start custom-free trade between themselves, Japan, especially its export-oriented industries, would be left in a most disadvantaged position. It would weaken Japan's global trading performance further in a big way.

Japan has long been losing competitiveness of its manufacturing industries. One of the reasons is a heavy burden of tariffs in importing countries; therefore abolition of customs tariffs has been exporting industries' "dreamboat". For example, automakers have referred to a free trade agreement between South Korea and the United States. South Korean trucks exported to America would have zero tariffs placed on them. In contrast, Japanese-made trucks would have a 25-per cent custom tariff. Japanese automobile-makers just cannot compete under these circumstances. Therefore increasing number of workers would be losing their jobs – unless Japan joins the TPP. Nippon Steel has reported that during the last several years it had to reduce the size of its work force from 80,000 to mere 18,000 people, because of decreasing competitiveness of Japanese steel overseas. The leaders of steel industry predicted that if Japan fails to enter the TPP, the possibility is high that steel will no longer be produced in Japan altogether.

Keidanren (Federation of Economic Organizations) completely supported Japan's participation in the TPP talks. Its chairman Hiromasa Yonekura said that if Japan delays in

promoting international economic partnership, its companies may further accelerate their shift of production facilities abroad in search of cheaper costs. He added that such a development would have an enormous negative effect on domestic employment and accelerate “hollowing-out” the Japanese economy.

Besides, a split happened around the Trans-Pacific Partnership even within the Government. For example, the powerful Ministry of Economy, Trade and Industry (METI) supported joining international negotiations while the Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries (MAFF) was obviously against it. Half of the lawmakers in the Diet opposed involvement in the TPP negotiations. Out of 47 prefectures’ governors only six governors (including heads of Osaka, Oita, Shizuoka, and Aichi – each home to major manufacturing center) supported joining the Pan-Pacific trading bloc. On the contrary, Fukui Governor became convinced that at least 90% of local rice production would be wiped out if Japan signs up for the TPP. The Hokkaido Governor went as far as to forecast the complete collapse of many local communities if Japan yields to the U.S. pressure.

By the end of 2011, it became clear that if Japan fails to enter the TPP at its starting point, it would miss an important opportunity to participate in shaping the rule-making process for the multilateral trade pact. Even if Japan joined the pact later, it would not be able to influence and change its rules; the rules would have been determined without Tokyo’s knowledge.

The days immediately before the opening of APEC summit in Honolulu (mid-November 2011) were uneasy for Japan’s government because of the increasing split within society and the then ruling Democratic Party itself over TPP

membership. Only hours before his departure for Hawaii, the then Prime Minister Yoshihiko Noda informed the nation that he would join negotiations with a view to boosting Japan's sluggish economy and discuss this matter with President Obama.

Japanese mass-media, perhaps, was right to state that doing nothing in the current situation was the greatest risk for the nation at the moment¹. In the case of Japan's joining, "the Pacific Eleven" would turn into "the Twelve" with the U.S. and Japan taking the leading positions. However, the negotiations were expected to be a long and painful process taking into consideration trade contradictions between the U.S. and Japan, as well as domestic opposition in Japan.

Only as late as March 2013, after the Democratic Party's defeat at the general election, Shinzo Abe's new administration officially declared its decision to participate. According to world mass media, joining the TPP was the only way for Japan to counterbalance a rising China. Japan entered negotiations in July 2013 from a weak position. Because it was a latecomer to the talks Japan had to obey to the terms already agreed upon by the 11 other participants. Besides, it had no right to learn how previous TPP talks had proceeded.

The Abe government decided to join TPP talks despite the opposition of agricultural lobby, as well as those engaged in some other sectors of Japanese economy. For example, physicians and nurses were concerned about possible destruction of national medical insurance system if American insurance companies were allowed access to Japan. Japanese lawyers were afraid that they would be losers in competition with U.S. giant law firms. And the list goes on.

¹ Kyodo Tsushin, 11 November, 2011.

Meanwhile, the Abe cabinet went on convincing the public that it still wanted to keep tariffs on imports of foreign rice, wheat, beef, pork, dairy products, and sugar. This was not only about the deplorable fate of Japanese farmers; the nation's food security would be endangered if uncontrollable importation of agricultural products is allowed.

Not all in the Asia-Pacific, the U.S. included, were happy with Japan's positive decision. For example, the leaders of the U.S. automobile industry appealed to President Obama not to allow Japan to join the TPP as it would destroy what is left of American car-making industry.

In theory, the TPP's main goal is to get rid of all tariffs in the APR, to remove all barriers to the free movement among member nations of goods, services, money and people. Some mass media have said that to do this seems in effect to dissolve national boundaries and that ultimately joining TPP would mean the complete Americanization of Japan. The world renowned Japanologist Karel van Wolferen says that "the partnership" in question is not about trade but about politics because it aims at changing the power relations between transnational (mainly American) corporations whom he labels as "top predators" and foreign governments in favor of the former¹. Others argue that without joining TPP and strengthening ties with the U.S., Japan would be economically swallowed up by China within a certain period of time. Besides, in purely economic terms, by Abe administration's estimates, TPP can eventually boost Japan's GDP to 600 trillion yen. With these mutually contradictory prophecies in view, Japan really confronted a hard choice.

¹ The Japan Times, 6 February, 2016.

Contentious issues like agriculture, intellectual property, investment, trade in services, etc. have caused major delays in TPP negotiations. One of the most striking features of negotiations was their absolute secrecy: only about 600 thoroughly cleared advisers (mainly, from business community) had access to parts of agreement and were sworn to remain silent about their details. The final document was inked by all 12 participants only as late as October 2015 in Atlanta (Georgia, the USA). Seemingly, the agreement turned to become a victory of the U.S. (to be more correct, Obama' s) diplomacy as Japan and 10 other Pacific states found themselves included into the American economic force field. In this huge free trade area there live more than 800 million people, and 40% of global trade transactions (in value) are made there. TPP is a cornerstone of the American “pivot to Asia”, and Washington will see greater benefits if more countries join it because that will mean newer markets for the USA (There are several potential members who expressed their wish to join this organization, including South Korea, Indonesia, Columbia, Philippines, Taiwan, and Thailand.)

In February, 2016 ceremonial signing of the October TPP pact took place in Auckland (New Zealand)¹. The agreement would take effect 60 days after all twelve countries ratify it in two years. After two years pass, it will enter into force 60 days after at least six countries – accounting for 85 percent of the combined gross domestic product of the signatories – do so. Given the political situation of the

¹ Ironically, Japan' s chief negotiator at TPP talks, Akira Amari was forced to resign prior the ceremonial signing due to corruption allegations at home, and in Auckland Japan was represented by a lower-level bureaucrat, state minister Shuichi Takatori.

countries, the year 2018 it is expected to be a year when the deal will fully enter into force. As soon as TPP will be ratified by parliaments of relevant countries, import tariffs on about 1/2 of all agricultural and fishery products in the area will immediately become zero. Over time, the tariffs on 80% of those products will be eliminated.

So far, much has been said in world mass media about American-sponsored TPP as a counter-balance against increasing Chinese clout in the region. However, some key facts tell a different story and make this claim doubtful. Many TPP members already have FTAs with China, which would seem to inhibit TPP's effectiveness against China. Besides, President Obama himself said that in the future China (as well as Russia) can become a member of TPP if it lives up to the high standards of TPP. So, if TPP is not in reality an anti-Chinese bloc, then why is there much anti-Chinese rhetoric? In all probability, it is because Obama's idea of TPP faces skepticism and opposition from both political parties (including his own Democratic Party) in the U.S. Congress. He tries to capitalize on the growing negative Chinese sentiments among the U.S. people to gain support in the Congress when it comes to ratification. President Obama desires to leave his mark on history as a statesman who paved a way to a Free Trade Association of Asia & Pacific (FTAAP) through the current TPP. Perhaps, if FTAAP (including both the USA and China) emerges in the future, this development could be advantageous for Japan because the nation would not have to choose between the two mentioned trading giants, carrying out an unbiased trading and investment policy.

Nowadays, the whole range of advantages and disadvantages of TPP for Japan is not completely clear. However, the agreement is likely to be beneficial in terms of

foreign investment. In the developing nations (such as Vietnam and Malaysia) regulations on the foreign capital would be eased. This will encourage Japanese firms to enter overseas markets and further deepen their production networks in Asia. Also, TPP is expected to increase outward FDI into Japan which would bring new knowledge and technology from overseas and serve as the pump for innovation in Japan. Foreign FDI would also increase employment in Japan.

During the TPP negotiations, each country tried to safeguard its own positions but simultaneously had to make compromises, especially when it came to Japan-made cars in the U.S. and Canada as well as foreign farm products in Japan. The U.S. negotiators agreed to the following scheme: the tariffs on Japanese automobiles will start to be gradually lowered 15 years after the agreement takes effect, halved in 20 years and eliminated in 25 years. For Japan, as mentioned above, especially sensitive products were rice, beef and some other alimentary products. In 2015, for example, Japan's custom duty on beef imports amounted to 38.5%. This will be reduced to 25.7% in the 1st year of TPP and by the 16th year this duty will be reduced to 9%. The fruits of the trade accord, therefore, will be advantageous mainly for the next generation. Prime Minister Shinzo Abe was, perhaps, right when he called the negotiated TPP deal "just a start".

Rice, of course, was most sensitive object of TPP negotiations. Japanese trade representative Akira Amari agreed that under the TPP Japan would maintain tariffs on foreign rice but be initially obliged to import up to 78,000 tons of non-tariff rice from USA and Australia annually for 13 years. This foreign rice would be stockpiled for emergencies so that the TPP will not impact prices on the domestic market.

The government expects that farmers will learn to be more efficient and successfully differentiate their products. It is hoped that high-quality domestic products could co-exist with cheaper imports in the domestic market and, moreover, will find demand on the part of the growing middle class in the Pacific countries. So even if the TPP lowers agricultural tariffs, it could in fact make Japan's agriculture competitive. Only time will tell whether these expectations come true (However, by the author's own observations, in the spring of 2016 a number of Japanese agricultural products sold at the supermarkets of Hong Kong, Macau, Singapore and China itself grew substantially as compared to the previous year).

Main Trade Partners' Share in Japan's Exports (2000-2014) %%

COUNTRY	2000	2004	2010	2014
U.S.A.	29.7	22.4	15.4	18.7
China	6.3	13.1	19.4	18.3
South Korea	6.4	7.8	8.1	7.5
Taiwan	7.5	7.4	6.8	5.8
Hong Kong	5.7	6.2	5.5	5.5
Thailand	2.8	3.6	4.4	4.5
Germany	4.2	3,3	2.7	2.8
Singapore	4,3	3.1	3.3	3.1
U. K.	3.1	2.6	2.3	1.6
Australia	1.8	2,1	1.9	2.4
Total exports from Japan	100%	100%	100%	100%

Main Trade Partners' Share in Japan's Imports (2000-2014) % %

COUNTRY	1998	2004	2010	2014
China	13.2	20.7	22.0	21.0
U.S.A.	23.9	13.7	9.7	8.7
Saudi Arabia	2.6	4.1	5.1	5.8
U.A. Emirates	3.0	4.0	4.3	5.0
Australia	4.6	4.3	6.4	5.9
South Korea	4.3	4.8	4.1	4.5
Indonesia	3.9	4.1	4.1	3.7
Germany	3.8	3.8	2.8	3.0
Malaysia	3.1	3.1	3.3	3.6
Qatar	1.0	1.7	3.6	4.3
Total imports to Japan	100%	100%	100%	100%

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЯПОНИЕЙ И ИНДИЕЙ В 1950-Е ГГ. ПОЗИЦИЯ СТОРОН

9 июня 1952 г. в Токио был подписан договор о мире между Индией и Японией. Договор состоял из 11 статей. Согласно договору стороны обеспечивали друг другу режим наибольшего благоприятствования в торговле, договаривались о проведении дальнейших переговоров для заключения договоров или соглашений в сфере торговли, морских, авиационных перевозок и других коммерческих отношений. Восстанавливались права и интересы сторон на территории обеих государств, существовавшие до начала войны. Стороны признавали, что вмешательство государств во Вторую мировую войну не повлияло на обязательство выплачивать денежные долги, вытекающие из обязательств и контрактов, которые существовали до войны, и которые причитаются к выплате. Япония подтверждала свою ответственность за довоенный внешний долг государства и ответственность по долгам юридических лиц и заявляла о своем намерении в ближайшее время вступить в переговоры со своими кредиторами для возобновления выплат по этим долгам. Индия отказывалась также от всех репарационных претензий к Японии¹.

В мае 1952 г., сразу после окончания периода оккупации Японии, глава дипломатической миссии Индии К. К. Четтур стал первым официальным послом республики

¹ Treaty of Peace between the Governments of India and Japan (1952) // Indian Treaty Series // [URL]: <http://www.commonlii.org/in/other/treaties/INTSer/1952/6.html> (дата обращения 09.04.2015).

Индии в Японии. Первым послом Японии в Индии стал Нисияма Цутому. В сентябре 1952 г. он вручил верительные грамоты президенту Индии¹.

С восстановлением дипломатических отношений Япония и Индия начали новый этап в истории своих политических отношений. Международное положение, сложившееся в условиях биполярной системы международных отношений с двумя противостоящими друг другу блоками во главе с США и СССР, существенно повлияло на характер японско-индийских отношений в последующие 40 лет после подписания договора о мире.

Япония и Индия в годы «холодной войны» оказались одними из наиболее заметных представителей, занимающих противоположные позиции в отношении развития международных отношений в Азии. Однако в 1950-е гг. различие во внешнеполитическом курсе обеих стран было еще не столь заметным, поэтому именно в этот период и Японией, и Индией были предприняты попытки найти пути сближения по политическим вопросам.

Следуя условиям Статьи II в Договоре о мире, правящие круги Японии и Индии стали сначала налаживать сотрудничество в сфере торговли, морских и авиационных перевозок. В результате двухлетних переговоров 26 ноября 1955 г. было подписано Соглашение о воздушном сообщении, которое способствовало в дальнейшем осуществлению прямых авиаперевозок между двумя странами. Также по соглашению гражданская авиация

¹*Narasimha Murthy P.A. India and Japan. Dimensions of their relations (historical and political). New Delhi: ABC Publishing House, 1986. P. 348–350.*

сторон получала право пользования услугами аэропортов в Токио, в Бомбее и Дели соответственно, таких, как посадка самолета для заправки топливом и обеспечение технического обслуживания¹.

Заключение вышеуказанного соглашения явилось лишь первой ступенью к установлению более глубокого сотрудничества обеих сторон во второй половине 1950-х гг.

Однако прежде чем рассматривать конкретные действия Японии и Индии по дальнейшему взаимодействию, обратимся к анализу основных тенденций во внешней политике обоих государств.

Япония и Индия в условиях послевоенного мирового порядка изначально стали придерживаться разных позиций относительно их вклада в развитие международных отношений в Азии.

Индия заняла «открытую позицию», выражая при этом свою заинтересованность в поддержании мирного сосуществования азиатских стран. Руководство Индии во главе с Джавахарлалом Неру выступало против вовлечения стран Азии и Африки в агрессивные военные блоки, а также политики колониализма и расовой дискриминации, что привело к усилению солидарности этих стран. В результате, Индия явилась одним из главных инициаторов проведения Бандунгской конференции 1955 г., которая была созвана с целью усиления сотрудничества стран Азии и Африки в сфере обеспечения безопасности и сохранения

¹ Ёсидзава Сэйдзиро 吉澤清次郎. Нихон но гайко.си. Ко:ва го но гайко: I. Тайрэккоку канкэй 日本の外交史. 講和後の外交. I. 対列国関係 (История дипломатических отношений Японии. Внешняя политика после подписания мирного договора. Ч. 1. Отношения с отдельными странами). Том 29. Токио, 1973. С. 341–342.

мира в регионе, а также развития экономических отношений.

Выступления премьер-министра Индии Неру на конференции продемонстрировали его решимость следовать принципам политики «неприсоединения» к каким-либо военным блокам, например, к СЕАТО¹ или Североатлантическому блоку, подчеркивая при этом, что «каждый пакт несет вошедшим в него странам опасность, а не безопасность»².

Более того, Индия не имела ничего против присутствия японских официальных представителей на конференции, в то время как Бирма и Индонезия выразили свое несогласие с таким решением. Однако Индия настояла на участии Японии, проигнорировав тем самым её напряженные отношения со странами Юго-Восточной Азии, а также существующий военно-стратегический союз с США. Благодаря такой возможности, японская делегация во главе с Такахаси Тацуносукэ³ смогла наладить контакты с премьер-министром КНР Чжоу Эньлаем, что, в дальнейшем, сыграло важную роль в нормализации отношений между Японией и КНР⁴.

Приглашая японских представителей на конференцию, правящие круги Индии, со своей стороны, рассчитывали в будущем не только обрести надежного партнера на Дальнем Востоке, но и вовлечь Японию в

¹ СЕАТО (англ. SEATO) — Организация Договора Юго-Восточной Азии.

² Нихамин В.П. Очерки внешней политики Индии (1947–1957 гг.). М., 1959. С.213.

³ Такахаси Тацуносукэ (1885–1964) — японский политик, крупный предприниматель. Основатель крупнейшей в Японии контейнерной компании «TOYO SEIKAN GROUP».

⁴ Narasimha Murthy P.A. Ibid. P. 357.

процесс интеграции стран Азиатского региона без вмешательства США или стран Запада.

Что касается Японии, то, в отличие от Индии, она заняла сдержанную и даже пассивную позицию в международных делах. Это объясняется тем, что в 1950-е гг. основное внимание политических лидеров Японии было сфокусировано на экономическом и промышленном развитии страны, при этом любую внешнеполитическую инициативу предпочтительнее было передавать своему «тихоокеанскому союзнику».

Официальные круги Японии, таким образом, не выражали особого сочувствия позиции Индии не только в вопросах оппозиции колониализму и расовой дискриминации, но и в непосредственном участии в азиатской политике.

Стоит отметить, что с подписанием договора о мире 1952 г. правящие круги Индии поддерживали все попытки Японии вступить в ООН, поэтому после присоединения Японии к ООН в 1956 г. высказывались предположения, что оба государства пойдут по пути сотрудничества в рамках организации. Однако ситуация складывалась иначе.

Япония в ООН формально выражала свою поддержку «группе АА» (странам Азии и Африки), однако никогда не идентифицировала себя с её интересами и политикой, держась как бы «в стороне». Позже, в 1958 г., бывший премьер-министр Японии Ёсида Сигэру объяснил такую позицию тем, что «Японии не следует заходить далеко в её отношениях со странами Азии и Африки, так как среди них почти нет современных развитых государств»¹.

¹ *Narasimha Murthy P.A. Ibid. P. 358.*

Кроме того, правящие круги Японии выражали некоторое недоверие к политике «неприсоединения», мотивируя это тем, что Индия совсем недавно обрела статус самостоятельной республики, и поэтому эффективность её внешнеполитических методов еще не проверена на практике. По этому поводу свое мнение высказал на пресс-конференции в 1958 г. министр иностранных дел Японии Фудзияма Айтиро, заявив: «Желанием моей страны было избежать, насколько это возможно, такой политики относительно основных международных проблем, какой придерживается Индия»¹.

С другой стороны, в Японии среди неофициальных кругов высоко оценивалась роль Индии в дальнейшем развитии международных отношений в Азии. Безуданные попытки правительства Индии внести свой вклад в дело поддержания мирового порядка, рискуя даже дестабилизировать тем самым внутреннюю обстановку в стране, побуждали японских обозревателей международных организаций отмечать, что «Япония могла бы поучиться на примере Индии, как следует вести эффективную внешнюю политику без использования экономической или военной силы»².

Говоря об официальной позиции представителей Индии в ООН, то они твердо придерживались принципов Бандунгского соглашения. В связи с этим западные державы пытались использовать Японию, как некий противовес, призывая её стать «азиатским членом западного альянса» и действовать в качестве посредника между ними и странами «группы АА». Именно поэтому, когда японский

¹ *Narasimha Murthy P.A. Ibid. P. 359.*

² *Narasimha Murthy P.A. Ibid.*

представитель в ООН обратился к индийской делегации с предложением о сотрудничестве, официальный посол Индии в ООН Кришна Менон заявил, что «внешнеполитические принципы Японии и Индии настолько различны, что о сотрудничестве не может быть и речи»¹.

Однако, несмотря на противоречивые отношения двух стран, именно Индия поддержала кандидатуру Японии на пост непостоянного члена Совета Безопасности ООН, на котором она пробыла два года (1958–1959 гг.).

Таким образом, Индия не переставала рассматривать Японию как географически и исторически важную часть Азии, которой суждено заново занять лидирующие позиции в регионе. Более того, внешнеполитические убеждения правящих кругов Японии представлялись не истинными государственными интересами, а как нечто «зависящее от потребностей США». Поэтому, с одной стороны, правительство Индии признавало необходимость обеспечения безопасности Японии её тихоокеанским союзником, но, с другой стороны, считало, что Япония тем самым теряет свободу действий во внешней политике.

Тем не менее, объективное признание обеими государствами существования весомых расхождений в позициях сторон парадоксально привело к активизации двусторонних экономических отношений, и, как следствие, политических и дипломатических.

В мае и ноябре 1957 г. японский премьер-министр Киси Нобусукэ совершил турне по азиатским странам, что стало попыткой так называемого возвращения Японии в Азию. Одной из важнейших задач кабинета Киси стали

¹ *Narasimha Murthy P.A. Ibid.*

проблема нормализации отношений со странами Южной и Юго-Восточной Азии, разрешение проблем репараций и обеспечение условий для широкомасштабного проникновения на рынки региона. Начиная с этого времени на долгое время одной из важнейших целей японской дипломатии стало восстановление «доброго имиджа Японии» во всех азиатских странах¹.

23–25 мая 1957 г. в рамках турне состоялся первый официальный визит премьер-министра Киси в Индию. Несмотря на в целом негативное отношение общественности стран Азии к поездке премьер-министра, которую даже сравнивали с инспекционной поездкой генерала То:дзэ: Хидэки по оккупированным в войне азиатским странам, она принесла конкретные политические плоды в виде подписания деклараций, соглашений, договоров и пр.² Ввиду того, что между Японией и Индией практически не существовало исторической обиды за годы войны, визит премьер-министра прошел весьма успешно. В результате, лидеры стран Киси Нобусукэ и Дж. Неру выпустили Совместное заявление от 24 мая 1957 г., по которому договаривались продолжать двустороннее сотрудничество, основываясь на следующих принципах:

«1. Стремление разрешать любые международные споры мирным путем в соответствии с положениями Хартии ООН и 10 принципами Бандунгского соглашения;

¹ Внешняя политика Японии: история и современность. Учебное пособие / Институт востоковедения РАН; Ассоциация японоведов / Отв. ред. Молодякова Э. В. М.: Вост. лит., 2008. С. 174.

² Молодяков В. Э., Молодякова Э. В., Маркарьян С. Б. История Японии. XX век. 2-е изд. М.: ИВ РАН, Крафт +, 2009. С. 323.

2. Признание необходимости ограничить и, в конце концов, прекратить разработку ядерного оружия;

3. Усиление двустороннего сотрудничества в сфере торговли и производства¹.

Между тем, премьер-министр Киси не преминул возможностью разъяснить позицию своей страны касательно вопросов, затрагивающих интересы обеих сторон.

Он еще раз обозначил проблему ядерного разоружения как крайне значимую в условиях современного миропорядка, а также заметил, что японская сторона, в связи с этим, не допускает размещения на своей территории американских войск, оснащенных ядерным вооружением.

Киси также высказал мнение, что пока имеется множество различий в позициях Японии и Индии, нецелесообразно проводить вторую Конференцию стран Азии и Африки.

Премьер-министр особо подчеркнул, что Япония не намерена присоединяться к так называемому «нейтральному блоку» стран, так же, как и не намерена присоединяться к таким многосторонним военно-политическим соглашениям, как СЕАТО².

Важным итогом визита Киси в Индию стало подписание соглашения о торговле. Более того, были достигнуты договоренности о предоставлении Индии иенового займа.

В октябре 1957 г. Пандит Неру нанес ответный официальный визит в Японию, который стал поистине

¹ Ёсидзава Сэйдзиро. Указ. соч. С. 344–345.

² Narasimha Murthy P.A. Ibid. P. 371.

историческим событием. Японский народ воспринял это посещение их страны не просто премьер-министром Индии, а «посланником мира и прогресса». Представители японской интеллигенции очень радушно приняли Пандита, о чем говорит тот факт, что университеты Кэйо и Васэда пожаловали Неру степень доктора юридических наук и доктора технических наук соответственно.¹

Во время своего пребывания в Японии Дж. Неру провел множество бесед и интервью, в которых также высказал свое видение отношений Японии и Индии. В своих речах он, прежде всего, пытался развеять некоторые неточности и недопонимания, возникшие в умах японцев относительно внешней политики Индии и её концепции неприсоединения. В данном вопросе он делал акцент на желание индийского правительства не только поддерживать мирное сосуществование в регионе, но и уделять большее внимание экономическому развитию и сотрудничеству стран Азии.

Премьер-министр отдельно поднял проблему взаимодействия стран региона с Китаем, подчеркнув, в частности, что официальное признание Японией КНР приведет к значительным положительным результатам. Он обосновал такую позицию тем, что, по его мнению, вся азиатская политика должна концентрироваться вокруг таких стран, как Индия, Китай и Япония². Судя по складывающейся ситуации на современном этапе в азиатском регионе, можно сказать, что слова Пандита Неру стали своего рода пророческими.

¹ *Narasimha Murthy P.A. Ibid. P. 367.*

² *Narasimha Murthy P.A. Ibid. P. 368.*

Визит оказался продуктивным также и для развития дальнейших японско-индийских отношений в сфере финансово-промышленного сотрудничества. Японское правительство подтвердило свое обещание о выдаче иенового займа на осуществление второго пятилетнего плана в Индии. В дальнейшем, на основании этих договоренностей в 1958 г. между Японией и Индией было подписано соглашение о предоставлении иенового кредита, который стал первым в истории современной Японии примером оказания экономической помощи азиатским странам в рамках осуществления программы официальной помощи развитию (ОПР).

В результате взаимных визитов Киси и Неру было заключено Культурное соглашение 1957 г., которое положило начало развитию культурно-образовательного обмена между двумя странами¹.

Первая декада политических отношений между Японией и Индией завершилась весьма значимым событием. В ноябре-декабре 1960 г. Индию посетил наследный принц Акихито от имени императора Сёва (Хирохито). Визит был совершен в ответ на визит в Японию президента Индии Раджендры Прасада. 30 ноября был заложен камень для строительства Индийского Международного Центра, которому суждено было стать важным научно-культурным центром страны по образцу

¹ Пуллатту Абрахам Джордж プラット・アブラハム・ジョージ. Нитиин канкэй то индо ни окэру нихон кэнкю: 日印関係とインドにおける日本研究 (Японско-индийские отношения и изучение Японии в Индии). Киото 京都: Международный центр изучения японской культуры 国際日本文化研究センター, 2007. С. 6–7.

Международного дома Японии. Несмотря на церемониальный и символический характер визита, он продемонстрировал заинтересованность обеих сторон в дальнейшем взаимодействии.

Исходя из изложенного выше, можно сделать вывод, что период с 1952 по 1960 гг. стал, с одной стороны, временем формирования и осознания основных политических принципов в японско-индийских отношениях, а, с другой стороны, временем относительной активизации двустороннего сотрудничества. Последующий период 1960-х гг. принес новые региональные противоречия, которые привели к длительной стагнации в двусторонних политических отношениях.

РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ И ЯПОНИЯ: УРОКИ ИСТОРИИ ДЛЯ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ

65 лет назад произошло событие, ставшее рубежным для развития взаимоотношений между Республикой Корея (РК) и Японией. Так, в октябре 1951 г. стартовал переговорный процесс между Сеулом и Токио по поводу нормализации двусторонних отношений¹. Непростой задачей было, впрочем, устроить дело таким образом, чтобы эти переговоры состоялись — сказывались отголоски японского колониального правления в Корее.

Переговоры между РК и Японией, в общей сложности, длились четырнадцать лет. При этом, справедливости ради, стоит заметить, что в 1953–1958 гг. и вовсе никакие официальные переговоры не велись. Стоило представителю Японии на переговорах Кубота Канитиро заявить, что-де, японское колониальное правление принесло Корее только благо, и колонизация страны была делом, в общем-то, неизбежным², как переговоры были приостановлены на пять лет. Обращая внимание на хронику переговорного процесса, можно обратить внимание на любопытную деталь: практически каждый раунд переговоров заканчивался скандалом. И действительно, на повестку дня были вынесены вопросы, как принято говорить в таких случаях, «на все времена»: и проблема статуса японских корейцев, и вопросы

¹ 한일회담 개요 및 주요내용 (Краткое изложение основного содержания корейско-японских переговоров) URL: <http://jpn-tokyo.mofa.go.kr/webmodule/htsboard/template/read/korboardread.jsp?tupelID=15&boardid=8435&seqno=585782>

² *Taku Tamaki*. Deconstructing Japan's Image of South Korea: Identity in Foreign Policy. Macmillan, 2010. P.102

регулирования рыболовства, и проблемы урегулирования обоюдных претензий на собственность и проблема Токто, которая уже тогда стала фактором, существенно осложнявшим жизнь дипломатам.

Вместе с тем, давление США, которое оказывалось по дипломатическим каналам, в целом, оказывало минимальное влияние на состояние двусторонних отношений. Конечно, важной заслугой американской дипломатии было инициирование переговорного процесса. Урегулирование двусторонних отношений было на руку американской дипломатии, ибо в сложившейся ситуации диссонанс между двумя ключевыми стратегическими союзниками был для США нежелателен.

Очень многое упиралось в непростую внутривластную ситуацию в самой РК: в стране, где господствовали националистические, а по сути – антияпонские настроения, необходимо было выдерживать баланс между прагматизмом и национализмом. Президент РК Ли Сынман небезосновательно считается едва ли не самым антияпонским президентом страны за все время ее существования. И, вместе с тем, в условиях действующей политической системы, где внешнеполитический курс определялся главой государства, так или иначе, именно политика Ли Сынмана привела к тому, что переговорный процесс существенно затянулся, и, более того, — осуществлялись попытки принудить Японию к уступкам в том числе и через экономические меры.

Нормализация двусторонних отношений происходила постепенно, крайне осторожными шагами, зачастую — с оглядкой на общественное мнение. В канун подписания в 1965 г. Договора об основах отношений между РК и Японией в Сеуле было неспокойно, в городе проходили

массовые демонстрации против подписания договора. Пак Чонхи, ставший главой государства после т.н. «майской революции» 16 мая 1961 г., форсировал процесс нормализации двусторонних отношений.

Что стояло за нормализацией двусторонних отношений в 1965 г.? Во-первых, этому в немалой степени поспособствовал личный опыт Пак Чонхи, который родился и вырос уже в генерал-губернаторстве Чосон, получил военное образование в Военной академии Маньчжоу-Го и Военной академии Императорской армии Японии. Во-вторых, по всей вероятности, сказался и паттерн мышления, характерный для образованной корейской молодежи тех лет — восприятие Японии, при всех возможных антипатиях, как образца для подражания. Так, впрочем, повелось со времен открытия Кореи, когда после подписания Канхвасского мирного договора в Японию направились многочисленные делегации. Увиденное зачастую контрастировало с тем, что происходило на их Родине и давало весьма своеобразную пищу для размышлений. Тем не менее, Пак Чонхи и его окружение воспринимали Японию именно в качестве успешного образца социально-экономических преобразований. В-третьих, Южная Корея периода Ли Сынмана представляла собой заурядную страну «третьего мира», пораженную нищетой и коррупцией, существующей на американские средства, выделявшиеся как «помощь развитию». При этом, и американская «помощь развитию» подходила к концу, ее объемы год от года снижались. Перед РК стояла задача проведения социально-экономических преобразований, которая, в контексте соперничества двух Корей, оказывалась vitalной для будущего Южной Кореи. И

Япония стала, фактически, помимо всего прочего, и одним из ключевых кредиторов Сеула.

Кроме того, ситуация, когда между двумя соседними государствами без видимых значимых причин отсутствуют дипломатические отношения, воспринималась как ненормальная. Сложно сказать, как бы развивались двусторонние отношения дальше, если бы Сеул не нормализовал отношения с Токио. С одной стороны, сегодня воспринимается как данность, что Япония признает только РК в качестве единственного законного правительства на территории Корейского полуострова. Между тем, никому в начале 1960-х гг. не могла бы и в голову прийти мысль о том, что Япония установит дипотношения с КНР (что и случилось в 1972 г., став результатом политики президента США Р. Никсона в Азии). И в этой ситуации был бы вполне возможен вариант с нормализацией отношений между КНДР и Японией: в начале 1970-х гг. Пхеньян пытался диверсифицировать свои международные контакты, в т. ч. через развитие отношений с рядом стран Западной Европы и Японией. Тем паче, что Северная Корея в начале 1970-х гг. не обладала той одиозной репутацией, которой обладает сейчас.

Тем самым, нормализация отношений между РК и Японией в 1965 г. была, по существу, одним из первых важных достижений Пак Чонхи на дипломатическом поприще, что было особенно важно в условиях соперничества между Пхеньяном и Сеулом, которое разворачивалось и на международной арене.

Однако, как уже было сказано, нормализация отношений между РК и Японией была довольно осторожной и постепенной в силу настроений, господствовавших в южнокорейском обществе.

Активизировались экономические связи между двумя странами, которые и стали фундаментом двусторонних отношений. При этом, слабым звеном был политический срез двусторонних отношений, а также, как ни парадоксально, были наложены существенные ограничения на культурное сотрудничество двух стран, которые были сняты лишь в 1998 г.

Таким образом, Пак Чонхи была заложена та модель двусторонних отношений между РК и Японией, которая существует, несколько видоизменившись с требованиями времени, и по сей день. Свое развитие получил военно-политический компонент двусторонних отношений, который основывался на необходимости объединения сил Сеула и Токио для противостояния КНДР. Впрочем, и по сей день, корейская проблема остается, по существу, единственным пространством, где обе страны могут каким-либо образом сотрудничать. Военные ведомства двух стран, по всей видимости, в силу осознания общих угроз и вызовов, имеют довольно развитый уровень совместных связей. С начала 1980-х гг. происходит и интенсификация политического диалога между двумя странами: первый официальный визит южнокорейского главы государства в Японию состоялся в 1984 г.¹, когда Чон Духван посетил Токио. Визит был ответным, ибо, в свою очередь, премьер-министр Японии Накасонэ Ясухиро посетил Сеул с официальным визитом еще в январе 1983 г. С тех пор, по мере развития политического диалога между двумя странами, обмен визитами глав государств становится

¹전두환 대통령 일본 공식 방문 (Официальный визит президента Чон Духвана в Японию). URL: <http://www.archives.go.kr/next/search/listSubjectDescription.do?id=002863>

неотъемлемой частью внешнеполитической повестки дня. Рекордсменом в этом смысле оказался Ли Менбак, который посещал Японию с официальным визитом в общей сложности восемь раз — развитие политического среза взаимоотношений между Сеулом и Токио и входило, собственно говоря, в его внешнеполитическую программу, предусматривавшую развитие двусторонних отношений без оглядки на принципиально неразрешаемые проблемы, оставив их на откуп будущих поколений политиков двух стран. Его преемник на президентском посту, г-жа Пак Кынхе, срок президентских полномочий которой подходит к концу, впрочем, на сегодняшний момент, ни разу не была в Японии с официальным визитом. Встреча глав государств КНР, РК и Японии, состоявшаяся 1 ноября 2015 г. в Сеуле (!) была первой встречей подобного рода за три года. Важно то, что официальная встреча между президентом РК Пак Кынхе и премьер-министром Японии Абэ Синдзо состоялась именно на полях трехстороннего саммита.

Как известно, отношения между РК и Японией на современном этапе осложнены целым рядом неразрешимых проблем. Проблемы эти, впрочем, как и напряжение по этому поводу, накапливались постепенно. Территориальный вопрос (о принадлежности островов Токто/Такэсима), стоящий на повестке дня с 1948 г., южнокорейские власти с начала 1960-х гг., и, в течение очень долгого времени, старались не затрагивать, действуя в рамках «тихой дипломатии». Тем не менее, действия властей префектуры Симанэ, объявивших в 2005 г. 22 февраля «Днем Такэсима» вызвали крайнее недовольство в южнокорейском обществе. По существу, с этого момента территориальный вопрос входит в актуальную повестку двусторонних отношений. Попытки администрации

президента РК Ли Мёнбака откатить ситуацию назад, убрать проблему под сукно, впрочем, действия не возымели. И новый период турбулентности в японо-южнокорейских отношениях начался, в частности, после визита Ли Мёнбака на Токто в августе 2012 г.

Другой важной проблемой, определяющей состояние двусторонних отношений на сегодняшний момент, остаются «исторические споры», связанные с разностью интерпретаций событий недавнего прошлого, связанных, в том числе, с колониальной экспансией Японии в континентальной Азии. И, как показывает весь опыт развития двусторонних отношений — ничто не ново под луной: одним из фундаментальнейших разногласий, тормозивших переговорный процесс в 1950-е гг., был вопрос о том, как обе стороны воспринимают колониальное наследие. Как и шестьдесят лет назад, так и сейчас, период японской колониальной аннексии воспринимается и в КНДР, и в РК как «темные века», как время национального унижения. Симптоматично, что действующий президент РК Пак Кынхе в качестве важного условия для развития двусторонних отношений последовательно называет именно «принятие Японией правильного взгляда на историю», что, по сути, означает требование от Японии «платить и каяться». Разумеется, что ни в официальном Токио, ни в японском обществе такую постановку вопроса не разделяют. Частным случаем «исторического спора» между РК и Японией является проблема «женщин комфорта», которую, стараниями администрации Пак Кынхе вывели на обсуждение на дипломатическом уровне.

Соответственно, адекватных решений у вышеупомянутых проблем нет. В частности, что касается

территориального спора между РК и Японией, то, в данном случае, позиция Сеула остается на редкость последовательной: спора нет, все претензии иных сторон есть ни что иное, как незаконное посягательство на территорию РК. Отсюда — принципиальная невозможность разрешения спора в Международном арбитражном суде ООН. Япония же, в свою очередь, отзываться свои претензии не собирается. Следовательно, уже поэтому территориальный спор и связанные с ним сопутствующие «неудобства» — это всерьез и надолго, если не навсегда. И даже если южнокорейское руководство пойдет когда-либо на обсуждение проблемы Токто на дипломатическом уровне, то это совсем не будет означать «окончательного решения», ибо цена решению — серьезнейший политический кризис в стране, которая на этот шаг пойдет. Исходя из опыта прошлых лет, максимально приемлемым был бы «нулевой вариант», когда обе стороны прекращают муссировать данную проблему.

«Исторические споры», впрочем, также будут оставаться на повестке дня. Причина — господствующий в южнокорейском обществе национализм, порождающий временами крайне извращенные формы восприятия истории собственной страны. Автору известно о взгляде на историю, который постепенно набирает популярность в РК, в частности — в академических кругах, который состоит примерно в следующем: «Вся история Кореи составляет 9200 лет, все человечество произошло от корейцев, и у нас были все доказательства, которые содержались в летописях, но пришли японцы, и все пожгли»¹. Подобный подход к

¹ Подобного подхода придерживаются, в частности, в южнокорейской новой религии Чынсандо (кор. 증산도; 甞山道), которая из

корейской и мировой истории, который нельзя не считать «карикатурным», в перспективе может стать благодатной почвой для дальнейшего развития претензий к Японии по «исторической» линии. Тем не менее, даже если опасения останутся лишь опасениями, затухание «исторических споров» также представляется маловероятным.

Как показывает опыт развития двусторонних отношений между Сеулом и Токио, важным фактором полноценного сотрудничества остаются, в первую очередь, экономические и культурные связи. С одной стороны, экономики РК и Японии демонстрируют довольно высокий уровень взаимозависимости, с другой — японские товары остаются в Южной Корее предметом престижного потребления, японская культура остается достаточно популярной, а японский язык сохраняет свои позиции в тройке самых изучаемых языков в стране.

Что касается политического среза двусторонних отношений, то он, увы, остается зависим от общественных настроений как в РК, так и в Японии. Причем это касается как публичной дипломатии, так и военно-политического уровня. Вероятно, несколько отвлечет на себя внимание развитие ситуации вокруг ядерной проблемы Корейского полуострова, и внешнеполитические позиции двух стран несколько сблизятся, что позволит хотя бы на некоторое время отставить неразрешимые противоречия между Сеулом и Токио на второй план.

прибежища низших слоев превратилась в довольно респектабельное местное верование. 20 февраля 2016 г. в Москве состоялась презентация перевода трактата «Хвандан коги» (кор. 환단고기; 桓檀古記) где и описан указанный взгляд на мировую историю.

СОВРЕМЕННОЕ КАВКАЗОВЕДЕНИЕ В ЯПОНИИ

Кавказоведение является относительно молодым направлением исследований в Японии, фактически появившемся в 1990-е гг. и напрямую связанным с крушением СССР. Необходимости развивать отдельно кавказоведение до этого момента в Японии не было, так как Кавказ рассматривался в качестве неотъемлемой части Советского Союза. Соответственно, изучение региона происходило в рамках русистики и фактически кавказоведение выросло из этой области. Можно привести имя переводчика Фукуро Иппэй (1897–1971 гг.), который был знатоком русского языка, помимо произведений российских писателей он также перевел на японский язык поэму известного грузинского писателя Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», выпущенной в Японии в 1972 г. Однако эта поэма была переведена с русского языка.

Японский дипломат Сато Масару, работавший в посольстве в Москве в 1987–1995 гг., отметил одно немаловажное наблюдение, связанное с положением исследований в сфере кавказской проблематики в МИД Японии. Во время аналитической работы с советской прессой 22 февраля 1988 г. он столкнулся с сообщением о нападении азербайджанцев на армян в Сумгаите (Азербайджан). В газетах «Известия» и «Правда» была дана информация по поводу этого инцидента, и, как пишет Сато Масару, он встретил фразу о том, что в кавказских республиках складывается взрывоопасная ситуация. Однако он подчеркивает, что в посольстве Японии с такого рода проблемами были знакомы мало и ими не интересовались, так как аналитики ограничивались основными

всесоюзными новостями из «Правды» и «Известий»¹. Начиная с 1988 г., он начал изучать межэтнические проблемы, кавказскую проблематику и, будучи знакомым с прибалтийскими диссидентами, вопросы, связанные с проблемой независимости прибалтийских республик. Через несколько лет он стал уникальным специалистом в МИД Японии по вопросам нацменьшинств и межэтнических проблем в СССР и Российской Федерации после 1991 г. Эти данные свидетельствуют о слабой изученности кавказской проблематики не только в научном плане, но и на уровне дипломатической практики.

После крушения СССР японская дипломатия обратилась к региону Центральной Азии и Южного Кавказа, объявившими себя независимыми. В первой половине 1990-х гг. МИД Японии не имел четкого плана в отношении этих стран, и на эту ситуацию оказывало влияние то, что в Японии не было специалистов, владевших языками, каналами связи и навыками общения в странах региона. Переговоры велись на английском или на русском языках. Специалист по японской внешней политике и дипломатии в Центральной Азии М.Ю. Мурашкин отметил: «В начале становления отношений с новыми независимыми государствами Центральной Азии профессиональное регионоведческое знание об этих странах в Японии было ограничено, как и число дипломатов с соответствующей компетенцией»². Данная оценка справедлива и в отношении страны Кавказа.

¹ *Sato Masaru* 佐藤優] Дзикайсуру тэйкоку 自壊する帝国 (Саморазрушающаяся империя). Токио: Синтёся, 2006. С. 114.

² *Мурашкин Н. Ю.* Дипломатия «Великого шелкового пути» в Центральной Азии через призму японских представлений о

Несмотря на недостаток знаний о странах Кавказа и Центральной Азии, Япония уже в начале 1990-х гг. стремилась проникнуть в этот новый для нее регион. Сначала такая деятельность, совместно со странами Запада и стратегическим союзником Японии США, осуществлялась в виде гуманитарной помощи. В 1996 г. была выработана концепция «Великого шелкового пути», которая была призвана укрепить дипломатическую линию на «евразийском направлении», объединяющим Центральную Азию, Кавказ и Россию в единый геополитический регион¹. Эта концепция вылилась в «Евразийскую дипломатию» премьер-министра Хасимото Рютаро, объявленная им в июле 1997 г.² С этого момента началось более централизованное и целенаправленное проникновение Японии в регион и, соответственно, наметился переход в изучении стран региона на новый уровень.

При нескольких университетах Японии, которые специализировались на русистике и международным отношениям, стали проводиться исследования и в этой новой области. Одним из крупнейших таких центров, бесспорно, является Университет Хоккайдо в г. Саппоро.

безопасности (1992–2009 г.) // Япония-2012 (Ежегодник). М.: АИРО-XXI, 2012. С. 36.

¹ *Togo Kazuhiko*. Japan's Foreign Policy 1945–2003: The Quest for a Proactive Policy. Leiden-Boston, Brill, 2005. P. 254.

² Address by Prime Minister Ryutaro Hashimoto to the Japan Association of Corporate Executives. 24.07.1997 // Официальный сайт премьер-министра Японии и его кабинета. URL: <http://japan.kantei.go.jp/0731douyukai.html> (дата обращения 28.05.2014).

Еще в 1953 г. был создан координационный совет по славянским исследованиям, который в 1955 г. был официально включен в структуру юридического факультета. Это был единственный центр данного профиля в Японии на тот момент. В 1978 г. его переименовали в «Центр славянских исследований». В 1990 г. он трансформировался в национальный институт славянских исследований, и при содействии Министерства образования в стенах этого научного учреждения осуществлялись приоритетные исследовательские проекты, такие как «Трансформация славянско-евразийского мира» (1995–1997 гг.). С реализации данного проекта началось расширение проблематики исследований центра, который стал не только охватывать вопросы, связанные с изучением русского языка, истории России, русской литературы и культуры, российско-японских отношений, но и был дан старт исследованиям в области культур национальных меньшинств, населяющих Россию, и истории, культуры и религии стран бывшего Советского Союза. В числе основных тем по политике, экономике и культуре, которые развивались в рамках программы, разрабатывалась тема эскалации межэтнических конфликтов и проблема идентичности и самоопределения среди разных этнических групп России (в том числе, чеченская проблематика и ситуация на Северном Кавказе).

Если на заре основания центр сосредотачивался на изучении русского языка и литературы и особенно русско-японских отношений, то в 1990-е гг. произошел качественный поворот в исследованиях. В японскую науку активно внедрялся геополитический термин «Евразия», из которого вытекает специфика исследований России и постсоветского пространства, включая как Центральную

Азию и Кавказ, так и страны Восточной Европы. Надо сказать, что подобный подход напрямую связан с подходом МИД Японии, который именно во второй половине 1990-х гг. сформулировал т. н. «евразийскую дипломатию».

В начале 2000-х гг. в Центре славянских исследований был расширен формат образовательных программ, охватывавших «евразийскую» проблематику. Причем, Центр являлся пионером в этой области в Японии. В плане научных разработок в 2003–2007 гг. стояла тема региональной социальной структуры (внутреннего и внешнего измерений) в «большой Евразии» в целом и в славянском мире в частности¹. Другая объемная плановая тема на 2008–2013 гг. состояла в компаративистских исследованиях в Евразии, на основе сравнения ситуации в России, Индии и Китае. Эти темы были объявлены Министерством образования и культуры Японии, а Центр славянских исследований был в них включен и разрабатывал вопросы, связанные с славянской проблематикой и этническими вопросами на постсоветском пространстве, в том числе на Кавказе. Во время встречи автора статьи с директором Центра в 2007 г. он в приватной беседе отметил, что среди молодых исследователей нет заинтересованных в православии или традиционной российской культуре и литературе, однако несколько человек изучали проблемы ислама и национальных меньшинств в России. Данная тематика привлекала внимание молодых исследований ввиду своей научной

¹ Yurajachiikitaikoku no hikakukenyu: (ユーラシア地域大国の比較研究) // src-h.slav.hokudai.ac.jp. Hikakuchiikitaikokuron (比較地域大国論). URL: <https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/rp/index.html> (дата обращения: 29.02.2016).

новизны для японской науки и актуальности для возможной практической работы. В 2010 г. Славянский центр был переименован в Центр славянских и евразийских исследований (スラブ・ユーラシア研究センター).

В 2000-е гг., вероятно, ввиду укрепления позиций России на международной арене, японские исследования скорректировались в сторону изучения проблемы российского имперского мышления в связях с соседними государствами и внутри собственной страны. В 2001–2004 гг. в рамках проекта по исследованию экономической ситуации в России Центр исследовал проблематику, связанную с российской экономической политикой в отношении Северного Кавказа и международных экономических отношений со странами Южного Кавказа. В Центре славянских исследований в 2006 г. прошла конференция «Преодолевая империализм: образ России в контексте евразийской культуры» (帝国を超えて：ユーラシア文化のコンテクストにおけるロシアのイメージ). На конференции выступали исследователи из Японии, России, США, Польши, Германии. В докладах, помимо проблемы имперского мышления в России и внутреннего колониализма, были затронуты вопросы, связанные с культурой пограничья на Кавказе (Северном Кавказе) и вопрос модернизации Грузии.

МИД Японии обращается к специалистам Центра за консультациями, как к наиболее сведущим в вопросах, связанных с ситуацией на Кавказе и в Центральной Азии. На первую встречу форума «Япония — Центральная Азия» (2006 г., в этом году прошла 8-я аналогичная встреча) был приглашен профессор Центра Уяма Томохико в качестве

эксперта¹. Необходимо подчеркнуть, что в Японии регион Центральной Азии и Южного Кавказа рассматриваются в качестве единого региона, поэтому специалисты по Центральной Азии нередко выступают экспертами в вопросах, связанных с Кавказом. В структуре МИД Японии два этих региона объединены в Кабинете Центральной Азии и Кавказа.

В течение 2000-х гг. специалисты Центра славянских и евразийских исследований детально изучали территориальную, экономическую, этническую тематику и в 2010-е гг. произошел переход к более специализированным темам. Еще в 2000 г. было создано общество изучения «Центральной Евразии» (中央ユーラシア研究会), рассматриваются разнообразные вопросы, связанные с историей и современным положением в Центральной Азии, на Кавказе, на Урале и в Афганистане². Идейным вдохновителем этого общества стал Уяма Томохиико. Сам термин «Центральная Евразия» свидетельствует о самостоятельном подходе, который разработан в Центре. В числе тем, которые обсуждались на заседаниях общества и по которым защищаются диссертации в Университете Хоккайдо, можно выделить такие, как «Проблема Нагорного Карабаха в Азербайджане: исследование мнений иммигрантов и интеллигенции»

¹ Chu:ojia + nihon taiwa daiikkai tokyo: taiwa「中央アジア+日本」対話 第1回東京対話 // mofa.go.jp. Официальный сайт МИД Японии. URL: http://www.mofa.go.jp/mofaj/press/event/caj_list.html (дата обращения: 29.02.2016).

² Hokkaido chu:oyurajikenkyu:kai (中央ユーラシア研究会). URL: <https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/casia/index.html> (дата обращения: 29.02.2016).

(А. Мамумадов, 2015 г.), «Переход от чеченского национализма к пан-кавказскому джихадизму: изменение идеологии» (Нода Такэхито, Унив. преф. Гумма, 2014 г.). В 2012 г. было проведено 100-е заседание общества, по теме «Кавказ в политологических исследованиях общества изучения “Центральной Евразии”». На заседании был заслушан доклад докторанта Центра Татибана Ю, который рассмотрел вопросы, связанные с тремя молодыми республиками Южного Кавказа: Грузией, Азербайджаном и Арменией. Особое внимание было уделено экономической, политической ситуации в странах, межэтническим конфликтам и отношениям с Россией после 1991 г.¹

В настоящее время, в Центре славянских и евразийских исследований выступают специалисты из разных университетов Японии и зарубежных стран, они зачитывают доклады по самыми разнообразным тематикам. Например, в 2015 г. на симпозиуме «Россия и всемирная история» специалист Центра выступил с докладом «Место России во всемирной мусульманской системе связей в 1800–1930-е гг.: суфизм, национализм и анти-империализм»².

Помимо крупнейшего в Японии центра в Университете Хоккайдо, кавказоведение получило развитие и в других университетах Японии, таких как Университет Цукуба и Токийский Университет. В Университете Цукуба

¹ *Tachibana Yu* 立花優. *Chu:oyu:rajiaseijikenkyuun no naka no kokasu* 中央ユーラシア政治研究の中のコーカサス. URL: https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publicntn/slavic_eurasia_papers/no5/ch3section13.pdf (дата обращения: 29.02.2016).

² *Slavic-Eurasian Research Center News*. 2015. May. № 141. URL: <https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/jp/news/141/CNews141.pdf> (дата обращения: 29.02.2016).

данной тематикой занимается Минэи Акико, которая специализируется на связях между Россией и бывшими азиатскими республиками СССР. В 2012 г. вышла в свет ее работа «Формирование обществ на Кавказе и в Центральной Азии: сравнительное исследование развивающихся культур»¹. Специалисты университета занимаются исследованием проблематики, связанной с Кавказом в русле изучения международных отношений в азиатском регионе, связей Японии со странами региона, изучение процессов глобализации на примере стран Центрально Азии и Кавказа, развитие отношений между Россией и странами региона. Университет Цукуба участвует в работе форума «Япония — Центральная Азия» и сотрудничает с МИД по вопросам, связанным с регионом в целом. Однако, кавказоведение в Цукуба не является отдельной областью исследования и рассматривается вкупе с изучение стран Центральной Азии.

В старейшем университете страны — Токийском университете — в 2009 г. было создано «Общество изучения Кавказа» (コーカサス研究会). Оно создавалось как площадка для изучения истории, культуры, обществ, экономики и политики стран региона молодыми японскими исследователями. С 2009 по 2014 гг. было проведено 9 заседаний обществ, на которых были рассмотрены в основном острые политические проблемы региона, и выступили специалисты Токийского Университета, Университета Васэда, Университета Кэйо,

¹ Minei Akiko (嶺井 明子) // trios.tsukuba.ac.jp. Официальный сайт Университета Цукуба. URL: <http://www.trios.tsukuba.ac.jp/researcher/0000002127> (дата обращения: 29.02.2016).

Университета Тюо¹. В основном исследователи, принявшие участие в работе заседаний, уделяли внимание международно-политическому аспекту развития стран региона (проблема Нагорного Карабаха, отношения Грузии и ЕС, взаимодействие стран Кавказа с государствами ЦА). Среди исследователей, принимавших участие в заседаниях общества, выделяется имя Тогаси Косукэ, молодого специалиста Токийского Университета по этническим конфликтам, состоящего в «Центре изучения Евразии» (ユーラシア研究所). В течение последних нескольких лет он опубликовал статьи и монографии по истории войны в Чечне и истории Чеченской республики. В 2012 г. вышла его небольшая работа «Кавказ: регион, где война и мир стоят бок о бок» (コーカサス—戦争と平和の狭間にある地域). В 2015 г. вышла книга «Чечня: провал мирного урегулирования и комплексные механизмы преодоления конфликтов».

Упомянутый выше «Центр изучения Евразии» был создан еще в 1989 г. как «Центр изучения СССР» с целью объединить советологов всей Японии. В начале 2000-х гг. Центр перепрофилировался на изучение России и ее связей со странами «Евразии», под которыми в основном понимаются бывшие советские республики². Это центр стал кузницей специалистов по кавказоведению, число которых, однако, на данный момент невелико.

¹ Kokasukenkyukai. Kenkyukai ni tsuite (コーカサス研究会. 研究会について) // caucasus3workshop.wordpress.com. Официальный сайт «Общества изучения Кавказа». URL: <https://caucasus3workshop.wordpress.com/> (дата обращения: 29.02.2016).

² Yu.rajiakenkyujyo: (ユーラシア研究所). URL: <http://www.yuken-jp.com/information.html> (дата обращения: 29.02.2016).

Обзор исследовательских центров, занимающихся развитием японского кавказоведения, свидетельствует о том, что на данный момент это направление значительно уступает изучению стран Азии и Центральной Азии, в частности. Опросы общественного мнения в Японии говорят о том, что население дает низкую оценку перспективам развития диалога между Японией и странами Кавказа, обнаруживая основную проблему — отсутствие прямой заинтересованности японских политических и деловых кругов в развитии отношений с регионом. Из этого вытекает маргинальное на данный момент положение кавказоведения в масштабах страны.

Изучение кавказской проблематики проводится точно и рассматривается в Японии не в качестве отдельного направления исследований, а в комплексе изучения «Евразии». Большой проблемой для молодого японского кавказоведения является недостаток специалистов, владеющих соответствующими языками. В связи с этим, литературоведческие и лингвистические исследования не проводятся. В фокусе внимания японских специалистов находятся экономические и политические проблемы в регионе, информацию о которых они могут почерпнуть из англоязычных и русскоязычных источников. Отдельного исследования требует изучение опыта японских неофитов, принявших ислам и развивающих данную проблематику, например, Кикичи Юкико и Вакидзака Кэйсукэ, которые продвигают идеи национального самоопределения и отделения северокавказских республик от России. Кавказоведение в Японии на данный момент, несомненно, значительно политизировано и базируется на поиске и демонстрации противоречий между Россией и странами региона. Кроме того, заметно влияние на

японские политологические исследования подходов, принятых в американских и европейских исследованиях – с данной точки зрения, японское кавказоведение концептуально зависит от идей, развивающихся на Западе. Тем не менее, несмотря на означенные слабые стороны кавказоведения как области знания в японской науке, важно подчеркнуть, что в научных центрах страны постепенно собираются и осмысливаются знания о странах Кавказа, вырабатываются собственные критерии оценок, и именно сейчас мы наблюдаем, как закладываются основы молодой научной школы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

В работе над монографией принял широкий круг отечественных и зарубежных исследователей.

Введение к приуроченной к 110-летию со дня рождения А. А. Холодовича работе подготовлено *Самойловым Н. А.* (Япония: традиция перемен) и *Оглоблиным А. А.* совместно с *Храковским Е. С.* (А. А. Холодович: востоковед, лингвист-теоретик).

В написании разделов первой главы работы «Японский язык: анализ, эволюция и опыт преподавания» приняли участие: *Аракава Ёсико* (Что такое «якувариго»? 役割語とは何か), *Басс И.И.* (Бенефактивные конструкции -тэ/-дэ кудасару и -тэ/-дэ курэру в современном японском языке), *Гуревич Т. М.* (Модные слова и современные японцы), *Ибрахим И. С.* (Методы изучения особенностей общественно-политических текстов как раздел преподавания аспекта «Японская пресса»), *Стрижак У.П.* (Грамматическая категория переходности в японском языке как показатель японского мировидения), *Хронопуло Л. Ю.* (Заемствования из английского языка в повседневном электронном общении молодых японцев).

В работе над второй главой – «Литература Японии: жанры, сюжеты, толкования» были задействованы: *Бреславец Т. И.* (Роман «Шанхай»: политика и литература), *Кикнадзе Д. Г.* (Отражение буддийского принципа гэндзэрияку в сборнике сэцува «Удзи сюи моногатари» XIII в.), *Климов В.Ю.* Наставление дома Имагава, *Мотрохов А.И.* (Биография поэта Яmanoуэ Окура в его молодые годы (опыт реконструкции)).

Третья глава – «Традиционная Япония: образы, дискурсы, подходы и оценки» включает разделы, подготовленные *Борисовой А.А.* (Симомура Котаро – отец коксовой промыш-

ленности Японии), *Касахара Кота* (Бои на озере Хасан: обзор основных публикаций Японии и России), *Маранджян К. Г.* («Патриарх» японского конфуцианства Фудзивара Сэйка), *Михайловой С.А.* (К 100-летию подписания Русско-японского соглашения: новые архивные данные о втором визите принца Канин в Россию), *Османовым Е. М.* (Становление и организация внешнеполитической службы в Японии: исторический анализ), *Толстогузовым С.А.* (Общеполитическое соглашение 1907 г.), *Филипповым А.В.* (Научно-учебная специализация «История Японии» в Петербурге–Петрограде–Ленинграде–Петербурге), *Щепкиным В.В.* (Восприятие «земель айнов» в княжестве Мацумаэ и правительстве Японии во 2-й пол. XVIII в.), *Яковкиным Е.В.* (Роль японской военной миссии в Харбине в идеологических установках русской эмиграции в Маньчжурии: 1932–1945 гг.).

Глава «Культура Японии: сквозь призму традиций» объединяет авторский коллектив, в составе *Войтишек Е.Э.*, *Речкаловой А.А.* (Трансформация функционального назначения гербов военного сословия в эпоху Эдо), *Егоровой А.А.* (Не только ваби: японская эстетика и искусство керамики эпохи Эдо), *Журавской Т.М.* (Истоки образности творчества японского дизайнера Токудзина Ёсиока), *Ясумото Акико* (A study on 'Tsurushi-bina no minato': The depiction concerning an exchange between Japan and Russia in village Heda).

Заключительный раздел монографии – «Современная Япония: политика, общество и государство» написан *Ковригиным Е. Б.* (Япония и Транстихоокеанское партнерство (по материалам японской прессы 2009–2016 гг.)), *Леленковой А.В.* (Политические отношения между Японией и Индией в 1950-е гг. Позиция сторон), *Лобовым Р.Н.* (Республика Корея и Япония: уроки истории для двусторонних отноше-

ний), *Малашевской М.Н.* (Современное кавказоведение в Японии).

Аффилиация

1. *Аракава Ёсико.* Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.
2. *Басс Ирина Исаевна.* Санкт-Петербургский государственный институт культуры, кафедра иностранных языков и лингвистики. Россия 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 2.
3. *Борисова Анастасия Анатольевна.* Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.
4. *Бреславец Татьяна Иосифовна.* Дальневосточный федеральный университет, Россия, 690950, г. Владивосток, ул. Суханова, 8.
5. *Войтишек Елена Эдмундовна.* Новосибирский государственный университет, Россия, 630090, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 2.
6. *Гуревич Татьяна Михайловна.* Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.
7. *Егорова Анна Алексеевна.* Государственный Эрмитаж, Россия, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 34.
8. *Журавская Татьяна Михайловна.* Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.А. Штиглица, Россия, 191028, Санкт-Петербург, Соляной пер., 13.

9. *Ибрахим Инга Самировна*. Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.
10. *Касахара Кота*. Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.
11. *Кикнадзе Диана Гургеновна*. Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.
12. *Климов Вадим Юрьевич*. Институт восточных рукописей РАН, Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18.
13. *Ковригин Евгений Борисович*. Университет Сэйнан гакуин, г. Фукуока, Япония.
14. *Леленкова Анна Викторовна*. Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.
15. *Лобов Роман Николаевич*. Институт Дальнего Востока РАН, Россия, 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32.
16. *Малашевская Мария Николаевна*. Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.
17. *Маранджян Каринэ Генриховна*. Институт восточных рукописей РАН, Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18.
18. *Михайлова Светлана Анатольевна*. Московский государственный лингвистический университет, Россия, 119034, Москва, ул. Остоженка, 38.
19. *Мотрохов Александр Иванович*. Независимый исследователь, г. Харьков, Украина.

20. *Оглоблин Александр Константинович*. Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.
21. *Османов Евгений Магомедович*. Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.
22. *Речкалова Анастасия Александровна*. Новосибирский государственный университет, Россия, 630090, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 2.
23. *Стрижак Ульяна Петровна*. Московский городской педагогический университет, Россия, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, 4.
24. *Толстогозов Сергей Анатольевич*. Университет Хиросима, г. Хиросима, Япония.
25. *Филиппов Александр Викторович*. Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.
26. *Храковский Виктор Самуилович*. Институт лингвистических исследований РАН, Россия, 199004, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9.
27. *Хронопуро Лиала Юрьевна*. Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.
28. *Щепкин Василий Владимирович*. Институт восточных рукописей РАН, Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18.
29. *Яковкин Евгений Васильевич*. ГБПОУ Колледж олимпийского резерва Пермского края, Россия, 614039, г. Пермь, ул. Сибирская, 55.
30. *Ясумото Акико*. Университет Нихон, г. Токио, Япония.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ЯПОНИЯ: традиция перемен 3

А.А.ХОЛОДОВИЧ: востоковед, лингвист-теоретик 7

ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК:

АНАЛИЗ, ЭВОЛЮЦИЯ И ОПЫТ ПРЕПОДАВАНИЯ

役割語とは何か (Что такое «якувариго»?) 21

Бенефактивные конструкции *-тэ/-дэ кудасару* и *-тэ/-дэ курэру* в современном японском языке 28

Модные слова и современные японцы 45

Методы изучения особенностей общественно-политических текстов как раздел преподавания аспекта «Японская пресса» 54

Грамматическая категория переходности в японском языке как показатель японского мировидения 63

Заемствования из английского языка в повседневном электронном общении молодых японцев 78

ЛИТЕРАТУРА ЯПОНИИ:

ЖАНРЫ, СЮЖЕТЫ, ТОЛКОВАНИЯ

Роман «Шанхай»: политика и литература 89

Отражение буддийского принципа *гэндзэ-рияку* в сборнике *сэцува* «Удзи сюи моногатари» (XIII в.) 104

Наставление дома Имагава 117

Биография поэта Яманоуэ Окура в его молодые годы (опыт реконструкции) 137

ТРАДИЦИОННАЯ ЯПОНИЯ:

ОБРАЗЫ, ДИСКУРСЫ, ПОДХОДЫ И ОЦЕНКИ

Симомура Котаро — отец коксовой промышленности Японии 144

Бои на озере Хасан: обзор основных публикаций Японии и России 151

«Патриарх» японского конфуцианства Фудзивара Сэйка 159

К 100-летию подписания русско-японского соглашения: новые архивные факты о втором визите принца Канъин в Россию 171

Становление и организация внешнеполитической службы в Японии: исторический анализ 182

Общеполитическое соглашение 1907 г. 198

- Научно-учебная специализация «История Японии» в Петербурге–
Петрограде–Ленинграде–Петербурге 213
- Восприятие «земель айнов» в княжестве Мацумаэ и центральном
правительстве Японии во 2-й пол. XVIII в. 225
- Роль японской военной миссии в Харбине в идеологических уста-
новках русской эмиграции в Маньчжурии: 1932–1945 гг. 235

КУЛЬТУРА ЯПОНИИ: СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТРАДИЦИЙ

- Трансформация функционального назначения гербов военного
сословия в эпоху Эдо 251
- Не только ваби: японская эстетика и искусство керамики эпохи Эдо 262
- Истоки образности творчества японского дизайнера Токудзина
Ёсиока 275
- 『つるし雛の港』を読む —文学に描かれた戸田の日本人とロシア
人の交流— (A study on «Tsurushi-bina no minato»: The depiction
concerning an exchange between Japan and Russia in village Heda) 287

СОВРЕМЕННАЯ ЯПОНИЯ: ПОЛИТИКА, ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

- Japan and the Trans-Pacific Partnership Agreement (A review of
Japanese mass-media material from 2009 to 2016) 294
- Политические отношения между Японией и Индией в 1950-е гг.
Позиция сторон 311
- Республика Корея и Япония: уроки истории для двусторонних
отношений 323
- Современное кавказоведение в Японии 332

- СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 344

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

ЯПОНИЯ (мир–традиция–перемены):

Материалы российских и зарубежных исследователей,
представленные в рамках мероприятий, посвящённых 110-летию
А.А.Холодовича

Печатается в авторской редакции

ДИЗАЙН И ОРИГИНАЛ-МАКЕТ: В.В.Щепкин, А.В.Филиппов

Подписано в печать 11.04.2016 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,4. Тираж 120 экз.
Заказ № 4203.

Отпечатано в ООО «Издательство "ЛЕМА"»,
199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., д.28
тел. 323-30-50, тел./факс: 323-67-74
e-mail: izd_leva@mail.ru
<http://www.levaprint.ru>